Ольга Фомина

Я РЕШИЛ СТАТЬ ЖЕНЩИНОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ольга Фомина — один из лучших фотографов Москвы, добившаяся признания и успеха в области рекламной фотографии, сделала попытку найти себя на новом для себя поприще — в литературе. Ее первый роман «Я решил стать женщиной» — автобиографический. Это драматичная история о жизни модного фотографа, снимающего звезд нашей российской поп-сцены и известных политиков, это повествование о жизни человека, меняющего пол, и о связанных с этим непростым процессом забавных приключениях. Это история о любви, о ревности, о семейных взаимоотношениях, о потерях — история, написанная эмоционально, иронично, с юмором и всем понятным языком.

- Ольга Фомина
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья

Ольга Фомина
Я решил стать женщиной

Глава первая

Я шел мимо радостных новогодних витрин, проталкиваясь через истеричную предпраздничную суету, я шел, ничего не замечая: «Скоро Новый год, блядь. Весь год профуфукал, ничего не сделано. На хуй надо было покупать дорогой ежедневник, чтобы к концу года он остался пустым!» Я перечислял, что собирался сделать в течение года, собирался каждую неделю…, собирался 52 раза… Благие намерения записывать, планировать, важно заглядывать с утра в эту красивую кожаную книжицу, — все утонуло в болоте моей безалаберности и инертности. Это не было традиционным распиздяйством, отличающим многих фотографов, работал я хорошо, работал я организованно, и записывать ничего не надо, — хочешь получать деньги, никогда ничего не забудешь…

«Девушка, с наступающим Вас! Заполните анкету, будете участвовать в новогоднем розыгрыше призов», — мне уже сунули в руку желтый листок, и я тупо его рассматривал…

«Приз?… Какой, на хуй, приз!? Блядь, опять таймшер*!» — быстро раскусила я самый вероятный вариант предстоящего обмана.

Но мне было приятно, когда меня называли девушкой, а называли, путая меня, все чаще и чаще, я начинал даже привыкать к этому. И я послушно стоял, растерянно улыбаясь, отловленный рекламным агентом. Посылать ее среди нарядных новогодних витрин, в царящей, как на детском утреннике, атмосфере, не хотелось.

— Вы сможете прийти на следующей неделе в наш офис на Маросейке? Только надо вдвоем с мужем? Вы замужем? Или с кем-нибудь прийти можете, — тараторила агентша, довольная моим слабоумием. «Блядь, если парочкой, то точно таймшер: Заебали: Новый год и никаких тебе призов, суки!»

— Уже не девушка, — привычный для меня ответ в подобных случаях и привычный для меня собственный грубый мужской голос. Этот момент меня всегда забавлял:, агентша заткнулась и покраснела:, она подергала свой безумный, вязаный берет:

— Как не девушка?…Ой, извините, я так устала за день… Просто… просто… — она рассматривала меня, она пыталась объяснить себе, почему она обратилась ко мне, как к женщине… Она еще раз уставилась, на торчащие через куртку ей в лицо мои сиськи.

— Вот, возьмите эту пластиковую карточку, Вы стали участником нашего розыгрыша призов: от телефона, как

минимум, до телевизора, — и заговорщицким, доверительным голосом. — Вся эта реклама стала неэффективной. Телевидение, журналы… — никто ни во что не верит! Руководство нашей компании решило работать непосредственно со своим потребителем. Говорите свой номер телефона, Вам позвонят, скажут точно, что именно Вы выиграли.

Я уже вертела вместе с желтой бумажкой красивую пластиковую карточку, машинально трогая пальцем эмбоссированный выпуклый номер на ней.

— Это — точно не таймшер? — спросила я строго, но вопрос прозвучал предательски неуверенно.

— Не-е-ет, конечно нет. Просто приезжайте получить Ваш подарок, — голос ее уже был снисходительно-повелительный. Я растеряно кивнула головой и неловко ткнулась в не успевший раскрыться турникет перед входом в продуктовый отдел.

* * *

— Привет, Заечкин, — дверь открыла жена.

Я с трудом ввалилась с огромными сумками и сразу увидела себя в зеркале — вся в снегу, с красной от мороза рожей. «Да уж, тоже мне девушка», — увиденное разочаровало, я все-таки не понимала, как меня могли путать с особями женского пола. Из угла в коридоре выскочила моя дочка. «Ав!» — напугала она меня и, заливаясь смехом, прижалась ко мне.

— Ой, папа, какой ты холодный! — она отбежала от меня, вся съежившись.

— А это я сейчас на улице с Дедом морозом встретился, вот он меня и приморозил чуток, — объяснила я с серьезным лицом причины своего крайнего оледенения.

— Ты врёшь, он только к маленьким детям приходит, — не поверила мне дочка.

— Так я же просто мимо него проходил, случайно его встретил, поздоровался и напомнил ему, чтобы не забыл зайти к тебе.

— И что он сказал? зайдёт? — с надеждой направила на меня свои смешные карие глазки Лиза.

— Конечно, зайдёт. Сказал, что помнит тебя, и соскучился с прошлого года по тебе и что уже ищет для тебя хороший подарок.

— А ты сказал Деду Морозу, что я хочу такую Барби, я тебе уже говорила: её не Барби, а Анастасией зовут? И она в таком же красивом платье, в котором она на балу в мультике танцевала. Вот я такую хочу. Пусть он принесет мне такую.

— Лизулька, ты нарисуй ему красивую открытку, положи её под нашу новогоднюю ёлку и три раза скажи: «Дед Мороз, Дед Мороз, подари мне паровоз!», и Дед Мороз тогда принесёт тебе всё, что захочешь, — ответил я своей дочке и поцеловал ее в щеку.

— А почему паровоз? Я же Анастасию хочу в синем бальном платье, мне паровоз не нужен, — возмутилась Лиза.

— Потому, что паровоз в рифму, и это волшебный паровоз, он приезжает, а Дед Мороз достает из него подарки, которые у него просят маленькие детки.

— Сейчас нарисую: Я тогда нарисую две открытки и попрошу себе ещё одну Анастасию, где она в другом платье, — и она убежала в свою комнату.

— Лизочка, а вдруг у Деда Мороза не хватит денег на вторую? Ему ещё нарядную зимнюю курточку в подарок тебе покупать, — крикнул я вдогонку, но было уже поздно.

Я сел на кухне перед тарелкой борща, ковырнул ложкой самую его гущу и очень обрадовался выныривающим над красной свекольной поверхностью большим кускам разваренного мяса, бухнул в борщ большим белым комком густую жирную сметану, и, зажмурившись от удовольствия, съел первую ложку. Я за весь день не успел нигде нормально пообедать, и это было внутренним оправданием для меня, почему я ем борщ на поздний ужин. А ещё тут же передо мной на столе уже красиво уложенные на тарелку терпеливо меня ждали и обещали своим сытным видом не дать мне умереть от голодной смерти четыре больших тефтелины, подпирающие своими залитыми подливой боками желтую волнистую горку картофельного пюре. А чтобы я ни в коем случае не похудела ни на грамм, огромные безе, купленные в пекарне у Коптевского рынка, по-зимнему покрыли сугробом большое плетеное блюдо и сильно озадачивали меня, сколько их съесть за чаем — одно, два: или всё-таки, может быть, съесть три — вовсе не будет преступлением и помехой моему планирующемуся похудению. От борща и безе меня отвлекал свисающий над столом на черной подставке старенький телевизор: Я пытался наблюдать за развитием событий в очередном сериале, ничего не понимал в сложно-запутанном бестолковом сюжете и украдкой рассматривал свою суетящуюся на кухне жену:.

За десять лет совместной жизни она внешне совсем не изменилась. «Как это ей удаётся?» — думал я, окуная большую мельхиоровую ложку в тарелку с борщом. Я искренне удивлялась этому физиологическому чуду. Я иногда разглядывал ее лицо, я подводил её к окну и пытался в дневном свете увидеть новые

морщины. Морщины были, но все те же самые родные и знакомые морщинки вокруг глаз, которые пугали меня еще при нашем знакомстве. Я тоже тогда их внимательно рассматривал, подло пытаясь подсчитать, сколько она будет выглядеть молодой, если мы поженимся. Морщины эти, видимо, имели очень дурной характер, ни одной новой с ними не ужилось, лицо двадцатилетней девочки так и осталось лицом двадцатилетней девочки.

А вот дурацкой майке чуть ли не до колен, купленной Машей год назад, не повезло. Нелепая и немодная тогда, сейчас, заляпанная борщами, супами и разными шкваркающими из сковородок подливами, висела на Маше облезлой, в застиранных подтёках, половой тряпкой. Так быстро состарившаяся майка и совершенно не стареющее всё такое же молодое и красивое лицо… И тельце ее… спортивное и маленькое, ну никак не хотело превращать мою жену в обрюзгшую, взрослую тетку. Видимо, сговорившись, лицо и тело решили еще долго обманывать и выдавать Машу за юную школьницу. Когда она куда-то собиралась и бегала по квартире в разной степени обнаженности, я до сих пор после десяти лет совместной жизни по-прежнему смотрел на неё с желанием и удовольствием. Я неожиданно вспомнил, что весь секс за последние несколько месяцев нашей ставшей крайне конфронтационной жизни происходил именно в такие моменты. Пробегая десятки раз в трусиках и колготках между мной и телевизором, ей всегда удавалось завладеть всем моим вниманием и оставить телевизор в сиротливом ожидании без меня. Вначале, не поворачивая головы, одними глазами я наблюдал за её ногами, — они суетились, приседали, терлись друг об друга… Лицо её, отвлечённое делами, не изображало в эти моменты непримиримой борьбы со мной и не искажалось злобой, и даже приобретало утерянные теплые черты той милой девушки из моего десятилетней давности счастливого прошлого. Что мне оставалось делать? Я шла, смотрела, где и чем занимается наша дочка, и сколько она будет занята своими играми, ловила Машу, бестолково пробегающую мимо, и тащила её, как правило, в ванную:

«Зачем она постоянно носит эту майку? Как ее ебать в ней?» — потихонечку про себя возмущалась я. — «Ноет о сексе, так оденься нормально, мне много не надо, только не ходи в этой половой тряпке. Сколько их у нее? Ведь одна! Но каждый день с завидным постоянством эта ебаная майка превращает мою жену в пугало. Стирает она, что ли, её на ночь, как трусы, и сушит на батарее?»

— Маша, когда ты выбросишь эту футболку? — осмелилась я

в этот раз спросить свою супругу. — Тебе не стыдно в ней ходить?

— Никогда! — отрезал голос из вражьего стана: Не голос жены!

— Маш, но ведь:, - начала было я.

— Другой нет! — убедительно рявкнула моя спутница жизни и покосилась на меня недобрым глазом.

Я отодвинула тарелку, борщ я доела:, и опять уставилась на напряженную в нервах Машину спину. Мне стало грустно. Лицо жены, жопа тоже, а голос не той девочки, с которой я познакомился когда-то, тогда это был голос маленького ангела, и одевался дома этот ангел, не как уборщица из овощного магазина. «Ну, как же ее всё-таки ебать в таком виде? Блядь, никакая острота ощущений не притупляется с годами, сними ты с себя это говно, и я выебу тебя в любой момент. Так нет, ни хуя, еби меня такую. Что за дура!»

Это были ленивые мысли, вовсе не злые, думала об этом я каждый день, и привычная их ежедневная порция закончилась. Я допила чай, не помню, сколько штук безе влезло в меня в тот вечер после борща и тефтелей, и пошла к своей маленькой дочке.

* * *

Черные отглаженные брючины, черные ботинки на желтом линолеуме… В разных направлениях в черных костюмах мимо меня проходили мужчины, много мужчин, я видела только их ноги, точнее смотрела я только на них. Я опять сидела на кухне и растерянно озиралась: «Где Маша с Лизой? Куда они делись?»

В центре этой вокзальной толкотни, непонятно как уместившейся на двенадцати квадратных метра кухни, сидела наша кошка. Только успела я ее заметить, как из-под нее начала растекаться жидкая, поносная лужа, края ее медленно угрожающе ползли в разные стороны и уже почти касались ее задних лап. «Опять срёт не на месте. Откуда во всех столько говна? — справедливо возмутилась я. — Опять мыть ее придется». И чтобы наша полосатая киска не испачкалась, я схватила ее и переставила на другое место… и переставила еще… и еще, а она все гадила и гадила…

«Папа, я муравей, я по тебе ползу. Просыпайся», — я открыла глаза, по мне совсем не как муравей прыгала в смешной пижаме моя пятилетняя дочка. Я схватила её и затащила под её визги к себе под одеяло.

«Какой хороший сон!» — обрадовалась я. Вспоминать, к чему сниться говно, мне было не надо, что это значит, я хорошо знала,

и такие сны всегда сбывались. Мои денежки! С хорошим настроением я вскочила с постели и начала с остервенением делать зарядку.

— Телефон! Мобильный твой звонит! — я взяла из Машиных рук трубку и, пытаясь отдышаться, села на край кровати.

— Боряныч, привет! Это Петя. Как дела? — я услышала знакомый бодрый голос одного нашего питерского клиента.

— Привет, Петь! Нормально… снимаем. Всё как обычно, — осторожно ответила я.

Звонка я этого ждала давно, за отснятый нами новогодний сюжет для наружной рекламы «Петра 1» уже месяц не отдавали деньги: Как у меня дела?…Ни хрена не интересовали его мои дела. Он хотел услышать, что работаю я с утра до вечера, он хотел услышать названия известных фирм — моих клиентов… Задушенный провинциальными комплексами, он подсознательно хотел еще раз убедиться, какой он классный и правильный функционер рекламного агентства, как он правильно нашел правильных фотографов, и хотел слышать подтверждения всех этих правильностей. Теперь все другие наши клиенты должны были ему это доказывать: «Петя, ты поступил правильно, мы тоже обратились к Борису Фомину и денег заплатили не меньше, чем ты…» Он хотел это слышать, я привычно озвучила — все шикарно, все ОК! И перечислила, немножко привирая, что мы снимали за последние две недели.

— Классно, классно! Дела идут: А мы хотим денежки отдать вам к Новому году за последние съёмки. Сколько мы там должны — четыре двести?

— Ну, вроде того:, - неуверенно согласилась я.

Я сама уже абсолютно не помнила точную сумму, но на четыре двести перед Новым годом я была очень согласна, и вереница возможных новых покупок и новогодних подарков праздничным вихрем пронеслась у меня в голове.

— К Лене Зеленовой заезжайте. Можете уже сегодня. И для «Русского стиля»… Мы с тобой говорили о съемке… очень предварительно… Я перезвоню тогда позже, поговорим, — закончил деловую часть Петя, и мы еще раз начали расшаркиваться по телефону, многократно поздравлять друг друга с наступающим и, наконец, попрощались.

Четыре двести — это первая кучка говна! Да-а, просто так снятся только эротические сны, сны про говно у меня всегда к деньгам. «Всё-таки Петька — хороший парень, несправедливо и по-сучьему я его описала», — тут же подумала я, положив трубку. И всё их питерское агентство «Бизнес Линк» было очень приятным, работу они организовывали супер, не спустя рукава,

работали они с энтузиазмом и даже, я бы сказала, с радостным воодушевлением и к тому же очень дружно. Привычная для многих московских рекламных агентств снобистская атмосфера самолюбующихся бездарностей не наполняла их офис, обычные приятные люди были обычными приятными людьми. После работы с ними я полюбила Питер.

Пока я собиралась на работу, пока я доехала до нее, мой телефон звонил еще несколько раз. Что за чудо-сон!? Мне все пообещали вернуть деньги и заказали две съемки. Надо завести еще одну кошку, пусть гадят в моих снах вдвоем — денег будет больше.

* * *

Я притормозила перед поворотом на родную Зорге и без зимней резины, с повернутым направо рулем, покатила, как на лыжах, абсолютно прямо по жидкой снежной каше и ткнулась бампером в, слава Богу, засыпанный снегом бордюр.

С десяток машин тупо и возмущенно забибикали, мужик из облезлого «каблучка», чудом успевший проскочить у меня перед носом, не поленился остановиться, вылезти и что-то долго орать… Я ничего не соображала, ДТП — единственная паранойя в моей жизни. Вкус во рту изменился, руки дрожали… Чего все сигналят?… Идиоты! Радовались бы, что ни в кого не въехала. Странно, но, когда заскользили колеса, и машина понеслась прямо в этот сранный «Москвич», первым возник не страх и не мысли о травмах и об ущербе, первой появилась мысль: «Вот как хорошо! Врежусь сейчас прямо у работы, эвакуатор вызывать не надо, сэкономила 50 долларов». Снег, валивший всю эту ночь, и чуть не ставший причиной аварии, в то же время спас мою машину даже от царапины. Не такой уж он плохой и коварный — этот русский снежок!

Обозначенный с утра вещим сном про говняшки, подтвержденный «хорошими» деловыми звонками и ДТП без последствий, сегодня точно был особенный и счастливый день. Я бодро вошла в студию, стопроцентно уверовавшая в это.

Сейчас, сейчас, сейчас…

Быстрей, быстрей, быстрей…

Я раскрыла свой ежедневник — скорее надо всё записать, составить план на жизнь до Нового года, всё запланировать именно в этот день, всё, что собиралась сделать… Я долго листала его, пытаясь найти конец своих записей. Последняя красной ручкой была сделана в сентябре — «1 сентября — Начало

учебного года». Я тупо уставилась на нее. С какой целью я ее сделала? В свои 34 года я шла в первый класс? Нет. Может быть, в десятый или в институт? Нет, я нигде давно не училась, моя дочка ходила в садик… Я посмотрела на почерк, почерк у меня неустойчивый и всегда разный, но узнаваемый — корявый и мой. Я не понимаю себя спустя пару месяцев, не понимаю саму себя! А как меня понимают другие люди?

Настроение было мобилизовано на активные действия — на войну, штурм и победу, копаться в себе не хотелось. «Начало учебного года» — ну, и наплевать, написала и написала… Представила себя юной школьницей в нарядном платьице и в белом фартучке… Что такого? Не все разве взрослые мужики представляют это? Не все? Тоже наплевать, буду одна такая… Я решительно открыла первую попавшуюся страницу ежедневника и записала: «План». Рука дернулась на следующую строчку и застыла… Я растерянно уставилась в потолок, с него свисал одинокий, электрический провод — не хватило ему при прошлогоднем ремонте сэкономленной красивой лампы:

«А какой у меня план?» — озадачено задумалась я. — «Работа?: Она идет своим чередом, пиши, не пиши — больше её не станет. Да, смешно было бы записать — „24 декабря снять рекламу для „Мальборо““. Это, как у Мюнгхаузена „после обеда подвиг“. Работа, работа… Как на нее повлиять — до сих пор для меня загадка…»

Я ещё долго так сидела в растерянности и неподвижности, медленно съезжая со стекленеющими глазами и затекающими членами вглубь плетёного кресла:.

И: наконец, рука моя ожила и уверенным бодрым движением смело сделала первую запись: «1. Сходить к сексопатологу». Сделала и тут же засомневалась, отбросив от себя дешёвую шариковую ручку, в правдоподобной возможности такого, казалось бы, несложного с виду мероприятия.

Сходить на приём и консультацию именно к этому врачу я хотела уже давно. Давно — это несколько лет, несколько лет я планировала и малодушно переносила это на потом, а потом — опять на потом: Я не знала, что ему скажу, да и куда идти — это вам не терапевт в районной поликлинике. Да и не в русской традиции таскаться у нас по сексопатологам, уж у кого-кого, «а у нас с этим всё в порядке», — хором заявляют все. И психоаналитикам в нашей стране не скоро удастся заработать, — за просто попиздеть никто платить ещё не хочет, пойдут лучше разопьют бутылочку с соседом, изольют свою «загадочную», но без всяких загадок русскую душу. Какой уж тут, на хуй, психоаналитик!? И психоаналитик «отдыхает» и тоже идёт к

соседу распивать бутылочку. А слово «психиатр» в нашей стране вообще пугает и звучит угрожающе, в принудительном порядке с милицией доставляют к нему, в добровольном — приходят только к психиатру молодые непатриотичные люди «откосить» от армии.

Поэтому собиралась я сходить к сексопатологу: собиралась, собиралась:, но так и не посетила по вышеуказанным причинам этой разновидности доктора.

А была я транссексуалкой*, transsexual male-to-female* называлась по медицински я точно. Я ощущала себя с рождения девочкой, но при этом я не только родилась мужчиной, я очень старательно стала им. Очень неуместно к моей неправильной половой самоидентификации я страстно любила женщин, любила их тела, любила их глупые мысли: любила их вдвойне — любила их самих и любила себя, спроецированных на них. И, чтобы нравиться им, я усердно была мужчиной, я заботилась о них, защищала их, я безрассудно влезала в драки…, мне было страшно, но я отважно била рожи мужикам — женственная внешность и гипертрофированное мужское поведение… Мои женщины не должны были испытывать неудобства от моего состояния, я гордилась ими и делала всё, чтобы они могли гордиться мной. Я никогда не скрывала, кто я, все мои женщины знали, что я TS*, никто от этого не падал в обморок и особенно не огорчался моим странностям. Все более и более немужественная, с растущей набухающей грудью от приема женских гормонов, я была мужчиной в неизмеримо большей степени, чем большая часть встречающихся человеческих особей мужского пола.

Да, сходить к сексопатологу — хорошая мысль. Эта запись так и осталась единственной в моем предновогоднем плане. Пока я листала «Желтые страницы» в поисках нужного медицинского учреждения, на работу пришла Катя, девушка, три года назад устроившаяся на работу ко мне в студию на Юго-Западной, по причине неожиданно возникшего у неё непреодолимого творческого интереса к фотографии и по причине удобной географической близости её места учёбы в МГИМО к моей студии. А училась чудесная девушка Катя уже на последнем курсе этого учебного заведения: И, мгновенно заполнившая всю мою голову своими выпирающими из вечно малюсеньких кофточек и еле умещающихся в брючках, своими самыми чудесными, самыми нежными и самыми вызывающими на свете своими округлостями. И также быстро я оказалась работающей в её студии на улице Зорге и делящей всю свою прибыль с ней пополам.

— Привет, Олечка! — по-утреннему улыбнулась она мне.

Она всегда называла меня так. Это имя так и осталось со мной потом навсегда. Через два года, меняя пол, меняя

документы, я робко заикнулась, что не хочу быть Олей, хочу себе другое имя, имя поинтересней. Как все запротестовали! Не дали мне стать ни Юлей, ни Леной, ни Дашей, ни Глашей: моя бывшая жена и моя бывшая девушка. На все предложенные мной варианты Катя и Маша возмущенно орали: «Ты совсем одурела? Юля? У меня сестра Юля, я называть тебя так не буду». Юля — младшая сестра Кати, я смиренно, с испуганными глазами соглашаюсь: «Да, действительно, „Юля“ мне не подходит».

«Лена? Под Лену Соколович хочешь закосить? Обойдешься. Леной ты не будешь», — опять не повезло, Лена Соколович — моя предыдущая девушка перед Машей. Моя бывшая жена жестоко выдавила её из моей жизни, заняв ее место рядом со мной. Я не жалею об этом, я жалею Лену. Слабая и при этом необычайно гордая девушка, высокая, с удивительным телом, она всегда понимала меня и никогда не пыталась мне что-то доказать в этой жизни, как это упорно делали и делают все остальные. Три года полной любви и при этом удивительно спокойной без конфликтов жизни прожили мы с ней… Я любила её и потом всю жизнь вспоминала ее каждый день. Спустя больше чем десять лет после нашего разрыва, я всегда останавливаюсь на страничке «С» в своей записной книжке, грустно смотрю на её фамилию, я хочу ей позвонить… Но что сказать ей? Она заслуживает большего, чем глупые вопросы: «Как дела?»:.

Где она теперь? С кем?:.

Я встретила ее однажды на «Октябрьском поле», ужасно перепугавшись, что мне нечего ей сказать… и нечего уже предложить… Но она не узнала меня, она прошла мимо… со своей мамой… такая же длинненькая… десять лет спустя в своей той же самой шубке. Богатого мужика, значит, не встретила она на своем пути. Бедняжка! Почему такая шикарная женщина с телом, как с обложки «Плэйбоя», осталась одна? Почему мужики не сбежались и толпой не заняли очередь за право быть ее мужем? Почему всё так хреново? Достойные женщины и недостойные их мужчины… Почему все складывается почти всегда не в пользу этих женщин? Ох, моя Леночка, подло я тебя бросила, и ничем не лучше я остальных кретинов.

Как хорошо было бы быть супербогатой, я бы обеспечивала всех своих баб, — и совесть не мучит, и душа за них не болит, и, глядишь, «дадут» по старой памяти.

Катя заглянула через плечо на мою лаконичную запись.

— Правильно, давно пора, а лучше сразу в психушку, пусть тебя подлечат. Ты хотела зимой на курорт? Вот отдохнешь в люксе с решетками. Вместо пляжа душ Шарко, — и она вульгарно расхохоталась мне в лицо.

— Уйди от меня, торговка, не брызгай слюнями. Поинтеллигентней научись смеяться, разрешу за один стол со мной сесть, — и мы расцеловались: холодные губы, ледяные, не успевшие согреться, щеки. — Всё, меняю пол, надоело всё, и вы все надоели. Мне 34, еще чуть-чуть и будет поздно. Как мужчина, я пожила и пожила очень неплохо, поживу теперь женщиной.

— Го-о-осподи, так день хорошо начинался! — простонала Катя, я ей сто раз уже позвонила, рассказав и о сне, и о деньгах, и о предстоящих съемках.

Она плюхнула свою демонстративно обессиленную задницу на стул, руки повесила беспомощными тряпицами, а голову запрокинула, уронив её на высокую спинку стула, выразив этим всё свое нежелание бороться с моими причудами.

— Ну? И что будет с твоим членом? — наконец, ожила Катина голова, приподнявшись. — В баночке принесешь, идиотка?

Членик мой давно не интересовал моего партнера по бизнесу, секс между нами периодически обрывался надолго и случайными лотерейными выигрышами радовал теперь исключительно редко, но рациональная сущность этой еврейской девушки интересовалась, останется ли мой запасной хуй для неё на всякий случай? Такой всегда доступный и всегда любящий ее? Или надо будет рассчитывать только на конкурентный выбор и поиск в злой суровой жизни свободных и не очень мужских пиписек?

— Ладно, Кать, я пока просто иду к сексопатологу. Успокойся, — у меня, действительно, не было ответов на эти вопросы, и я быстро сдалась, не став спорить и доказывать свои права быть женщиной: собачкой или белочкой… По степени идиотизма — это выглядело бы одинаково.

— Ну, сходи, развлекись, но большего я тебе не разрешаю, — теперь ожили и Катины руки, и они уже совершали наглые повелительные движения в моём направлении. — Ты и так давно баба, хватит. Ходи в нарядных юбочках, может, кому и понравишься, — таким же наглым повелительным голосом Катя очертила рамки моей жизни.

— Дура ты. А что? Это новость для тебя? По-моему, с первого дня нашего знакомства ты знала об этом. Я тебе вообще сказала, что я уже после операции, и мой член был приятным сюрпризом для тебя, когда ты первый раз туда полезла своей ручкой. В этот момент было забавно на тебя смотреть, — напомнила я ей подробности нашего знакомства.

— Ой, а помнишь, как мы в первый раз с тобой поцеловались? — неожиданная реакция, Катино лицо сложилось в мечтательную гримаску. — Нет, я не спорю, ты, конечно,

женщина, но отрезать тебе ничего не нужно, — расчувствовавшаяся моя бывшая девушка точно хотела оставить мой членик на худой конец, про запас, на всякий пожарный случай: ОК, буду грустным паровозиком на её запасном пути.

Пришла еще девушка Аня, работающая у нас за компьютером, и звонила я уже записываться к сексопатологу при хохочущих зрителях. Они угорали. Чего смешного? Но я рада была их хоть чем-то развлечь.

Внимательно перелистав «Желтые страницы», я нашла единственное знакомое название, связанное с транссексуализмом, — Центр репродукции на Иваньковском шоссе. Неоднократно разрекламированный телевидением, с умным и телегеничным лицом армянский хирург Акопян, работающий в этом центре, — это всё, что я знала о смене пола на тот момент.

Я взяла трубку, я волновалась. Что сказать? «Запишите меня к сексопатологу, я хочу стать женщиной» — не поворачивался язык. Идти на прием к мужчине и изливать ему душу — тоже не хотелось.

«Блядь!..» — выругалась я. «Блядь!» — выругалась я еще раз… и еще: немножко успокоилась и набрала нужный номер.

К телефону подошел мужчина с легко узнаваемыми голосом и интонациями — типичный голос наших родных совковых автосервисов. Эта ебанная секретарша из якобы регистратуры оказался охранником. По таким деликатным вопросам в коммерческой и как бы шикарной клинике вас обязательно должен записать на прием охранник. Почему не сантехник? Или уборщица? Я сообразительная, я быстро нашла ответ, — это голос не совкового автосервиса, это собирательный голос всех наших российских услуг, всего нашего российского сервиса. Вы хотите, чтобы Вас обслужили, как в Америке? Вам не на Иваньковское шоссе, Вам в Нью-Йорк или в Чикаго, Америка там. А я звонила в «Совок».

Он меня записал, собака. На вопрос: «А врач кто? Мужчина или женщина?» Всё тот же «милый и вежливый» голос: «А какая Вам разница?» Интонации — еще чего-нибудь спросишь, дам по роже. Я, взбешённая, вежливо попрощалась.

Меня записали, записали на следующий день, записали к психиатру Крюкову Вадиму Викторовичу.

Кто-то подрабатывает сторожем в гаражах, кто-то занимается извозом в свободное от работы время, психиатр Крюков Вадим Викторович подрабатывал сексопатологом в Центре репродукции на Иваньковском шоссе. Сексопатолог… психиатр — в нашей стране это почти одно и то же. Слава Богу, что сексопатологом не

подрабатывал окулист или ЛОР.

Конечно, я готовилась, я думала, что ему расскажу, уже полдня я мысленно умно отвечала на его вопросы. Я красиво оделась, я не была в юбке, в те времена я одевалась скромно, но мужских вещей в моем гардеробе уже давно не осталось. На плече болталась недавно купленная совершенно дурацкая сумочка «Roncato», и тогда мне, глупой, она очень нравилась.

Встретил меня всё тот же секретарша-охранник в виде молодого здорового парня с блондинистым ежиком. Он любезнейшим образом встал мне навстречу и с очаровательной улыбкой спросил: «Вы к кому, девушка?»

— Я к Крюкову, — ответила я, стараясь говорить мягче.

— У него сейчас запись на четыре.

— Да, это меня записали, моя фамилия Фомин, — пришлось представиться мне.

Охранник покраснел, ему было стыдно, что он разговаривал со мной вежливо, это внимание, естественно, предназначалось девушке, которую он увидел, но никак ни Фомину-извращенцу, пришедшему на прием к сексопатологу. В общем-то, я его понимала. Он взял с меня 400 рублей, — охранник оказался мастером на все руки, он был еще и кассиром, в центре он работал за всех. Удивительно, что я увидела не его, когда все-таки попала в кабинет врача, в этом центре это было бы очень логично — охранник-секретарша-кассир-сексопатолог.

Крюков принимал в кабинете академика Васильченко, оказывается, разбогатевший медцентр делал во всех остальных кабинетах и помещениях евроремонт, видимо, очень выгодно он сэкономил свои денежки на кассире и секретарше регистратуры.

Я неуверенно вошла в большой солидный кабинет академика. Было немножко стыдно, немножко страшно: Крюков — симпатичный мужик средних лет, согнулся над большим столом…, но он не писал, он смотрел на меня исподлобья: не угрюмо и вовсе не зло, но и без особой приветливости разглядывал он меня. Что его так скрючило? Встал в свою рабочую стойку? Господи, все играют какие-то роли, психиатр играл роль психиатра — для этого он добросовестно зачем-то скрючился, а рожу сделал совершенно непроницаемой. Мы представились, поздоровались, он записал мою фамилию:

— Что привело Вас ко мне? — консультация у сексопатолога началась.

— У меня транссексуальные наклонности, — отважно заявила я.

— Подождите, подождите, — его явно не устраивало начинать беседу с уже поставленного мне себе самой диагноза.

Зачем тогда он? — Что Вас не устраивает в своей жизни, в своем теперешнем состоянии?

— Я ощущаю себя женщиной, — выдавила я из себя и тут же вся покраснела, как бы со стороны услышав себя, как это чудовищно по-идиотски звучит! Мне всегда было стыдно произносить эту фразу. И, наверное, она не совсем соответствовала действительности:.

Я не знаю, как ощущают себя женщины, и не знаю, как ощущают себя мужчины, я знаю, как ощущаю себя я. Какому полу соответствовали мои внутренние ощущения? Кто его знает… Во мне соединялись или не хотели соединяться разные качества, глупо было бы заявлять, что мужских качеств во мне нет, после того, как более тридцати лет я успешно прожила, как нормальный мужчина: и, напомню, рождена я была к тому же совсем не женщиной. Вопрос для меня состоял в том, как мне комфортней, в каком поле жить мне дальше.

— Я не знаю, как Вам это объяснить…, - продолжила я, нервно сглотнув слюну. — Но я это всегда ощущала в себе: Мне трудно это объяснить:

— И с какого возраста Вы почувствовали это Ваше состояние? — перебил меня доктор ещё одним своим вопросом.

— Как себя помню… С пяти лет… Осознанно я помню это с пяти лет…, - это было правдой, все первые детские воспоминания были неразрывно связаны с невероятно острым желанием быть девочкой.

Пять лет… как хорошо я это помню…

К соседям с фамилией Стуловы из 9-ой квартиры, я жила в 11-ой, в гости приехала семья из Швеции. Сестра соседки тети Гали когда-то вышла замуж за шведа и уехала с ним, нарожав ему там в городе Гетеборге троих дочерей. Одна из них Анна-Мария умрет потом в 15 лет от рака мозга. Они погостили и уехали. Не помню уже, но по каким-то причинам они оставили жить на целый год в Москве свою старшую дочку моего возраста. Моя мама помогла устроить ее в детский садик, в котором и работала, а работала она там музыкальным работником. У девочки-шведки было красивое двойное на иностранный манер имя Марика-Элизабэт, красивые золотые вьющиеся волосы, теперь такие я просто и прозаично называю рыжими, но тогда они мне казались именно золотыми и сказочными, у нее были всегда красивые трусики, наглое уверенное поведение и некрасивая фамилия Брикша. Мы вместе проводили с ней всё своё время, иногда нас укладывали вместе спать, это был 1970–1971 года, и соседи жили тогда очень дружно. Марика не обладала, естественно, в свои пять лет полными бедрами и большими сиськами, ее детское

незрелое тело не вызывало у меня интереса и влечения, оно почти ничем не отличалось от моего… почти: Но при этом всего лишь одном скупом отличии наших таких похожих друг на друга тел она гордо называлась девочкой, а я ненавистно для себя мальчиком и меня уже тогда это очень не устраивало.

А ещё мне, маленькому несмышленному пацану, уже тогда грезились взрослые развратные тётки. Сексуальность формируется очень рано и, сформировавшись в раннем возрасте окончательно, остается с человеком на всю жизнь навсегда. Все мои сексуальные фантазии тогдашнего пятилетнего возраста, по сути, остались абсолютно прежними, они мало чем изменились с прожитыми мною большими годами и приобретённым жизненным опытом. Тогда они были у меня, конечно, по-детски наивными, но уже в тот мой пятилетний возраст представляемые мной ежедневно разнообразные сексуальные сцены имели уже явный мазохистский характер, и участвовали в этих сложных и запутанных сюжетах исключительно красивые зрелые девушки.

В маленькой Марике жила уже взрослая женщина, я ощущала в ней ее. В свои пять лет, она была не только ребенком, и понравилась она мне именно этим. И мне нравилось видеть отсутствие в ее трусиках ненавистных мне органов, и думать и догадываться об устройстве ее писки. Я влюбилась в нее, я начала ее боготворить, это моя первая детская и очень искренняя любовь. Объяснять, как при этом я чувствовала себя девочкой, не хочу, не хочу опошлять своим идиотизмом первые детские воспоминания. Но чувствовала… и уже тогда ничего нельзя было изменить.

— В пять лет я дружил с девочкой, — продолжила я своё повествование об эволюции своей сексуальности. — Она мне запомнилась, поэтому запомнился и возраст. Ну, мы играли… в куклы, ну и типа того, — свою любовную историю я не стала рассказывать, — Приблизительно тогда же я пытался переодеваться. У меня была сестра и…

— А?: У Вас есть сестра? Родная? — информация эта, видимо, была чрезвычайно важной для господина Крюкова, он удивился, оживился… Может быть, он уже нащупал нить причин моего недуга.

— Да, сестра: на пять лет старше, она с мужем несколько лет назад уехала в Америку на ПМЖ. Очень редко, но я переодевался в её одежду: редко из осторожности. Я очень боялся того, что обо мне могут это узнать: безумно боялся. В детстве я даже думал, если обо мне узнают, что я хочу быть девочкой, то покончу жизнь самоубийством. Боялся больше не стыда, а что разрушу своим ненормальным поведением родительские надежды и ожидания

мамы и папы: и всех близких. Потом об этом всё-таки узнала мама, при этом узнала об этом при самых неблагоприятных обстоятельствах. К суициду я, слава Богу, оказалась не склонна. В общем, пережила и это.

— Так, так, так… — он опять скрючился над листочком бумаги, что-то записав. Фамилия Крюков — вот и крючит его всю жизнь судорогами. А листок этот был, наверное, импровизированной амбулаторной картой больного, а точнее психически больного Фомина Бориса.

— А Ваши мама с папой живут вместе? — продолжил допрос «доктор Крюк».

— Они развелись: в тот же период, лет пять как раз мне было.

— А-а-а? — Крюков откинулся в кресло и многозначительно покачал головой, он все понял, неполная семья — разве без папы из пацана может вырасти нормальный мужчина. Я начинала злиться, этот придурок-психиатр начинал меня раздражать.

— Ну, вообще, для меня не так важно знать первопричины, почему так произошло и откуда у меня появились транссексуальные наклонности…

— Нет, нет, это очень важно, чтобы назначить терапию, надо понять причины…

— Какая терапия? Я не испытываю проблем от того, что я транссексуал, всю жизнь я получал от этого только дополнительные удовольствия: Ой, и я, кстати, совсем забыл сказать, что мне нравятся женщины.

— Как нравятся? — Крюков недоверчиво уставился на меня.

— Ну, так, нравятся, то есть они меня возбуждают, — неуверенно призналась я, как будто не веря себе самой.

— А как же мужчины? — губы его скривило, он мне тоже не верил.

«Мудак ты! Какие, на хуй, мужчины», — это, конечно, я мысленно про себя. А вслух:

— Я равнодушна к мужскому телу, я могу себе представить секс с мужчиной, если представлю себя с соответствующими гениталиями. Но и при этом я думаю не о мужском теле:, мне могут понравиться отношения и то, обязательно при условии, если бы я сделала операцию по смене пола.

— Вы собираетесь делать операцию?

— Нет, не собираюсь, пока не собираюсь. У меня жена, она вправе ожидать от меня, что я не буду ее делать. Я не хочу ее обманывать.

— У Вас есть жена? И сколько же Вы живете вместе? — его недоверие ко мне возрастало.

— Да десять лет живем, — ответила я.

— И что, сексом с ней занимаетесь? — теперь его лицо скроило усмешку.

«Мудак», — теперь я так его называла после каждого его вопроса, — «Мудак, мудень!» Но терпеливо, но уже с раздражением ему отвечала:

— Занимаемся, Вадим Викторович, занимаемся: Я пришла к Вам не рассказывать придуманные байки, я заплатила деньги, я трачу свое время. Теряется смысл прийти к сексопатологу и быть неискренней, поймите это. У меня был секс с мужчиной, был… был два раза, я этого не стесняюсь. Я чувствую себя женщиной, это было бы очень логично — мне любить мужчин. Для меня было бы тогда все понятно и просто — меняй документы, делай SRS*, выходи замуж. Сексом с мужчинами я занималась по этой же причине, я думала, — ну, если я чувствую себя женщиной, я должна заниматься с ними сексом. Попробовала…, попробовала с качественными особями, не возбудилась. Мне ничто не мешало, у меня не было комплексов, просто я абсолютно равнодушна к мужскому телу… Наверное, к сожалению.

А жена… Мы женились с ней по любви, и сексом восемь лет мы занимались почти каждый день, если только я не падала от усталости после работы. Последние два года отношения у нас стали очень конфликтными, но это отношения к моему транссексуализму совершенно не имеет. Кстати, у меня еще дочка есть.

— Дочка? — протянул Крюков, он ничего, конечно, не понимал.

Зато уже всё понимала я. Пришла я не по адресу, опять мне искать сексопатолога. Вот не стоял бы у меня член, ему было бы тогда всё понятно. Импотент, член не стоит: — проверить на простатит, и всякие анализы сдать, и неврозики от трудностей моей работы подлечить: По этой причине не стоит или стоит плохо у половины всех мужиков. Это не из личного опыта, это из опыта моих многочисленных подружек.

— И сексом с женой я занимаюсь, и дочка у меня есть, и в армии я служил…

— В армии? Как же Вы служили? — крайне удивился Вадим Викторович.

— Как и все, нормально служил… в РВСН:

— Где? Где? — переспросил он.

— РВСН — это Ракетные войска стратегического назначения. Был замкомвзвода, в подчинении у меня было восемнадцать человек, все меня слушались, — я вспомнила эти кошмарные два года: Слушались меня не потому, что я была неимоверной силы и всех била, характер у меня такой заебистый, я умела добиваться

того, что хочу. Но я оставила историю своей службы без подробностей, уж слишком длинной получилась бы моя армейская байка. — В общем, нормально служил. Ну, это совсем другая тема, — подытожила я, мне захотелось побыстрее закончить бестолковую болтовню с доктором, мне становилось уже неинтересно. — Вообще, есть два конкретных, практических вопроса, которые я хочу решить с помощью Вас. Поэтому я и пришла, — я вспомнила, что я от него действительно хотела. — Во-первых, если так сложилось, что я транссексуалка, то хоть раз в жизни хотела сходить к сексопатологу… для порядка. Вот я пришла, — я выдавила из себя улыбку. — Еще я очень давно принимаю гормоны, уже несколько лет:

— А что Вы принимаете? Вам кто-нибудь это назначал? — перебил меня врач.

— Нет, никто не назначал. Начинала с дипропионата эстрадиола, делала инъекции, сейчас эстрогены* в таблетках пью. Это основная причина, по которой я пришла к Вам. Я хочу получить рекомендации по гормональной терапии, хочу проходить ее под наблюдением врача, мне становится страшно от мысли об осложнениях. Если Вы сексопатолог, то, наверное, можете порекомендовать эндокринолога, который занимается этой проблемой?

— Ну, мне трудно порекомендовать что-то вот так сразу, — растерялся доктор. — Вообще этой проблемой занимаются, по-моему, в Ганнушкина на Потешной. Я, кстати, там же и работаю, только в другом отделении. Но там есть и отделение сексопатологии:

— Хорошо, найду эндокринолога сам. И еще:, принимая гормоны, я становлюсь женственнее, я отношусь к себе критично, но незнакомые люди всё чаще воспринимают меня, как женщину. Знакомые, друзья, они, конечно, видят по-прежнему во мне нормального мужика: или ненормального, но все равно мужчину. И одеваюсь я всё чаще не как мужчина. Я боюсь, что когда-нибудь меня остановит ГАИ, и меня заберут в милицию: и трудно будет что-то им объяснить. Я хочу, чтобы Вы дали мне справку о моем транссексуализме.

— Нет, я не могу дать такую справку, — почему-то испугался доктор. — Вообще, почему Вы думаете, что у Вас транссексуализм, а не, к примеру, гомосексуализм, — обличительным голосом предположил мой диагноз этот ебаный психиатр, усилив в своём взгляде степень презрения ко мне.

«Ну, какой мудень!» — я начала наполнятся дикой злобой. По- хорошему надо было бы его отпиздить, и заодно и охранника, всё равно прибежит на его крики. Нехорошо пиздить докторишку,

но, блядь, как хочется!

— К примеру?: Плохой пример Вы предложили, — начала я очень мрачно и уже угрожающе. — Вадим Викторович, я Вам час распинался и рассказывал, что люблю женщин, что не возбуждаюсь от мужчин: Я Ваш пациент, я не давал Вам ни одного повода сомневаться в своей искренности. Если Вы предполагаете, что я «голубой», то это только значит, что Вы убеждены, что я Вам весь этот час лгала. Еще раз говорю, я не давал для таких предположений никаких оснований, меня это оскорбляет и мне это не нравится. Я говорил, что я не стесняюсь половых связей с мужчинами, они у меня были два раза, но они меня убедили, что секс с мужчинами мне неинтересен. При чем тут гомосексуализм? — говорила я зло, и уже не скрывая раздражения.

Молодец Крюков! Настоящий профессионал! Хорошая терапия! За час консультации он отбил у меня желание быть женщиной, по крайней мере, до конца дня, я захотела стать огромным мужиком, а лучше здоровенным оперативником ФСБ, чтобы всех безнаказанно отпиздить: и Крюкова, и охранника, и заодно кого-нибудь в соседнем кабинете.

— Мы не даем таких справок, — засуетился доктор, и начал убирать со стола свои бумажки, показывая этим, что приём уже окончен, но продолжал при этом говорить. — Для этого надо проходить обследование, только тогда можно будет что-то написать. Я не могу вот так вот за одну консультацию поставить такой сложный диагноз: Не могу.

— Хорошо, обследуйте меня. Что для этого нужно? Сколько дней я должен к Вам приходить, чтобы Вы могли поставить мне диагноз?

— Нет, я всё-таки не занимаюсь именно этими вопросами. Я, вообще, никаких справок здесь никогда не пишу. Сюда приходят пациенты обычно с другими проблемами.

— Послушайте меня внимательно, дорогой Владимир Викторович…

— Вадим Викторович, — поправил меня он.

— Я пришел на приём, я заплатил деньги…, я пришел к врачу на обследование и консультацию. Вот и напишите, к какому выводу Вы пришли. Я не прошу тогда писать мне — «транссексуализм», пишите — «требуется дополнительное обследование» или типа того. Как Вы тогда собирались мне назначать терапию, если не можете поставить диагноз. Если бы я пришла к терапевту с гриппом, он бы мне написал — «грипп». Какая проблема? Или я тут распинался для Вашего развлечения?

— Ладно, хорошо: я напишу, — теперь психиатра скрючило

не на шутку, он уже что-то карябал на невзрачном бланке медцентра.

— Только, Вадим Викторович, мне одолжений делать не надо. Ещё раз говорю, я пришёл к врачу не просто поболтать с ним на свободные темы. Если за одну консультацию у Вас не появилось ни одной мысли по поводу меня, я готов прийти столько раз, сколько Вам нужно, — я уже не могла успокоиться и нудила злым голосом, сидя напротив него.

Он уставился на меня ненавидящим взглядом, ничего не сказал и быстро дописал бумажку. Я не помню ее содержание, конечно, он написал не то, что мне было нужно, какую-то витиеватую чушь, но, выйдя из кабинета, я уже на него не злилась. Я села в машину и выехала на Волоколамку. Мне хоть что-то хотелось сделать себе приятное. Я достала записную книжку и нашла телефон салона красоты на Ленинградском проспекте. Я решила проколоть уши, я давно собиралась это сделать, так же долго, как и сходить к сексопатологу. Я позвонила: Мастер, занимающийся прокалыванием ушей, пирсингом, и другими экзекуциями, заканчивал работу через десять минут. Мне сказали: «Если успеете за десять минут доехать, она Вас подождет». По скользкой дороге я помчалась.

Дырки в моих ушах появились без приключений. Мне долго рисовала карандашом точки для места проколов приятная девушка, и потом — чпок пистолетиком. И я, продырявленная, поехала домой.

Ох, скольким подружкам мне пришлось рассказать этим же вечером историю моего посещения сексопатолога. Все знали об этом, все звонили и уже ждали. И я одними и теми же фразами, зевая, скучным голосом десятый раз пересказывала, что он меня спрашивал, что я ему отвечала… Так я и уснула с телефоном:

* * *

— Борис? Это Корниенко звонит. Как дела твои? Ты случайно не в академии? — ну, как не везёт! Звонил мой новый начальник с моей старой работы. Точнее, она была совсем не старая, я до сих пор там числилась заведующим фотолаборатории, и моя трудовая книжка лежала там. Я просто перестала на нее ходить…, и не ходила я на эту работу уже три года: с того момента, как переехала к Кате в студию. Но никто не выгнал меня за это, мне исправно платили зарплату и даже ежемесячно премию. Нет, конечно, все знали, что я там не появляюсь, но, отработав в этой конторе десять лет, отработав хорошо и быв для всех своим в

доску парнем, видимо, я накопила этот потенциал не ходить на работу целых четыре года (я не появлюсь там еще целый год и только после этого с величайшим трудом уволюсь). Иногда мы с Катей, проезжая мимо, всё-таки заходили туда в шикарную местную столовую пообедать или приезжали туда что-нибудь снимать, но только тогда, когда нам это оплачивали. Называлась эта славная организация на тот момент — «Российская академия государственной службы при Президенте РФ».

— Ой, здравствуйте, Виктор Иванович! Нет, я не в академии сейчас, — призналась я. Какой на хрен в академии, я уже не помнила, когда была в ней в последний раз!

— С наступающим тебя! — поздравил меня мой начальник.

— Спасибо! Вас тоже с Новым годом! Удачи Вам, здоровья… — на этом я запнулась и некоторое время тупо мычала в трубку, но больше никаких других праздничных пожеланий я придумать не смогла. Конечно, мне было стыдно, что я не хожу на работу, я всегда была совестливой, но вспоминала я об этом только тогда, когда мне звонили с этой работы какие-нибудь начальники. А еще…, вроде бы давно ощутившая независимость и свободу, получающая по несколько тысяч долларов в месяц, внутри я по-прежнему оставалась обычным советским человеком… с чинопочитанием, с радостью, что я где-то «числюсь»:, и что это значит, у меня будет пенсия…, не важно, что на нее нельзя будет прожить, но она маячила в моем сознании привычным для советского человека символом уверенности в завтрашнем дне: Дура я, зомбированная коммунистическими идиотизмами!

— Борис, может, успеешь заехать ко мне перед Новым годом? Надо поговорить…, - он замялся. — Надо же что-то решать с тобой.

Так я и думала. Я понимала, о чем могла пойти речь. Опять вспомнили, что у них в штате имеется фотограф, числится, но не появляется на своей работе вовсе.

— Хорошо, конечно, заеду… — пообещала я своему начальнику.

— А сегодня не сможешь?

— Виктор Иванович, сегодня точно не смогу, сейчас еду снимать Алексия II, — начала оправдываться я.

По сути его не должно было волновать, кого я еду снимать, но на него произвело впечатление имя нашего патриарха. Конечно, он мог потребовать, чтобы я явилась на работу именно сегодня, но я же все равно не явилась бы… Ну, как я могу ездить на работу целый месяц и получить за это в пересчете с рублей 50 долларов. Сейчас я ехала делать портрет Алексия II, и мне за это

Межпромбанк платил 1400 долларов — мою двухгодовую зарплату в академии.

— Виктор Иванович, давайте завтра я с утра подъеду, — предложила я.

— Хорошо, давай, я у себя с девяти буду.

— Ой, Виктор Иванович, только не в девять, — я вконец обнаглела, ну, не вставать же в семь утра, так рано я обычно не приезжала на работу даже в коммунистические времена. — Давайте я полдвенадцатого приеду, Вы еще не уйдете на обед?

— На обед я ухожу в полпервого, постарайся до обеда заехать. Всё, Борис, жду завтра, — для порядка он закончил наш разговор деловым суровым тоном.

Мы знали друг друга почти столько же, сколько я там и работала, его недавно поставили на эту должность, и он неожиданно стал моим руководителем. Не приходящий на работу сотрудник, точнее никогда не появляющийся на ней вообще, конечно, был костью в горле и у него, и у прошлого моего начальника Демидова, и у будущего Полуденного. Но в память о моей хорошей работе в прошлые добрые коммунистические времена никто из них меня не уволил, не выгнал с треском за полторы тысячи прогулов.

* * *

Снимать Алексия II мы ехали на машине Сибагата, не помню, по какой причине мы перегрузили аппаратуру и пересели к нему. Этот маленький буйный татарин в Межпромбанке работал начальником отдела снабжения. В банке был и большой рекламный отдел, но за несколько лет работы для Межпромбанка и десятки произведенных съемок для них, этот предназначенный именно для этих целей рекламный отдел, так и не всплыл в наших деловых взаимоотношениях. С Сибагатом я работала когда-то вместе в вышеупомянутой академии, называлась она тогда — Академия общественных наук при ЦК КПСС. Там же каким-то образом Сибагат познакомился с Пугачевым — будущим президентом Межпромбанка. Они как-то вместе заходили ко мне в студию, не помню зачем. Мы поболтали, попили чай, Пугачев сказал, что создает банк:, и мне стало его жалко, — такой приятный интеллигентный человек в джемпере на пуговицах и занимается такими глупостями. Я смотрела на него с сожалением и, конечно, с недоверием. Это было время самого, самого начала коммерческой деятельности в нашей стране — кого не спросишь, у всех грандиозные планы, и даже не спросишь, всё равно не

отвяжешься, тебе обязательно предложат купить вагон сигарет или фуру с колготками, — массовый психоз и поголовное желание разбогатеть подкосил каждого, вселился, как бес. Почти ни у кого ничего не получалось, многие мои друзья и знакомые, уходя в бизнес, бросали работу, и почти всем потом пришлось на нее возвращаться или искать себе новую. Я с болью смотрела на них, некоторые, теряя деньги, теряли и семьи: Катастрофически не хватало на всех удачи: И никогда не хватит, не может она литься золотым дождем на всех. Несправедливо скупо, с частотой падающих метеоритов одаривает судьба счастливым случаем избранных. Справедливо или несправедливо?…

В джемпере я больше никогда не увижу товарища Пугачева, в шикарных костюмах ходят президенты крупных банков. Всё у него получилось. А Сибагат получил высокооплачиваемую работу с бесконечными беспроцентными кредитами, даваемыми ему, а я приобрела хорошего клиента на несколько лет.

С тех пор так и повелось — на все руки Сибагат всё организовывал, договаривался о наших гонорарах, выплачивал их, отвозил, привозил… Сейчас он вез нас в резиденцию патриарха в Чистом переулке, мы опаздывали, опаздывали очень сильно, нам каждые пять минут звонили, спрашивая, когда мы будем. «Все, подъезжаем», — говорит Сибагат и поворачивает на Чистопрудный бульвар, этот идиот перепутал адрес, и с Чистопрудного бульвара мы еще минут сорок ехали в Чистый переулок. Я была спокойна, опаздывали мы не по моей вине, пусть теперь Сибагат объясняется за свою дурость и топографический кретинизм. Сама я приезжаю всегда и везде вовремя.

На входе нас встретила охрана. Еще час назад нам говорили, что мы уже опоздали, что Алексий II уезжает, что нас ждут последние десять минут… Вряд ли он стал бы ждать нас специально и откладывать другие свои планы, но мы, опоздав больше, чем на час, все-таки смогли остаться не вычеркнутыми в планах патриарха.

У нас ничего уже не проверяли, и крупногабаритные охранники расступились перед нами на входе, лишь бы мы только побыстрее сделали своё дело.

С нами был Аслан Ахмедов — визажист, но на предполагаемый make-up не оставалось времени. Мы очень быстро установили аппаратуру. Два окна и слишком мрачный интерьер темного красного дерева мешали свободе моих действий, но я быстро выбрала подходящий background* в виде большой красивой иконы. Алексия я расположила на достаточном расстоянии от нее — метра три или даже четыре… объектив

180мм…, свет — четыре студийных вспышки:, и все встало на свои места. Икона «не в фокусе» расплылась, при этом оставаясь крупной в кадре, и при этом, не отвлекая внимания от патриарха своей сверкающей богатой позолотой. Щелк: щелк: Кассета с мотором быстренько промотала несколько пленок по десять кадров. Всё, съёмка закончена.

К патриарху я, как и все, должна была обращаться — Ваше Святейшество. Но всю съемку я, двигая его и подсказывая, куда ему посмотреть, называла его батюшкой. Ни он, и никто другой меня ни разу не поправил.

Алексий II произвел нормальное впечатление нормального человека. Сняли мы и матушку, так ее все называли — бледную, немолодую женщину в черном. Не знаю, кем она приходится Алексию.

* * *

— Сибагат, как тебя с работы еще не выгнали, никакого от тебя толку, — мы опять все сидели в его машине и ехали обратно в студию.

— Да ладно тебе, — ухмыльнулся Сибагат своими румянными щеками, оставшимися ему на вечную память от уличных работ на свежем воздухе. — Зато сняли всё за полчаса. Плохо что ли?

— Ты мусульманин, Сибагат, вот и устроил провокацию православной церкви. Специально, сволочь, ты опоздал? Тебя вообще нельзя было пускать в резиденцию Алексия, это тебе не мечеть. Что ты поперся с нами? — ругалась я, конечно, шутя, я тоже была довольна, что съёмка не «пролетела» мимо нас, что она состоялась всё-таки, и все на заднем сидении тоже хихикали и тоже были довольны, все знали, что теперь мы точно получим свои денежки.

— Да, ладно, Борис. Сняли и сняли. Деньги когда тебе платить? — Сибагат выбрал беспроигрышный способ реабилитироваться в наших глазах, заговорив об ожидаемых нами деньгах.

— А деньги у тебя с собой? — спросила я.

— Конечно, — и Сибагат, выпустив руль, начал доставать из всех карманов «котлеты» денег, перевязанных цветными, но бледными резинками.

— Оставляй половину, пока всё не отобрали и уебывай по-быстрому, — выдала я опять образчик женского мышления и интеллигентного общения с заказчиком, все рассмеялись. — Ты

должен тысячу четыреста за съемку. За пленки, проявки не надо — мы мало сняли, и Аслану двести.

— Так он же не красил, — буркнул Сибагат.

— Так он же ездил… Давай деньги, завтра заберешь слайды.

Сибагат побурчал ещё и среди толстых «котлеток» нашел нашу тоненькую пачку долларов. Толстые предназначалась другим, эти другие оказывали банку, наверное, более важные услуги. Деньги уже были заранее посчитаны и приготовлены, под резинкой торчала маленькая оборванная бумажка с аккуратной надписью — «фото». Мы уже ехали по Зорге и подъезжали к мастерской.

— Как жена? — для приличия спросила я Сибагата. — Привет ей передавай.

Жену Сибагата я видела всего несколько раз, он редко с ней где-нибудь появлялся.

— Да чего жена: Нормально: Квартиру её родителям купил…, - Сибагат вдруг помрачнел. — Детей она мне не рожает. Вот сколько вместе мы с ней живем?… И ни хуя! Сына хочу… — Сибагат закурил, нервно затянулся и опять выругался. — На хуй, блядь!

— Анализы сдайте, может быть, дело в тебе, обычно начинают проверять мужчину…

— Да, сдавали…, - Сибагат в сердцах махнул рукой, было видно, что для него это наболевшая тема. — У меня всё в порядке.

Сибагат обиделся, что усомнились в его мужских воспроизводящих достоинствах. Все притихли, никто не хотел участвовать в такой деликатной теме.

— Подожду чуть-чуть и буду искать себе другую бабу, у нас татар нельзя без детей, — Сибагат открыл в машине окно и решительным движением выкинул недокуренную сигарету.

— Дурак ты! Разве жена твоя виновата, что не может забеременеть!? Не верю, что причина в ней. Вспомни, сколько ты баб перетрахал и, наверняка, переболел с пару десятков раз. Что думаешь, просто так бесследно это проходит!? В академию ты тогда притащил двух проституток на какую-то презентацию в местный ресторан на халяву поесть, и так же на халяву вы переночевали в местной гостинице. Обеих трахнул и разгромил весь номер, тебя чуть с работы тогда не выгнали. Зачем ты шторы содрал в гостинице и тумбочки все переломал?

— Хуй его знает, пьяный был, с утра ничего не помнил и пёзды эти уже съебались с утра. Да!: — без малейшего стыда за своё нехорошее поведение Сибагат сладко вздохнул. Воспоминания о той ночи отразились светлой улыбкой на лице

этого маленького татарина, запусти его с бабами в гостиничный номер ещё раз — всё также буйно и разрушительно повторится. — Меня тогда Липатов еле отмазал, а то бы точно уволили. Помнишь Липатова? Начальником хозяйственного отдела был тогда в академии.

— Помню, все в академии вечно обсуждали, как он смог без высшего образования пролезть в начальники. Противный был мужик, хрен с ним: А трех баб ты приводил ко мне по очереди, когда уже в банке работал, — я продолжала перечислять женщин Сибагата, перечислять их я могла долго, — деньги мне привозил, знал, что не выгоню с деньгами, поэтому и баб прихватывал. И всех трех трахнул у меня в студии. Туяна к тебе приезжала домой…

— Да ну ее на хуй, всю постель облевала, — Сибагат сделал лицо, как будто его сейчас стошнит за компанию с Туяной.

— Так чего ты домой её поволок, она же лесбиянка? — удивилась я.

— Все они лесбиянки, но как в рот взять или поебаться, все за милую душу.

— Всё приехали, — объявила я.

Мы, наконец, въехали в открытые ворота нашей мастерской и остановились у входа в студию. Уже стоя у машины, мы еще повспоминали прошлую, беззаботную жизнь, разгрузились и попрощались до завтра.

В мастерской меня, наконец, застали мои новогодние призы от приставучей тетки из супермаркета. Оказывается мне, сгорая от желания их вручить, звонили уже целый день.

— Здравствуйте! — начал рекламную компанию незнакомый женский голос. — Вы стали участником новогоднего розыгрыша призов…

— Здравствуйте! Короче, пожалуйста. Это я слышал, — не очень вежливо прервала я девушку.

— Вы выиграли подарок…, не могу сказать какой, но что-то от телефона до телевизора, — «телевизор» прозвучало очень заманчиво. Это ничего, что дома у меня два «телека» уже стояло, в подарок я была готова принять неограниченное количество телевизоров.

— И что дальше? — не верила ещё в это счастье я.

— Приезжайте, забирайте, — эти два глагола звучали просто, бесхитростно и убедительно. Я не видела пока препятствий на пути к этому праздничному «чему-то» — «от телефона до телевизора»:

— Что, вот просто так? Заехать и забрать? — я уверена была в обмане, но мне было интересно в каком месте обман, не могут же

среди бела дня звонить, предлагать телевизоры, а потом нагло наебывать без причины… Ну, приеду:, каким образом мне его не дадут? Я до сих пор оставалась приезжей, я по-прежнему была из другой страны, я была доверчивым гражданином Советского Союза, там обманывали глобально, там не разменивались по мелочам, обманывали красиво, до конца жизни не поймешь, что надули. А тут — телефоны… Мне был интересен механизм такого обмана.

— Да, Вы приедете и заберете, — подтвердил убедительный голос.

— А зачем тогда с женой? Может быть, заедет кто-то один? — спросила я, а сама уже прикидывая: может быть, взять ещё кого-нибудь, чтобы помогли дотащить «телек» до машины. А какого размера он? и какой фирмы? Войдёт ли в «Интрепид»*? Причём мысль, что мне достанется не телевизор, а телефон, я гневно прогоняла уже и не допускала её абсолютно. Да какой там телефон! Я уже не хотела даже думать о телевизоре небольшого размера, подавай мне 29 дюймов по диагонали и не меньше: и я, конечно, уже начинала верить в это.

— Нет, это политика нашей компании, мы призы даем только семейным парам, — услышала я в телефонной трубке предназначенный и заготовленный для подобных сомнений ещё один аргумент.

— И туристические путевки у вас не разыгрываются? — попыталась я ещё раз расколоть проговориться про таймшер звонящего мне агента.

— Нет, никакого отношения к туризму мы не имеем, — отреклась и от таймшера, и от туризма обученная разводить таких идиоток, как я, звонившая девушка.

— Девушка, послушайте меня внимательно. До Нового года осталось всего несколько дней, времени и так не хватает, я не хочу его тратить на всякую… э-э-э:, - слово «хуйня» предназначалось у меня для таких случаев, и оно уже непристойной птахой почти сорвалось с моего языка, другие слова в такие моменты я вспоминала с трудом, но я читала всё-таки много книжек, одно я вспомнила, — э-э-э… на всякую чушь, — наконец, я закончила фразу. — Девушка, точно не получится так, что я поеду через всю Москву, и окажется, что Вы меня обманули?

— Ну, я же говорю Вам, приезжаете с женой, вас поздравляют и вручают подарок, жаль, списка у меня сейчас нет, там все расписано, что кому дают. Я бы тогда прямо сейчас Вам сказала, что Вы выиграли.

«Действительно, как жаль:», — подумала я о списке. — «Было

бы тогда понятно, брать с собой ещё кого-то помогать мне тащить телевизор… или не брать. Ладно, сама загружу, если что. А если телефон будет, то тоже ничего, подарю его кому-нибудь на Новый год».

— Ладно, постараюсь приехать… С Новым годом Вас, до свидания…

— Подождите, подождите, я же не сказала куда и во сколько… — остановила меня девушка.

— И во сколько?

— Вы можете приехать в 15.00 или в 19.00: Как Вам будет удобно.

— Хорошо, если получится, я приеду, — согласилась я.

Она продиктовала адрес на Маросейке, я записала, злясь на свою мягкотелость, что не послала ту тетку сразу в магазине. Всё равно обманут, понимала я, но всё-таки интересно как?

* * *

Измотанная съемкой Алексия и всем бесконечным рабочим днем, выжатой мочалкой около восьми вечера я вернулась домой. Я вылезла из машины, задрала голову…, окна нашей квартиры не светились уютным, ждущим меня огоньком. Я поднялась на четвертый этаж, открыла дверь…, ползает черепаха, бегает кошка. Ну что за блядство! Никого нет… Маша звонила мне днем, она ничего не говорила, что собирается куда-нибудь уехать…, сказала, что будет дома. Забрала она Лизу или нет?… Забрать ее из садика надо было до шести или, в крайнем случае, в семь… Уже восемь: Забрала она ее или нет? Я, скинув куртку, не разуваясь, вошла на кухню и села у телефона. Что делать? Бежать в детский сад за Лизой? Неожиданные исчезновения моей жены уже нельзя было назвать неожиданными, это происходило все чаще и чаще, но я никак не могла привыкнуть к этому. Я попыталась расслабиться, попыталась убедить себя, что все как обычно, ничего не случилось, Маша забрала Лизу, пошла по магазинам или к подружке… Не позвонила она мне — или забыла…, или пытается что-то мне доказать, показать, или проучить…, или по неизвестным никому причинам… Хрен с ней, лишь бы с ней и Лизой всё было хорошо. Но мое больное воображение уже ничем нельзя было остановить, оно рисовало страшные картины…

:моя любимая жена идет в детский сад за нашей маленькой девочкой: всегда такая невнимательная она не замечает машину, а одуревший и спешащий перед Новым годом водитель, не

замечает ее маленькую фигурку: и вот она лежит на снегу… скорую вызвали, она все не едет: двадцать градусов мороза: травмы не страшные, но как холодно… пальцы побелели и уже не гнуться, они обморожены… уже сегодня ей ампутируют кисти рук…

Я вскочила и подбежала к окну, из него было видно сразу две ближайших улицы… Я вдавила нос в стекло, — вот она эта дорога к детскому саду: Нет, Маша нигде не лежала поблизости. Конечно, нет! Что за глупости! Ничего ей не ампутируют, просто она куда-то уехала к какой-нибудь своей подружке. Я опять попыталась себя успокоить.

Я включила чайник, налила себе чашку чая, но так и не сделала ни одного глотка. Блядство! Я начала звонить всем подряд знакомым, куда могла поехать моя дурная жена. «Нет, не приезжала», — отвечали все и успокаивали. — «Ну, ты же знаешь Машу, она же всегда куда-то уезжает и никогда тебе не звонит…» Да, все это уже знали, не знала только этого я, и знать не хотела, и не понимала… Почему нельзя позвонить? Я посмотрела на часы: Полдевятого! Чего я сижу? А если она не забрала из садика Лизу? Как же она там? Сидит и плачет… Я побежала в детский сад, он был рядом через дорогу…

На воротах амбарный замок, я дернула калитку — закрыто. В двухэтажном типовом садике светились два окна. Я пошла вдоль забора, надеясь найти в нем традиционную дырку… Забор свернул, а тропинка так и бежала прямо не за компанию с оградой детского сада. Блядь, я шла уже по колено в сугробах, я думала, что выбежала на пять минут и надела кроссовки…, как мокро в них уже… и как холодно. Я обошла по периметру этот ебанный забор и вернулась всё к тем же самым воротам. Ладно, надо идти домой. Я еще раз посмотрела на желтые в зимней ночной темноте окна… А вдруг мою маленькую девочку не забрали, ее оставили со сторожем ночевать в саду. Уйду сейчас, а она совсем рядом, плачет и ждет своих родителей. А если сторож извращенец? Поэтому он и работает поближе к детям… Нет, только не это. Я посмотрела на забор — заостренные его пики где-то вверху сливались с абсолютно черным, без звезд, небом, садик платный — забор добротный…

Я порвала перчатки, но, конечно, я перелезла… Не как в цирке, без сальто и без ловких прыжков, но, кряхтя и раскорячив по забору ноги, я в итоге спрыгнула с него с другой стороны.

Мне открыла дверь удивленная, в накинутой телогрейке и в тапочках, пожилая плотная женщина с добрым лицом.

— Вы откуда? — испуганно спросила она.

— Я с забора. Извините, ради Бога, девочка из старшей

группы не осталась случайно в садике? Дома никого нет…, - начала объяснять я.

— Нет, никого не осталось, — женщина растерянной рукой показала на детсадовские окна, а её доброе лицо покрыла извиняющаяся гримаса. — Сегодня всех забрали, во всех группах.

— Да?… Странно: Извините еще раз, с наступающим Вас…, - и я опять пошла преодолевать препятствие.

— Куда же Вы? Как же Вы перелезете? — крикнула мне вдогонку эта женщина.

— Перелезу…

— Дайте Вам открою, у меня ж ключи в кармане, — и она из телогрейки достала огромную связку. И в тапочках по морозу, переваливаясь «уткой», она суетливо побежала мне открывать калитку. «Плоскостопие… или старость?» — подумала я рассеянно.

«Когда же Новый год? Когда же можно будет спокойно лечь у телевизора, спокойно пожрать, ни о чём не думая…, может быть, даже заснуть до его наступления… Как всё заебало! Не могу больше», — я во второй раз за сегодняшний день возвращалась домой, мне не было уже холодно, я ничего не замечала… Маша, блядь! Ну, почему ты со мной так поступаешь!? Ведь надо всего лишь только позвонить, взять трубку и набрать мой номер… Восемь лет!.. Восемь лет мы жили так счастливо… Что происходит? Почему самые близкие люди, любящие друг друга, становятся вдруг чужими? Почему эта необратимая метаморфоза так внезапно и непрошено пришла в мою семью?

Я не знала причин, не понимала почему… Тогда я думала это временно, все уладится, уладится само собой… Но показавшееся черным, не может потом неожиданно оказаться белым, моя семейная жизнь начинала мне казаться адом и… никаких неожиданностей и обмана — моя семейная жизнь, действительно, стала настоящим адом для меня. Моя любимая супруга посвятила этому весь последний год нашей совместной жизни, не пропустила ни одного дня… С какой целью она так старалась?

В тот вечер она вернулась в одиннадцать, она была с Лизой… Конечно, она забрала ее из садика. Они вошли розовощекие с мороза, Лиза была в новой белой вязаной шапочке.

— Маша, позвонить можно было…, сказать, что уезжаешь?

— Заечкин, а Катя с Настей позвонили, сказали, что Лизе шапочку связали, мы и поехали. Я думала, что мы быстро…

— Так если не вышло быстро, можно было позвонить от Кати?

— Я не думала, что так поздно…, чего-то заболтались мы. И Лиза с Настей так хорошо играли…

Что-то объяснять, взывать к совести, ругаться было бесполезно.

* * *

Огромное административное здание с нелепой надстройкой над ним, верхушки тридцатиэтажных гостиниц, знакомые квадратные колоны у входа — творение советской эпохи и архитектора Посохина… Вместе с Катей мы поднимались ко входу в здание Российской академии государственной службы:.

Чуть не ударив меня дверью по носу, из академии вышла невысокая девушка:, выгоревшие на солнце волосы, без косметики красивое, загоревшее лицо, белые вельветовые штанишки, яркая желтенькая маечка… Молоденькая модненькая девочка, она мне сразу показалась особенной: Она, не замечая меня, прошла мимо и уже гордой походкой шла по аллее к метро «Юго-западная».

Безумное желание на ней жениться сумасшедшим припадком охватило меня и такое же ощущение безумной грусти и беспомощности от того, что, возможно, я ее никогда не увижу… «Я хочу такую жену!» — жалобно подумала я, печально смотря ей вслед. А белые вельветовые штанишки шли по аллейке, уходили, уходили… Эта первая девушка в моей жизни, на которой я хочу жениться. Как она могла пройти мимо? В моей жизни встречались уже и другие девушки, заставляющие задуматься о браке, но тогда это был сложный процесс оценок и взвешиваний всех «за» и «против», были и разговоры о свадьбе…, никогда не было решения, решения без сомнений и колебаний посвятить свою жизнь другому человеку. В одно мгновение это решение появилось само собой.

Я, оборачиваясь на нее, вошла внутрь и остановилась у милиционера, стоящего на посту у входа.

— Привет, Серега! — и мы грохнули свои ладони в нерационально крепкое рукопожатие и глупо и эпилептически трясли их с минуту. Терпеть не могу эту дурацкую традицию и потные ладони через одного протягивающего свои «грабли»! Терпеть не могла, но сама с готовностью размахивалась, как будто хотела убить, видя любую мало-мальски знакомую рожу. Тогда я знала всех милиционеров в академии, их была добрая сотня, и эта сотня тоже знала меня. Так усердно и приветливо я здоровалась в данный момент с длинным и худым Сергеем Морозовым.

— Здорово, Борис! Чего, баба понравилась? — ухмыльнулся Серега.

Я по-прежнему смотрела на бело-желтое пятнышко сквозь стеклянные двери.

— Понравилась… Ничего так: Дочка, наверное, чья та? — спросила я в надежде хоть что-то узнать про еще незнакомую мне тогда мою будущую жену.

Бедненькая, ее родители не могли работать в этой академии, они не могли работать нигде… их не было. Маленькая, солнечная девочка была сиротой, я узнала об этом позже. Она случайно попала в Москву из детского дома Медвежегорска. Её мама, нарожав за свою жизнь семерых детей, всех их сдала в детский дом. Вот такая мать-героиня!

— Не… Она работает где-то здесь, — Серега наморщил лоб на своём худом вытянутом лице, но место работы моей возлюбленной не вспомнил.

Фигурка моей будущей жены исчезла не сразу, она ещё посидела без всякой цели на лавочке на полпути к метро, может быть, ждала кого-то, может быть, просто котёнком погрелась на солнышке, а день был очень хороший — солнечный, теплый, по настоящему летний и радостный. А я всё стояла с не умолкающим над ухом сержантом Морозовым, не в силах уйти от желанного виденья и тщетно пыталась рассмотреть подробности телосложения моей мечты сквозь толстые стеклянные академические двери: но не хватало мне для этого бинокля или подзорной трубы, или, может быть, смелости, не откладывая до счастливой случайной встречи в будущем, подойти к ней сразу и сказать ей: «Я люблю тебя, Прекрасная Незнакомка!» И замечательные эти подробности откроются мне чуть позже и очень не разочаруют.

Я о ней думала…, думала так много и, мучительно её желая, что никуда уже ей было от меня не деться. Материализованную моими мыслями, я встретила ее через месяц в ресторане всё той же академии. Уже тогда в далекие советские времена я начинала что-то снимать за деньги и потихонечку привыкла обедать каждый день в ресторане и перестала ходить в столовую, за что меня тут же «разобрали» на партийном собрании. А была я членом партии и самым молодым коммунистом в Академии общественных наук при ЦК КПСС, так она тогда называлась. И я подсчитывала на этом собрании, убеждая своих товарищей по партии и заодно начальника нашего отдела, забавного и классного мужика хохляцкой национальности Василенко Федора Андреевича, что моей зарплаты с премией вполне хватает на ежедневные обеды по три рубля в день. Для порядка все повозмущались, но не исключать же из-за этого пиздатого парня из партийных рядов. И партийный билет так и остался у меня на

память о тех временах, полных всеобщего маразма, но при этом очень даже неплохих, спокойных и добрых.

На хуй все партийные собрания, не оставаться же из-за них без вкусного обеда, я опять на виду у всех шла обедать в ресторан…

За столиком в тихом уголочке сидела моя солнечная девочка, сидела не одна, напротив лыбилась отъевшаяся рожа моего знакомого со звучной фамилией Брежнев. Товарищ Брежнев незадолго до описываемой счастливой встречи впарил мне по дружбе стыренные им в той же самой академии декоративные панели, отделанные дубовым шпоном. Были они мне совершенно не нужны, но имея удивительную особенность покупать всякое «говно», я купила и это: и долго потом, проклиная товарища Брежнева, перевозила их с места на место, заказывая для этой цели «Газель», пока не выкинула их на помойку. К нашему бывшему генсеку продавец пизженного госимущества товарищ Брежнев никакого отношения не имел, но очень хотел иметь отношение к девушке моей мечты. Вот мудак! С этого момента наша дружба кончилась. Брежнев — несостоявшийся родственник генсека (и ещё раз мудак!), что-то оживленно рассказывал, потрясая своими полными щеками, и шутил, шутил… и сам смеялся своему тупому юмору. Маша сдержанно улыбалась, было видно — их отношения в самом начале, ничего пока между ними не было:.

Нет, не было? Ну, и на хуй тогда этого массовика-затейника, я нагло и, как бы обрадовавшись Брежневу, села за их столик: Выходили мы из-за него уже вдвоем с Машей.

— Здрасьте, Виктор Иванович! — я вошла в его кабинет ровно в полдвенадцатого. — С Новым годом Вас!

— Привет! С Новым годом тебя тоже! Проходи, садись, — Виктор Иванович привстал, быстрое рукопожатие, сел. Высокий, худой, не злые, а забавные тонкие губы, серый костюм:, в общем-то, приятный и, сразу видно, хороший, добрый мужик. — Как дела?

— Нормально… — ответила я и внутренне приготовилась к «серьезному» разговору. Корниенко помялся, виновато улыбнулся и разговор начался.

— Борис, тут такое дело… Ты же на работу совсем не ходишь, а зарплату получаешь…, я вот и премию тебе к Новому году выписал…

— Ой, Виктор Иванович: спасибо Вам большое, — ну, на хрена он мне ее выписал, мне и без нее было не по себе. Ведь предлагала, вообще мне зарплату не платить или оставлять её для нужд отдела. И вот, на тебе! Опять премия!

— Что-то ведь надо с тобой делать?…Увольнять что ли? — Корниенко отвел в сторону взгляд.

— Конечно, увольнять, что еще делать. На работу я не хожу, мне очень неудобно перед Вами за это… — начала я, но он меня перебил:

— Да нет, уволить мы тебя не дадим. Нет, вопрос так не стоит. Но что-то всё-таки надо решать, — малодушие Виктора Ивановича стоило мне ещё одного года работы в стенах этой академии. Как было бы хорошо, если бы он мне тогда сказал: «Борис, увольняйся, тебе же самому эта работа не нужна». Но хороший мужик Виктор Иванович, действительно, хороший мужик и тоже житель далекой страны с названием СССР, не сказал этого, он благородно спасал меня от безработицы.

— А чего решать? Увольнять меня надо, — не унималась я. — Я отработал здесь десять лет, и отработал не на лесоповале, мне было хорошо здесь, от академии я много получил, я ей очень благодарен. Я, конечно, привык к ней, для меня это родной дом и мне больно его покидать. Но кому здесь нужен фотограф?

— Не горячись, ну, что ты прямо… Не надо увольнять тебя и не надо тебе увольняться. Придумаем что-нибудь. Столько лет ты уже отработал на одном месте и что…? Вот так просто уйти? — да, просто отсюда не уйдешь. Но Виктору Ивановичу я была благодарна за поддержку, мне было приятно хорошее отношение хорошего человека. — Давай прощаться, придумаю что-нибудь, отдыхай в праздники, после Нового года как-нибудь увидимся, — и мы опять принялись поздравлять друг друга с наступающим. Господи, когда же он уже будет! И побежала обедать в столовую.

* * *

Судак в кляре с соусом корнюшон ждал нас в славной академической столовой. Еще во времена нашей работы здесь в академии это замечательное блюдо навсегда изменило Катино имя. За обедом пятилетней давности оно вдохновило меня на очень «поэтичную и складную» рифму:

Эксибишэн, эксибишэн,
Два корнишэн
И компот.

Следующей была: «Корнюшончик — катюшончик». И моя красавица Катя стала навсегда для всех Катюшоном.

* * *

После нашего обеда я успела отвезти Катюшона в мастерскую, заехать домой, забрать Машу и приехать к трем часам непонятно зачем, предположительно за дорогими призами, на Маросейку. (Дотащить бы до машины телевизор!) Шикарная вывеска с изображением всей нашей планеты, не хухры-мухры тебе, висела перед нужным входом, у него же стоял совсем молодой человек. Костюм, галстук, серый, с огромными плечами, плащ и ослепительно белая рубашка на этом аккуратно стриженном молодом человеке должны были говорить о солидности и безупречной репутации фирмы.

— Здравствуйте, Вам на второй этаж, — с привычной отработанной улыбкой произнёс он привычную отработанную фразу.

«В армию тебе надо, а не хуем груши околачивать здесь на входе», — подумала я. Специфический румянец, зардевшийся на его щеках, делал молодого человека похожим на солдата первого года службы, у них обычно такой.

Мы вошли в указанную дверь: Со второго этажа по лестнице спускалась с совершенно неосчастливленными подарками лицами семейная парочка немолодых евреев.

— А телевизоры ваши где, — усмехнулась я.

— Да, какие телевизоры: — мужчина обиженно махнул рукой. — Таймшер это, на путевки опять разводят. Два часа просидели, лекцию слушали. Плати несколько тысяч и отдыхай раз в год по неделе, а где их найдешь потом, если заплатишь, — разочарованию их не было предела, эта симпатичная пара чуть не плакала. — Перед Новым годом: так не кстати, с работы отпросились: мы на пенсии, но работаем. Внуков пришлось через всю Москву к их тетке везти — это вторая дочка наша, а оттуда полтора часа сюда ехали. А сейчас обратно: Вот старые дураки, второй раз уже попадаемся.

— Ладно, Марчик, пойдем, в следующий раз будем умнее, — дрябленькое лицо преданно прижалось к плечу мужа, о не одном десятке лет совместной жизни свидетельствовало милое это движение, утерянную теплоту моих отношений с Машей увидела я. Какой неведанный секрет помог им сохранить ее?

На втором этаже у двери висела такая же роскошная вывеска, видеокамера над ней наблюдала за входящими, ведь раздавали бесплатно подарки, очереди и давки ожидала добрая фирма. Мы вошли внутрь, у самого входа стол с монитором и охранником, на мониторе отчетливо лестница, входная дверь и глобус на вывеске, в России наебывать небезопасно, не все добропорядочные

престарелые евреи, есть и буйные. Не доглядели «таймшеры», не хватало на столе у охранника пулемета, только тогда могли бы они не бояться встречи с ними. Большая комната, большая вешалка, большой стол и маленькая, с засохшим лицом, девушка.

— Здравствуйте, раздевайтесь, проходите в конференц-зал, — поприветствовала она нас с застывшей с позапрошлого дня улыбкой.

— Девушка, у Вас туристические путевки: таймшер: разыгрываются? — спросила я.

— Да, у нас разыгрываются именно туристические путевки. Проходите, вам всё расскажут, у нас разные программы и предложения, — не веря своим ушам, девушка обрадовалась таким редким, заинтересованным таймшером, клиентам.

— Девушка, а почему, когда мне звонили, то сказали, что сегодняшнее мероприятие к таймшеру и туризму не имеет никакого отношения? — голос мой помрачнел и не предвещал ничего хорошего.

— Вы против туризма? — улыбка у девушки окончательно протухла и сползла с лица, оставив на нём только усталость.

— Я против обмана. Мне сказали, что я выиграл что-то от телефона до телевизора. Телевизора я здесь у вас не вижу, но если мне сейчас не дадут телефон, я его заберу с вашего стола, — девушка пододвинула телефон поближе и уже не снимала с него руку. Охранник оторвал свой зад и повернулся к нам передом, а к монитору, может быть, впервые за день задом.

— Чего встал, монитор хочешь отдать? Сел на место, — вряд ли вежливо обратилась я к нему: Гаркнула я на него, а только потом рассмотрела: Охранник был очень даже не щуплым, как будто с боксерского ринга сошел он, только костюмчик натянул с галстуком. Вот зараза! Вообще, мне было уже страшно, но меня уже понесло, адреналином я наполнилась еще на лестнице с пожилыми евреями, их жалостливая история обязывала меня что-нибудь совершить. Им старичкам не стыдно было просидеть два часа овцами, но мне, молодому мужику, пусть и упорно считающему себя женщиной, уже заглотившему этот обман и унижение, надо было его выплевывать.

— Я так понимаю, вы не хотите остаться и послушать, какой отдых мы вам предлагаем? — лицо девушки совсем сжалось в сухих неприветливых морщинах.

— Мой отдых ждал меня сегодня дома, вы его у меня украли, — ответила я. Девушка-вобла опрометчиво успокоилась и выпустила телефон, я спокойным движением его взяла и положила ей в руки. — Дарю, это от меня подарок.

Мы с Машей уже спускались по лестнице: Нет, я не могла

уйти просто так: Я знала, как я буду себя плохо чувствовать:, оплеванной, обманутой, проглотившей всё это наебательство:

— Иди в машину, сейчас приду, — сказала я решительно Маше и опять направилась вверх по лестнице к дверям раздающей призы доброй компании.

— А ты куда?

— Маша, иди в машину, — ещё раз рявкнула я.

Я поднялась опять ко входу, подошла к вывеске, на ней не было видно шляпок шурупов или каких-либо винтов, намертво она была приклеена цементным раствором к стене. Не веря, что мне удастся ее оторвать, я все-таки со всей силой рванула ее за верхний угол: С грохотом посыпалась штукатурка, и между стеной и одним краем вывески образовалась щель. Я сунула туда пальцы и благополучно оторвала ее совсем. На вывеске с обратной стороны остались добрые два-три сантиметра цементного раствора, оставив на стене огромный след, как от артиллерийского снаряда. Вместе с вывеской я побежала вниз, за мной уже бежал охранник. Он не только впервые за день оторвал свою жопу, он в первый раз в своей жизни и, может быть, единственный гнался за кем-то. Мне опять стало страшно, сейчас меня поймают и вызовут милицию, потом суд и три года за хулиганство:

— Стойте, остановитесь, я стрелять буду, — услышала я за спиной, и мой страх сразу прошел, тонкий и пидеристический голос охранника безумно боялся меня сам. Бедный охранник уже сам не рад был своему неудачному трудоустройству, вместо предполагаемого сидения за монитором, ему сейчас предназначалось поймать опасного хулигана. Он меня боялся, поэтому и орал, что стрелять будет. Я уверена была, пистолета у него нет. Я остановилась и пошла ему навстречу. Погоня чуть было не поменяла свое направление, я подходила ближе, и он начинал уже пятиться. Я спокойно и уверенно подошла к нему и резким движением замахнулась на него вывеской. Ну, какой он охранник! Он присел, как будто, обосравшись, и самым жалким образом закрылся руками.

— Пошел на хуй отсюда, — я сунула ему вывеску и не спеша пошла вниз. На душе мне стало хорошо и весело.

* * *

Война: Кажущиеся такими счастливыми послевоенные годы: и скитания, скитания:, обычные для военной семьи бесконечные скитания: Донецк, Владивосток, Германия, Клайпеда: и вот теперь

Балтийск. Пиллау — в переводе «солнечный город», назывался он еще пять лет назад. Война закончилась, покинутый немцами Кенигсберг, назвали Калининградом, Пиллау — Балтийском.

Где мы не жили, в каждом городе я выступала на сцене. И сейчас, живя в этом замечательном красивом городке, я руководила художественной самодеятельностью. Мои выступления, мои спектакли были единственным развлечением у измученных дальними походами моряков и бесконечно ожидающих их близких. Уже по десятому разу они смотрели мою «Свадьбу в Малиновке» в своём родном Доме офицеров.

— Я интересуюсь, Гарпина До: До: Ой, простите: — Яшка-артиллерист в выцветшей фуражке со сломанным козырьком весь извивался передо мной, заглядывая мне в лицо.

— Дормидонтовна, — подсказала я ему.

— Гарпина Дормидонтовна, у Вас бывают мигрени?

— Нет, у нас никого не бывает, одна только скука. Такая скука: — вздохнула я большой грудью и кинула семечку в рот, изобразив эту мучительную скуку. Зал захохотал и захлопал.

— Я заявляю совершенно официально, как начальник гарнизона, скуки больше не будет. Мы ее бац-бац и мимо! — Яшка-артиллерист со всего размаху грохнул своими ладонями друг о друга, как будто пальнув из пушки, и сделал глупейшее лицо, повернув его для обозрения в зал. И опять весь зал хохотал и благодарно хлопал:

— А Вы гапака танцуете? — продолжая лускать семечки, спросила я заезжего с далёких фронтов Яшку.

— Ну, что Вы! Гапак нынче не в моде. Я прошел пешком всю Европу и ни разу не видел, чтобы танцевали гапака. Сейчас у них в моде: — Яшка сдвинул фуражку на лоб и почесал затылок. — Сейчас у них в моде, ну, форменное безобразие. Называется: э-э-э: «В ту степь».

— В ту степь? — я сделала своё лицо во много раз глупее Яшкиного и тоже повернула его под аплодисменты и хохот к благодарному залу.

— Интересуетесь? Могу показать! Вашу ручку битте-дрите.

Яшка-артиллерист, в жизни кап-три* Черненко с подводной лодки моего мужа, взял меня за руку и, ловко пританцовывая, подвел меня ближе к краю сцены.

Приготовьтесь, фрау мадам,
Я урок Вам первый дам.
Надо к небу поднять глаза
И запрыгать, ну, как коза.
Ну-ка, смелее напрямик,

С Вашей фигурой — это шик.
Продолжаем эйн, цвей, дрей.
Ну, ходите побыстрей.

Он крутанул меня вокруг себя, и я специально неуклюже закружилась по сцене с подкладным животом и в бесчисленных юбках на фоне декорации украинской мазанки в безумном деревенском вальсе. Зал взорвался аплодисментами, с задних рядов свистели матросы, к сцене через узкие проходы зала бежали молоденькие офицеры с цветами, в первых рядах сверкали парадной формой старшие офицеры. Многие из них пришли с женами, с семьями. Я уже третий раз пела на бис и чувствовала себя настоящей звездой.

Первый ряд, 7, 8, 9-ое места занимали самые дорогие моему сердцу зрители — моя семья:, мой муж и мои дети, мое сердечко билось сейчас между ними, оно всегда было с моей семьей. С вьющимися волосами до плеч очень серьезная Нонночка, смуглый красивый четырнадцатилетний Сережка, как две капли воды похожий на своего такого же смуглого отца, сидящего рядом. Маленькая восьмилетняя Изольда с черными, как смоль волосами, болтая ногами, удобно разместилась у нашего отца семейства на коленях.

— Мария Гавриловна, поздравляю с успехом, — я не заметила, как на сцену с огромным букетом красных гвоздик поднялся сам начальник Балтийской базы адмирал Грищенко. — Поздравляю! Не могу на Вас спокойно смотреть. Здоровья Вашему мужу, конечно, но Мария Гавриловна, если бы не он, честное слово, я бы предложил Вам руку и сердце, — доброе адмиральское лицо хохляцкого происхождения расплылось, как будто объевшись галушек, он неловко топтался передо мной с букетом, совсем растерявшись. Началось, как он мне надоел! Два года назад ставший вдовцом адмирал, стал моим назойливым поклонником сразу после моего первого спектакля в этом городе. Завидный жених, адмирал, он был мечтой многих женщин, потерявших своих мужей во время войны, выбирай любую. Что ему надо? Серж уже не раз ревновал меня к нему, дурачок.

— Василий Федосеевич, Вы меня загораживаете, ну-ка, брысь со сцены. Ну, что Вы право опять? Не стыдно? Всё, давайте цветы и спускайтесь со сцены, давайте, давайте: — вежливо прогнала я его от себя уже в который раз.

— Ухожу, ухожу: Мария Гавриловна, Вы — богиня, — адмирал попятился, чуть не споткнулся и грузно и неуклюже спрыгнул со сцены, пренебрегая близкими к нему ступеньками,

показывая этим мне какой он ещё молодой и ловкий: Не получилось:.

Так я и знала, Серж уже хмурился, вечером опять будет разговор.

Мы молча гуляли с Сержем по парку: Полустертые холмики и каменные обломки заброшенных немецких могил, белоснежный с неизвестным персонажем-мальчиком фонтан на аллейке, гуляющие парочки: и деревья, деревья, деревья: Такие огромные тополя и каштаны росли только здесь. Розовые немецкие домишки с красными черепичными крышами и эти деревья-великаны придавали городу сказочный вид. В самую безветренную погоду их макушки шевелились, как живые:, шумели, наполняя город шумом морского прибоя, — волны накатывались и отступали: Может быть, представляя себя матросами на палубе исполинского корабля, эти деревья размахивали своими руками с листочками-флажками и посылали знаки другим неведомым суднам или от столетней скуки просто разгоняли в высоком голубом небе непослушных белых овечек. В этом городе обязательно должны были жить маленькие сказочные гномы, но весь город принадлежал военным:, военным и их семьям, гномов среди них не было.

Мы по-прежнему молча брели уже по Гвардейскому проспекту, каждый думал о своём, каждую секунду нас останавливали знакомые, весь город состоял из друзей и знакомых. С нами каждую секунду здоровались, было грустно, но мы вежливо улыбались, я терпеливо выслушивала поздравления по поводу сегодняшнего спектакля.

— Не красавица я, просто я веселая, общительная и громогласная, — со смехом в который раз уже отвечала я на чьи-то комплименты.

«Ох-ох-ох!» — я вздохнула. Какая я красавица?: Сорок два года бабе. С Сержем мы были одного возраста и меня это всегда очень беспокоило. Сорок два года для мужчины совсем другой возраст. Красивый и подтянутый — мой Серж по-прежнему был молодым мужчиной. Я очень обрадовалась, когда в моем паспорте сделали ошибку и написали 1909 год рождения, в метрике стоял 1908. Так я стала на год младше своего мужа и счастливая, с новым паспортом, прибежала домой. Он снисходительно смеялся надо мной, называл меня глупой, начал целовать:, через девять месяцев родилась Изольда. Я нежно прижалась к родному плечу мужа, я шла уже улыбаясь.

— Что ты, Марийка? — дёрнул меня за руку муж.

— Сержик, а чего ты у меня такой смуглый? Из Африки что ли приехал, загадка ты моя? — ещё больше прижимаясь,

ласковым голосом спросила я его.

— Ну, опять ты: У нас в семье все такие.

— Изка с Сержем в тебя. А Нонна моя дочка вышла.

Мы подходили к дому, навстречу нам бежали наши девочки. Изольда вся в слезах отставала, платьице, привезенное из Германии, все испачкано, коленки черные, моя маленькая малышка успела шлепнуться. Нонна с напуганным, серьезным лицом: Мое сердце оборвалось, что-то случилось:

— Мама, Сергуня взял папин пистолет и куда-то ушел, — запыхавшись, Нонна сообщила всей улице то, за что запросто могли посадить. Это был не табельный пистолет, выдаваемый на корабле, из Германии был привезен этот заморский сувенир — армейский «Вальтер». Нонна обычно никогда не выдавала брата, Изольда была ябедой и обычно прибегала ко мне: «Мама, я никому не расскажу, что Нонка с Сережкой воруют конфеты с елки».

— Нонна, тише, — Серж присел на корточки. — Когда он ушел?

— Только что. Мы сразу к вам побежали, — Нона не выдержала и тоже расплакалась. — Папа, Сережке ничего за это не будет? Его не посадят за это в тюрьму?

— Всё будет хорошо. Мария, веди детей домой.

Серж нагнал его у ворот школы, в которой учились и мои девочки, и секретарем комсомольской организации, в которой был мой вооруженный в данный момент сын. С пистолетом в кармане комсомольский вожак шел убивать своего одноклассника, мой подрастающий рыцарь шел мстить за обиженную свою девушку. Несчастья не случилось, не выстрелил пистолет в этот раз. Не выстрелит он и в следующий: через двадцать пять лет, когда Ноннин сын, Игорь, вытащив его, спрятанный в стопках постельного белья, пойдет тоже защищать свою девушку во все ту же самую первую школу города Балтийска. История немецкого пистолета на этом закончится. Всегда разумная моя дочь Нонна в тот же день выбросит его в замасленное между военными кораблями море.

Я уложила девочек спать. Серж с сыном закрылся в комнате, мужской разговор происходил сейчас между ними. Я сидела уставшая, я думала о Серже, о детях, о своей семье, я вспомнила свою маму — завтра надо сходить на кладбище: Дверь скрипнула, ко мне в комнату радостная вбежала Изольда.

— Изочка, что ты не спишь, моя маленькая? Где твоя ночная рубашка?

— Бабуль, это не Изочка, это Лиза, моя дочка, — рядом с маленькой Изольдой стоял с ярко-рыжими волосами ее сын.

— Мама, ты узнаешь Лизу и Бориса? Это твоя правнучка, — в комнату с дымящейся сигаретой вошла теперь настоящая Изольда, настоящая: и совсем уже взрослая.

— Борька, ты что ли? Конечно, узнаю. Лизочка, моя маленькая. Как ты похожа на Изочку в детстве! — узнала я, наконец, свою правнучку.

— Бабуля, мы с Лизой пришли тебя поздравить с Новым годом, — внук сел рядом и крепко обнял меня, Лиза подошла и поцеловала меня в щеку.

— Бабушка, поздравляю тебя с Новым годом! Желаю тебе крепкого здоровья и счастья в личной жизни! Пух! — Лиза весело засмеялась и еще раз поцеловала меня в щеку. Эти детские поцелуи вначале моих детей, затем моих внуков и теперь уже правнуков наполняли всю мою жизнь особенным, понятным только для женщины смыслом:, смыслом и счастьем:

— Лиза, принеси бабушке подарки, — сказал своей дочке Борис.

— Борис, говори громче, бабушка ничего не слышит: и ничего не понимает.

— Мама, отстань от бабушки, доживи до девяноста двух лет, посмотрим, как ты будешь соображать, дай нам посидеть спокойно, — защитил меня мой внук.

— А это что за мужчина пришел с вами? — спросила я тревожно. В комнате правее от меня сидел незнакомый мужчина в костюме и галстуке и что-то рассказывал. — Он что-то говорит, не перебивайте его.

— Бабушка, это телевизор, — Борис меня обнял крепче и поцеловал. Я поискала глазами этого мужчину, но только его голова смогла уместиться в небольшом телевизоре. Мне стало стыдно, совсем уже выживаю из ума.

— И вправду телевизор, все я путаю в последнее время, — мое сознание окончательно вернулось ко мне, вернулось с болью:, с болью, пронизывающей все тело. Болели ноги, все суставы ломило, ужасно ныла спина, и ужасную боль я ощущала чуть выше попы в крестце, в этом месте нестерпимо горело, болело так, как будто меня резали на кусочки, невозможно было пошевелиться. Проклятая старость!

— Как дела, бабуля? — внук по-прежнему обнимал меня, он всегда, когда приходил, все время сидел рядом со мной, разговаривал, прижимал к себе и бесконечно целовал меня в щеку. Мне становилось уютно, я начинала чувствовать себя маленькой:, маленькой, защищенной девочкой:, я немножко забывала про боль, ко мне возвращалось ощущение семьи:, возвращалось и желание жить.

* * *

— Бабуся, с Новым годом! Просыпайся. Ты спишь?

— Баба Маня, с Новым годом! — пропищала рядом со мной Лиза.

Мы с ней вошли в большую комнату… Называющаяся большой комната в панельной «хрущевке» имела площадь 14 квадратных метров. Вторую умный советский архитектор спланировал восьмиметровой — гуляй, не хочу. Не забыл он нагадить и с потолками, до них можно было коснуться, без напряжения подпрыгнув. Ну, и конечно, весело назвавшись, санузел совмещенный, — раковина, унитаз и сидячая ванна разместились на размера собачьей конуры площади. Как мы здесь умещались все вместе? Четыре года мне было, когда отец с мамой развелись и разменяли трехкомнатную квартиру на Яна Райниса. Отец переехал в коммуналку на Лациса, а мы получили это постбарачной эпохи жилье. Бабушка, мама, моя сестра Вика и я, обязательно всегда собака и кошка, и вечно приезжающие, иногда никому незнакомые наши родственники проживали в этой шикарной квартире. Но было уютно, дружно: и на удивление не тесно. В этой квартире я имела хорошее детство, хорошую семью, хорошую бабушку и замечательную маму.

Мы с Лизой вошли в комнату. Стойкий запах давно болеющего человека удушливо заполнял ее, на одной половине не разложенного синего дивана лежала моя бабушка. Взгляд ее был где-то далеко, она не спала. Мы вошли, но он так и остался неподвижным, устремленным в себя, или в пустоту, или, убегая от боли, он уводил сознание в счастливый мир ее прошлого. Мама успела уже сказать, что она опять никого не узнает. Лиза подбежала к ней: «Бабушка, поздравляю тебя с Новым годом!»

— Изочка, что ты не спишь, моя маленькая? Где твоя ночная рубашка? — бабушка вздрогнула и протянула навстречу Лизе свои руки.

— Бабуль, это не Изочка, это Лиза — моя дочка, — я не привыкла видеть свою всегда бодрую бабушку в таком состоянии, мне было больно видеть её страдания, её крайнюю древность, её забытьё, в которое она впадала всё чаще…

— Мама, ты узнаешь Лизу и Бориса? Это твоя правнучка, — в комнату как всегда с сигаретой вошла моя мама. Две с половиной пачки «Явы» в день хватало, чтобы сигарета всегда была во рту. Тьфу ты, как меня злило мамино курение в ее возрасте. Что за глупость!

— Борька, ты что ли? Конечно, узнаю. Лизочка, моя маленькая. Как ты похожа на Изочку в детстве! — бабушка

заулыбалась, её глаза, наконец, стали осмысленными. Я радовалась этим минутам, когда я была рядом со своей прежней бабусей. Я села рядом, крепко обняла ее и поцеловала в щеку. К бабушке я испытывала искреннюю нежность, ее беспомощность делала ее маленьким ребенком. Всегда такая бойкая и веселая: Что с ней стало? С пока еще неосознанным предчувствием близкой потери я крепко обнимала свою древнюю бабуську. Немножко раскачивая ее из стороны в сторону, я непрерывно целовала ее в щеку, пытаясь, наверное, этим удержать ее сознание возле себя.

— Борис, посмотри на своего мишку, бабушка теперь каждый день кормит его с ложечки, она вообще уже ничего не понимает, — вошла опять мама и продемонстрировала мне всю перепачканную манной кашей любимую игрушку моего детства — большого плюшевого грустного медведя. Бабушка, оказывается, пыталась его накормить. Медведя этого купили при моем рождении, и он имел, соответственно, мой уже совсем не юный возраст. Родной его пластмассовый нос давно оторвался, вокруг заботливо пришитого овального кусочка черной кожи, его нового носа, как будто от насморка потеки засохшей манной каши. Я обняла бабушку крепче и горько заплакала.

Несколько месяцев назад бабушка моя слегла, слегла не от болезней, слегла, наверное, от девяносто двухлетней старости. Двигаясь все меньше и меньше, она неожиданно совсем перестала вставать. Тщетно мы пытались ее поднять, ставшие беспомощными ее ноги подгибались, без чужой помощи она уже не могла сделать и шага. И пролежни, грозные спутники неподвижной старости, не заставили себя ждать. Появившееся на крестце багровое пятно, быстро разросшееся на полспины, превратилось в огромную мокнущую язву: и ничего нельзя было с ней поделать.

Наша российская медицина была представлена участковым врачом поликлиники № 139 товарищем Туговым. Спасибо ему, он приходил, но упорно не желал вступать в борьбу со старческими недугами. «Ну, промывайте марганцовкой», — говорил он и, ничего не выписывая, уходил на прогулки в другие квартиры. Хрен с ним, от участкового врача я ничего не ждала, выписывали лекарства другие. Но ни «солкосерил», ни антибиотики, ни специальный противопролежневый матрас всё равно никак не помогали. Помочь и восстановить нарушенное кровообращение могло только движение, а изношенный, подошедший так близко к смерти организм был к этому не способен. Я вспомнила, казавшиеся такими близкими, наши занятия с моим двоюродным братом каратэ. Мы пытались встать на шпагат, в комнату вошла

наша бабуся: «Дайте и я попробую». Мы смеялись, а наша семидесятилетняя бабушка неожиданно растянула свои ноги в смешных коричневых чулках в настоящий шпагат. «Бабуся, тебе опять на сцену можно выходить», — мы опять хохотали, хохотали все, на нашу удивительную гуттаперчевую бабушку прибежали посмотреть даже соседи. Как недавно, казалось, это было, но это «недавно» имело двадцатилетний размер, и стёрлось незаметно это «недавно» о трудную дорогу жизни: стёрлось и ничего уже почти впереди не осталось:.

Жизнь, любовь — эти подлые субстанции, к которым так неотвратимо привыкаешь, ускользают, вытекают последними песчинками, как из песочных часов в неизвестность и ничего от них не остается.

* * *

Ба-бах! Огромный жирный кусок тушеного карпа увесисто шлепнулся мне на штанину. Разваренная рыбная плоть, не предназначенная для таких потрясений, развалилась на части и выпустила на мою праздничную новогоднюю одежду все мыслимые и самые жирные свои соки. Твою мать! Жить мечтами об этом ебанном Новом годе, еле дотянуть в мучениях до этого дня, и только сесть за стол, перевернуть на себя эту блядскую рыбину.

— Заечкин, какая ты свинья! — от визгливого голоса жены я в последнее время начала уже вздрагивать, ее голос раньше точно был не таким. За столом все оживились, Новый год мы праздновали у Кати дома вместе с ее родителями, с не предвещавшим бурных утех спокойным застольем, гостей было немного. Все обрадовались неожиданному хотя бы такому развлечению, — рыба оказалась не у них на коленях. В прошлом году я перевернула на себя салат — что за дурацкая традиция!?: Действительно, свинство!

Выглядели воспитанными, не перевернули на себя рыбу и остались чистыми все остальные сидящие за новогодним столом. Гена с Леной и их очень подвижный сынишка Максимка. Неведомых кровей Гену я знала уже лет пятнадцать, мы вместе работали в академии. Свою уже привычную для нас, похожую на китайскую фамилию, Вантенсун он неожиданно изменил на дурацкую — Ван. На редкость без извращений, оба красивые, они были для всех эталоном нормальной и устойчивой во всех отношениях семьи. Их подруга Наташа, симпатичная девушка с немножко поросячьим лицом и с устойчивой географией ее

молнии на брюках, она всегда располагалась у нее сзади, подсказывая удобные подходы к ее чуть располневшему телу. Один и тот же паразит, смешная фраза — «Ну вота» поразил её и мою речь. На этом, слава Богу, наше сходство закончилось. Двоюродная сестра Кати — Мила, с не всегда понятным и адекватным поведением. Очень сильно она изменится через год после знакомства с хорошим надёжным и порядочным мужиком-англичанином. Чувство уверенности в своем избраннике, изменит её даже внешне, — она расцветет вся и станет очень приятной девушкой. Подростковые её странности развеются, и она станет спокойным, уравновешенным и доброжелательно смотрящим на мир человеком. Моя жена Маша, моя дочка Лиза, Катины родители и, конечно, сама Катя. Вся наша этого года новогодняя компания.

Наконец, я могла спокойно, ни о чём не думая, сидеть, есть, смотреть телевизор, забыть о работе, о становящейся врагом жене, о своей болеющей бабуське:

— Все вы здесь молодые: праздновать не умеете, — Лев Ефимович, Катин папа, встал и поднял свою рюмку. — Говорю тост, а то вас не дождёшься. Ельцины, Путины: все они нас поздравляют с Новым годом, и всем им на вас насрать:

— Папа, ну, что такое? — прервала тост Льва Ефимовича Катя.

— Лева прекрати, — Гертруда Николаевна, его жена, тоже возмутилась.

— Ладно. Что я хочу сказать: Думайте, молодежь, о себе и о своих близких, тогда и вам и всей России будет хорошо. Других секретов хорошей жизни нет, никто вам на тарелочке ничего не принесет. Обмануть — запросто, а подарков не ждите. Всё в ваших руках. В общем, будьте здоровы, — и Лев Ефимович по-гусарски задрал рюмку.

— Ох, Лев Ефимович, мрачный у Вас тост, — сказала я.

Все звонко чокнулись и продолжили есть. Я забыла свои обиды на дурного карпа и положила еще один огромный его кусок себе в тарелку. Ну, до чего вкусно! Всё было приготовлено руками Кати и Гертруды Николаевны, всё красиво сервировано и особенно по-новогоднему украшено.

«Гена, как у тебя дела?» — «Нормально».

«А на работе?» — «Нормально».

«Мила, как дела?» — «Нормально».

«Наташ, а у тебя?» — «Да так, ничего вроде бы».

Тьфу ты, не с кем даже поговорить. Еда в нашей компании становилась единственным развлечением.

Только Лена пыталась рассказывать что-то веселое,

остальные усердно пытались благодарно весело смеяться. Меня совсем подкосил второй кусок карпа и еще добрый пяток разных салатов, я сидела обожравшаяся, уже зевала и страшно хотела спать. С такими ужасающе-помоечными жирными пятнами на моих штанах смотрелось бы, по-моему, вполне прилично ткнуться лицом в салат и, громко рыгнув, заснуть.

— Ольга, еще раз клюнешь носом, я дам тебе по шее, — страшным шепотом в моё ухо Катя прошипела свою угрозу.

— Да не сплю я, — и жалобно, — Может быть, через часок я уже где-нибудь прилягу?

— Нет! Ляжешь, когда все разойдутся, — отрезала сурово Катя.

Вкусно поесть и хорошо поспать — мне лучшего Нового года не надо. Как встретишь, так весь год проведешь. Хочу весь год спокойно вкусно есть и спокойно много спать, — мне для счастья больше ничего не надо, ну, может быть, сексом еще заниматься тоже много. Почему мне не дают заснуть? Почему, вообще, все диктуют, как мне надо жить!? Я ещё раз широко зевнула, совместив это действие с громкой икотой, оглядела стол и оценила реальные возможности хоть каких-нибудь для себя развлечений.

— Лев Ефимович, а кто Вам помог с Вашей мастерской: Хрущев? — я безошибочно выбрала для себя собеседника, Льву Ефимовичу было что рассказать и произнести кроме скупого «нормально». Тема его работы и его творчества была бесконечной, задай вопрос и слушай, от скуки не умрёшь.

— Хрущёв? Нет, мне под Ленина её построили. Знаешь на Октябрьской площади моего Ленина? Вот под него и построили. Гагарин с мастерской мне очень помогал, почти каждый день приезжал: Все смеялись над ним, что прорабом ко мне устроился. Дружили мы хорошо с ним. И времена были хорошие: А Хрущев?: Неплохой мужик был. Первый раз я его увидел, мы были еще студентами. Мы делали снежные скульптуры в Сокольниках: и там… в этом: чёрт его возьми, не помню уже: Везде, в общем. Большие делали… высотой 20–30 метров.

— Да ладно, Лев Ефимович, 30 метров — это девятиэтажный дом, — мне казалось это невероятным, Лёва точно что-то путал.

— Ну, вот, такие и делали. Да, большие, — продолжал Лев Ефимович. — Делали огромные короба из щитов, загружали их снегом, потом поливали водой, все это смерзалось, щиты снимали и получались огромные глыбы из льда: и делали фигуры разные сказочные… коней красивых делали… и э-э-э… — Лев Ефимович попытался вспомнить других ледяных героев, но верными оказались только лошадки, остальные за десятки лет разбежались

или уже померли в его памяти. — А потом брали бадью с горячей водой, окунали туда снег и горячим снегом придавали форму.

— Папа, ну, как снег может быть горячим!? Ты совсем уже, — вмешалась Катя, в горячий снег она не верила.

— Да-а, горячий, мы же его в горячую воду опускали, — Лёва был уверен в данной технологии с использованием горячего снега.

— Так он же там таял, — вспомнила Катя законы физики.

— Вы все ничего не понимаете, — неожиданно обиделся Лёва. — Ты дочь, ничего об отце не знаешь, пришла хоть раз бы в мастерскую, архив посмотрела бы.

— Я каждый день в мастерской. И что я о тебе не знаю?

— Ты можешь помолчать, неинтересно, смотри телевизор, — защитила я Лёву. Катю всегда трудно заткнуть, лучше сделать это сразу. — Ну, Лев Ефимович, и что там с Хрущевым?

— Э-э-э: лошадей значит… На чем я остановился? А! Большими кухонными ножами мы вырезали эти фигуры. Всем нравилось, раньше любили в парках гулять. Столько людей приходило посмотреть на наших лошадок и всяких там: А намерзлись мы там: тело водкой натирали… ну, и принимали внутрь, конечно. Хотя никто не пил тогда, как сейчас.

— А какой год то это был? — спросила я.

— Два или три года перед войной, вот и сам подсчитай. Хрущев был тогда секретарем горкома, это позже мы уже с ним встречались, он уже руководил страной. Так вот, ездил он по городу, смотрел, как идет подготовка к Новому году, мобильный был человек, он всегда много ездил, не протирал штаны. Приводит его к нам показывать ледяные скульптуры директор парка. Хрущев в восторге, — Лев Ефимович устремил восхищенный взгляд на тридцатиметровую высоту, изображая Хрущева. «Кто, говорит, это делал?» А старший в бригаде студентов у нас был здоровый такой парень, Посяда фамилия. Плохо учился, но фигуры эти делал очень хорошо. Выходит вперед, стоит, мнётся: скромный был, помер уже. Хрущев спрашивает: «Сколько вам за это платят?». Мы: «По двадцать рублей». Хрущев директору парка, женщина была хорошая, как же ее фамилия… не помню. Хрущев ей: «Да вы понимаете, какая это красота и как она нужна городу и стране? Утроить! Молодцы!» И уехал. Нам тут же на блюдечке, — Лев Ефимович двумя ладошками изобразил блюдце, в него он смотрел тоже с восхищением, шестьдесят четыре года назад на нем ему принесли деньги за ледяных лошадок. — Нам тут же на блюдечке по четыреста рублей!

— Так вам же сказали утроят? — удивилась я несовпадению

цифр.

— Чего утроят? — не понял меня Лев Ефимович.

— В начале вам обещали по двадцать рублей. Так?

— Так.

— Хрущев сказал утроить. Так?

— Так, — опять согласился Лёва.

— А вам заплатили четыреста…, - с победоносным видом закончила я свои подсчёты.

— Так вот, я же и сказал, балда, утроили, — Лев Ефимович пошевелил пальцами, показывая мне воображаемые деньги.

Да, вести бухгалтерию шестидесятилетней давности было бессмысленно. Ох, Лев Ефимович… жил он совсем в другом измерении.

— Ну, и что дальше? — мне нравилось его слушать, старая Москва представала передо мной кадрами из довоенных фильмов, по-другому она и не могла предстать передо мной, моему папе тогда было лет шесть, а мама появится на свет только в сорок втором: Мне нравилась история человека, добившегося успеха, признания и известности. Она не свалилась ему на голову манной небесной, и не была завоевана только его талантом: Хитросплетения судьбы, все вместе легло козырной картой в его жизни. Его когда-то ставшая верной подругой Фортуна никуда не делась от Левы, она по-прежнему жила с ним в гражданском браке, уже постаревшая и потрепанная, она оставшимися силами оберегала его, дарила ему удачу, здоровье, неожиданных, непонятно откуда берущихся заказчиков на его скульптуры. Они были хорошей парой.

— Вот ты лучше бы фотографии мне сделал, прошу, прошу… никогда ничего не дождешься. Вот где Куроедов? — Лев Ефимович привел сняться главкома ВМФ, чтобы лепить его потом по фотографии. Мы с Катей, действительно, так и не сделали его пока.

— Завтра сделаю, — устало вздохнув, пообещала я.

— Завтра, завтра, вот я для вас всегда… — забурчал Лев Ефимович. — Вон Катька…

— Ну, папа, хватит.

Лев Ефимович с улыбкой посмотрел на Катю и неожиданно:

— Красивая ты женщина, Катька…

— Я не женщина, я девушка. Какая я тебе женщина? — обиделась Катя.

— Какая разница: Красивая, потому и прощаю тебе всё. Бухтиш ты всё, бухтиш, бу-бу-бу: Совсем ведь молодая ты, а как бабка какая-то. Ладно: А с Хрущевым мы встретились потом, когда он уже руководил страной. Он придумал поставить

памятник Марксу в том месте, где заложил камень Ленин в двадцатом году. Начали искать камень, все перерыли, нашли. Всё как надо… подпись Ленина: памятник Марксу: двадцатый год: Объявили конкурс, самые известные скульпторы участвовали:, - эту фразу Лев Ефимович произнес важно, — Томский, иностранцы: и поляки, и немцы:, многие участвовали. И я сделал. Сделал эскизный проект и послал на конкурс….

Так вот, отдыхаю я в Гурзуфе, иду… шагаю… два мужика на лавочке сидят, читают «Правду», а на первой странице фотография моего макета. Я к ним. «Не дадите», — говорю, — «на секунду, взглянуть на газету?» А они: «Вот возьмите две копейки, купите себе». Мудаки, — Лев Ефимович, возмущенный их хамством, неожиданно выругался. — Я бегом к себе в номер, а там мне все уже несут эту газету, поздравляют. Анникушин и как там его… все. Ну, тут банкет, все деньги сразу потратил. Ох, как меня поздравляли!

В Москву приехал, сразу в ЦК комсомола. Да, говорят, надо решать. Но никто ничего пока не знает. Приезжаю в мастерскую:, не сюда, а маленькая у меня была тогда на Песчанной.

— Это на Альендо? Где Вы нам показывали? Ну, она не такая уж маленькая.

— Да, да, там, — Лёва махнул рукой в совершенно неопределенном направлении. — Приезжаю, выпил:, надо было отметить, набрался наглости, звоню в горком партии в отдел культуры. Спрашивают, кто звонит. Я говорю, звонит скульптор, выигравший конкурс на памятник Марксу. Сейчас, говорят. Подходит другой мужчина, мы поговорили, оказался он секретарем горкома, его временно поставил тогда Хрущев, пригласил из Киева. А было полшестого уже, конец рабочего дня, а он оказывается жил там же на Песчаной. Сейчас я к Вам приеду, говорит, по пути ему было: И через час уже был у меня… Лицо рябое такое, — Лев Ефимович брезгливо поморщился. — Мы выпили, он меня поздравил, мужик хороший оказался, и сказал, что макет завтра с утра надо везти в ЦК показывать комиссии. И уехал. Прихожу с утра, меня уже ждет машина, и бегает какой-то болван и орет на меня матом: «Что ты опаздываешь? Срочно надо везти?..» Этот мудак орал на всех, суетился, бегал и зацепил Маркса: Он ба-бах! И голова отлетела, хорошо не вдребезги: мужик чуть не обосрался:

— Папа! Ну, ведь за столом сидим. Как из деревни ты…

— Тьфу, ты! Что за дочь у меня! Ничего ей неинтересно, — но Лев Ефимович уже сам увлекся воспоминаниями, сделал глоток чаю и продолжил. — В общем, заткнулся он и совсем притих. Привозим на Старую площадь, затаскивают скульптуру на пятый

этаж:, освободили мне столик:, ставим:, нашли мне клей:, приклеил я голову. Приходит Фурцева, членом ЦК она была, культурой занималась, и этот, как его, чёрт… все были, весь президиум или как его: Политбюро. А у меня друг, главный архитектор был — Посохин, Дворец съездов он делал, не было его. А был архитектор, которого Хрущев тоже перетащил с Украины, маленький такой, горбатенький, но симпатичнейший был человек. Он подходит и говорит: «Я в восторге от Вашей работы!». И Фурцевой тоже очень понравилось. Обсудили, ну, и все: «Никите Сергеевичу надо показывать». Сразу макет в машину, и все едем в Кремль прямо в кабинет к Хрущеву. Миша Посохин пришел, он там же был. Ждем. Приходит Хрущев и Микоян с ним, стоит рядом с Хрущевым, губами шевелит, он всегда губами шевелил, — и, конечно, артистичный Лев Ефимович минуты две шамкал губами, демонстрируя нам и Микояна. — Этот хохол-архитектор сразу Хрущеву: «Гениально, надо утверждать». И Хрущев подписывает нам все бумаги: прямо на коленке, коленку поднял, положил бумагу и подписал: «Утверждаю».

— А почему на коленке? — удивилась я. — Что, стола не было? Это же в его кабинете происходило?

— А у него в кабинете всё было заставлено, на столе снопы то ли пшеницы, то ли ещё чего-то: не помню уже. И весь кабинет тоже заставлен, как на выставке: Он тогда совсем свихнулся на сельском хозяйстве и своей кукурузе. Он к столу подошел, ногу на стул поставил и прямо на коленке подписал: Меня опять все поздравляют. Едем с хрущевским архитектором к председателю Моссовета. Нам повезло, в этот же день Совет был назначен. Председатель Моссовета увидел подпись Хрущева и, конечно, мне всё сразу в тот же день утвердили. Ну, потом Госстрой и всякие, всякие, всякие: Все должны были утвердить. Мне дали заброшенный кирпичный завод на Ленинском проспекте, нагнали туда людей разных:, студентов. Бедные, они в мороз всё мне там расчистили, сделали мне стеклянный верх для хорошего освещения, поворотный круг: ну, наверное, с две эти комнаты, и я начал работать.

Начали искать камень для монумента. Искали по всей стране, на Украине искали… Ну, нигде нет такого! Высота — девять метров! Где такой возьмёшь? Мне все уже — чудак ты, делай из нескольких. И Фурцева, красивая баба была, умная… тоже мне: «Да делай из двух или трех камней, не успеваем по срокам». А я ей говорю, если сделаем не из одного камня, то точно скажут — ваш Маркс лопнул или ваш Маркс треснул. Она на меня смотрит так хитро, и одним глазом мне подмигнула: «Ну, и умный же Вы, Лев Ефимович. Правильно, надо искать камень, делать из

одного».

Ездили мы по стране, ездили… и маленький был карьер такой — Кудашевский, и паренек там работал, одного глаза у него не было. Говорит, есть такой камень. Привозят нас в карьер, мы там выпили и завалились спать на сеновале. Утром просыпаемся, слышим — пых, пых, пых, пых… Выходим, едет парнишка этот на тракторе. Поехали смотреть. А там они уже наделали дыр по периметру в камне — шурфы называются: ну, нужного размера. А когда на морозе заливаешь туда воду, она замерзает и, хрясь, и камень лопается, где надо. В марте это было, холодно: Смотрим, готовый камень. Ну, тут танков нагнали, вначале четыре танка его тянуло, меня чуть не убило. Лопнул стальной трос и над головой у меня по березе ба-бах! Березу перешибло, как спичку, она соскочила, вначале встала стоймя и у-уф… и завалилась, — рука Льва Ефимовича под аккомпанемент «у-уф» медленно и тяжело упала на стол, пустая рюмка опрокинулась со звоном, но не разбилась. Так же эффектно, наверное, падала берёза. — Ох, перепугался я тогда, Смерть рядом прошла: Встал подальше. Поставили шесть танков, сдвинули камень. Потащили волоком к железной дороге, а туда уже пригнали знаменитую платформу, она сама 200 тонн весила, башни на ней перевозили.

— Какие башни? — поинтересовалась я.

— Ну, башни! Эти: Не знаешь что ли какие башни?… — и тут же забыв про башни, Лёва продолжил. — А вот физику изучал? Как такую махину, гранит девять метров, затащить на платформу?

— Ну, и как? — без надежды на свой инженерный гений сразу сдалась я.

— А-а-а! Это я придумал, затаскивали, как в Египте пирамиды строили, поднимают чуть домкратом, подсыпают песочек, еще поднимают, опять подсыпают: Так и загрузили. Микоян дал команду — нам зеленый свет до Москвы, а до Москвы надо было ещё все мосты укреплять. Пока мы ехали, перед нами укрепляли. Вес такой!

— А откуда везли?

— Я же говорил, Кудашевка, Днепропетровская область: Привезли в Москву, на Рижский вокзал, пока платформа с камнем стояла, рельсы в землю ушли! Перегрузили на другую платформу, автомобильную: на обычных колесах, и по всему пути все коммуникации проверяли и подготавливали, чтобы не раздавило их. А везли ночью. Подвозят к Лубянке, а там спуск. Что делать? Как ее удержать? Так тормозили ее и спереди, и сзади сразу несколько тягачей. Руководил временно поставленный Хрущевым

зам. председателя Моссовета Дегай — любимец Хрущева. Он пообещал водителям тягачей подарить свои золотые часы, которые ему подарил Сталин, они с надписью его были. Не наврал, сукин сын, подарил. Вот так камень и довезли. А когда поставили его и обнесли забором, проститутки начали ругаться, что мешают им работать, это их место было.

— Как ругаться? А тогда что, проститутки были? — этому историческому обстоятельству я удивилась больше, чем памятнику Маркса, башням с платформами, ледяным лошадям по двадцатке, рухнувшей на наш стол берёзе: Как в такое суровое время они могли работать в самом центре, да ещё выступать против Маркса? Удивительно! С мыслями о непокорных проститутках, очень неплохо смотрящимися с перманентиками по моде тех времен на фоне большого театра, я заснула.

— Конечно, у фонтана:, всегда их место там было. Гостиница рядом: — голос Льва Ефимовича неожиданно оборвался, утонув в потустороннем сознании моего сна, я не упала в салат, голова моя поклевала: поклевала: и некрасиво запрокинулась на спинку стула. Завершилось моё празднование Нового года за этим столом. Я заснула, и благородные хозяева и гости решили меня оставить в покое.

* * *

Новый год удался, я вкусно поела, и, не изматывая себя бестолковой застольной болтовней, благополучно заснула. Следующий день прошел еще лучше, — проспав до двенадцати, мы полдня доедали новогодние яства, а оставшиеся полдня, перебравшись к себе домой, мы опять ели и ели и, лежа на диване, смотрели новогодний телевизор. Целый час играли с Лизой в прятки, она пряталась тут же под одеялом, и мы, не вставая с кровати, с возгласами — «Ну, где же спряталась наша дочка?», не сразу находили ее. Она радостно визжала и, наконец, устав от своей же чрезмерной активности, заснула тут же в нашей постели. Всё как когда-то раньше в период нашей большой Любви. Моё тело блаженно томилось в чистой постели и: в непривычной уже для меня неагрессивной близости моей жены. От вкусной еды, от спокойно и лениво проведенного дня, от удачно выглянувшей из-под одеяла Машиной задницы, мне захотелось близости: страстной, грубой или нежной: любой — хоть умри, мне нужен был новогодний праздничный оргазм. Я украдкой разглядывала профиль Машиного лица, она лежала рядом и тоже смотрела телевизор. Ну, какое симпатичное лицо,

когда оно доброе! Меня опять удивило — почему её лицо с возрастом совсем не меняется? Тридцать лет: лицо точно должно было повзрослеть, — морщинки какие-нибудь или всякие кожные провисания и дряблости:, небольшие, еле заметные, но уже точно должны были быть хоть какие-то намёки на начинающееся взросление и всегда сопутствующее этому процессу увядание. Но нет, её личико по-прежнему выглядело точно также, как на той её фотографии, которую я сделала ещё при нашем знакомстве. Я опять с удовольствием подумала: «Если проживем всю жизнь, мне будет сорок, потом пятьдесят, а моя едко-кислотная жена так и не подпустит к себе ни одну морщину. Чуть-чуть, может, разжиреет, но это как-нибудь переживу, даже уютно будет укладывать свою голову на ее в жирных складках бока». Воодушевлённая этими мыслями моя рука непроизвольно и воровски потянулась изучить подробнее неувядающую молодость моей супруги на ощупь: потянулась и осторожно погладила ее: не помню, какую часть ее тела: погладила с вопросом:

— Ой, Заечкин, у меня же месячные. Они заканчиваются, но пока еще замазули! Я же тебе говорила, — с виноватой улыбкой ответила Маша на этот вопрос.

— А чего так? Почему на Новый год? Тоже праздновать пришли? — невесело засмеялась я.

— Они всегда не вовремя. А что это ты вдруг не засыпаешь? Вроде бы поели так хорошо:

— Причём тут «поели»? Оргазма мне не хватает для полного счастья. Так Новый год хорошо прошёл, я так выспалась, если ещё и секс произошёл бы: Ну, да ладно. Так много счастья сразу не бывает. Спи, — я сладко потянулась и зевнула, смирившись с неизбежностью и подлой неожиданностью женских физиологических процессов.

— Давай я тебе как-нибудь по-другому сделаю, — неожиданно подобрела ко мне моя снегурочка Маша, такие чудеса случаются только в Новый год.

— Да ладно: не надо, — испугалась я этого новогоднего чуда, — Ты, наверное, устала?

— Всё, давай:, - и она начала стаскивать с меня одеяло.

Ну, какой приятной может быть жена! Я лежала и даже не пыталась ничего представлять дополнительно, я не нуждалась в эротических фантазиях, до того мне было хорошо. И чёрт меня дернул открыть глаза и скользнуть взглядом по с широко открытым ртом моей благоверной супруге. Я хотела благодарно восхититься ее красотой, получить оргазм с мыслью о прекрасном лице моей спутницы жизни. Увидела я нахмуренный лоб и сосредоточенный на чём-то взгляд, моя жена думала в данный

момент совсем не о сексе. Нет-нет-нет, зря я посмотрела, надо скорее забыть это «чудесное видение». Я закрыла глаза и быстренько воспроизвела в сознании круглую Катину попу. Повертев ее и рассмотрев с разных сторон, я добавила к ней в компанию, увиденную в этот день на улице красивую негритянку. Но эта великолепная пара меня уже абсолютно не радовала, Маша с нахмуренным лбом загораживала все хорошие виды, я все равно продолжала мучиться мыслью, — о чем таком важном думает с такой маленькой головой моя жена, с такой маленькой головой обычно думать вообще никому не удаётся.

— Маша, что-то случилось? Ты о чём-то думаешь? — Маша вздрогнула, как будто застигнутая врасплох на месте преступления.

— Заечкин, ты чего глаза раскрыл?: Просто я вспомнила:, я в магазин ходила и опять забыла моркву купить. Придётся с утра идти покупать. А то, как я завтра суп с фрикадельками сделаю?

— Тьфу ты, черт! Надо же было спросить:, - огорчилась окончательно я, суп с фрикадельками в этот раз меня совсем не обрадовал.

— Всё-всё-всё, заечкин! Давай, закрывай глаза. Я тебе всё сейчас доделаю.

Как романтично, блядь! А как хорошо всё начиналось, оргазм был так близок. Я закрыла глаза, но даже всегда сговорчивая Катина задница не хотела мне помочь сосредоточиться. Живущий своей жизнью членик, неумолимо стал уменьшаться в размерах, весь от досады сморщился, ему стало невыносимо обидно от поражения в конкуренции с жалкой морковью. Почему он уменьшается, но никогда не исчезает? Потрахался парень, превращайся в пизду. Не порть мой внешний вид, не мешай мне жить.

— Всё, Маша, ладно: потом как-нибудь.

— Но Заечкин, не злись. Я разве виновата, что вспомнила о морковке.

— С членом во рту — это лучшая мысль. Я не злюсь, давай спать, — я поцеловала Машу — типа всё хорошо, и улетела смотреть свои сны.

* * *

До девятого января, дня рождения моей дочки, мы прожили мирной, без конфликтов, хорошей семейной жизнью. Мы отпраздновали шумной детской компанией этот день. На следующий день должен был приехать мой отец поздравить свою

внучку.

С утра я собиралась на работу, я уже приняла душ и сидела, ела привычно для меня подгоревшую молочную рисовую кашу. Заботливая Маша мне варила ее каждое утро, и каждое утро, брошенная на произвол газовой плиты, а Маша была знакома только с двумя режимами ее работы — ВЫКЛ. и ВКЛ. на полную мощность, середины не существовало: так вот, брошенная на произвол газовой плиты каша, в итоге, напоминала о себе удушливым запахом бушующего на кухне пожара. Сгоревшая каша давно перестала быть причиной наших конфликтов, привыкла я и к ней. Раньше я пыталась убедить свою любимую жену совсем ее мне не варить. Я говорила, что могу сварить ее сама, я все-таки жила когда-то одна, я даже варенье на зиму всегда делала — черную смородину, клубнику и малину, протертую с сахаром обязательно, я всегда готовлю с удовольствием. Только первые блюда я не люблю готовить, грибной и фасолевый супы, — это всё, что я могу приготовить хорошо из первых блюд. Робко, иногда не очень я пыталась объяснить, что каша не варится сама по себе, что, конечно, блюдо это очень простое, но появляется оно на свет не путем смешивания крупы с молоком, что требуется еще пара минут движений ложкой. «Маша, ну, не вари ты её. Я сама сварю кашу и себе, и Лизе, и тебе. Ребенок давится каждое утро, дети вообще кашу не любят, а такое воняющее крематорием блюдо вызывает только тошноту».

Ох!: Маша-Каша: — это только рифма, в жизни они совсем не дружили.

Я не спеша доедала свою утреннюю пайку, аккуратно выковыривая среди белых пупырышек-рисинок, оторванные от горелого дна черные ошмётки и с недоумением вычисляла возможные цели Машиных действий, — Маша с самого утра уже готовила ужин и собиралась жарить свинину в тесте. Зачем ее жарить с раннего утра для позднего праздничного ужина? Для того, чтобы она засохла и стала невкусной? Нет, это, конечно, мне в голову не приходило. Логичное мое предчувствие — моя жена опять хочет куда-то смыться. С какой целью она хочет это сделать, я уже не задавала себе такой вопрос.

— Маша, дедушка только в семь придет, ведь мясо будет невкусным, давай вечером поджарим, — Маша молча, стоя ко мне спиной терзала куски мяса: и не отвечала. — Маша, ты вечером никуда не собираешься?

— Нет, я никуда не собираюсь, — зло протявкала мне в ответ Маша.

Я смотрела на её затылок и сквозь него видела, как зло

сжимаются её губы, ноздри нервничают, напрягаясь, а её светлые голубые глаза выцветают от злобы, белки наливаются кровью, а зрачок вытягивается в дьявольски-козлиную щель. Тьфу, ты чёрт, какая гадость! На что она злится в данный момент, только ведь проснулись? Но этот вопрос я от греха подальше не стала ей задавать. Но всё равно надо было выяснять перспективы на вечер.

— А зачем ты мясо готовишь сейчас рано утром, если дедушка придет в семь вечера? Маша, он приедет специально поздравить Лизу, будет нехорошо, если ты уедешь.

— Сказала же, не уеду, — и глаза её сверкнули таким недобрым волчьим огнем, что я вздрогнула. Как хорошо, что она стоит ко мне спиной, а то глядишь, совсем запугает меня до крайней нервности. Вот зараза! Когда всё спокойно и хорошо, так сразу выкидывает номера. И опять вопрос — «Почему?» болезненными огнями сложился в моем мозгу. «Почему? Почему?:» — терзал этот нехитрый вопрос моё сознание. Хуй его знает: Не знаю: Уйди ты дурацкий вопрос. Нет у меня на тебя ответа. Пошёл на хуй! Чужая семейная жизнь — потёмки, собственная семейная жизнь — потёмки, вся моя жизнь — потёмки.

В семь приехал отец, я приехала часом раньше. Накрытый стол, заветренное остывшее поджаренное мясо:

— Ну, а где Лиза? Где Маша? Я вот подарок ей привез, — папа приоткрыл большой пакет и запустил туда руку.

Маши, конечно, не было. Я возвращалась домой: нет, не с предчувствием, я возвращалась с уверенностью, что никого дома нет: и чудо опять не произошло, и показавшееся утром черным, на самом деле оказалось абсолютно черным, — Маша, конечно, использовала такую прекрасную возможность сделать мне неприятность. За что? Мне казалось, что отношения наши становятся прежними. И причем тут мой отец, Лизин дедушка? Он так хотел ее увидеть и поздравить с Днем рождения.

Я вспомнила, когда мы познакомились, Маша жила тогда в общежитии, вспомнила, как она с ангельской внешностью невинной девочки матерой волчицей отстаивала свои полки со сковородками и всё остальное свое жизненное пространство. При мне она выбежала разбираться с жирной девкой, своей соседкой, из-за какой-то ерунды — куска мыла или клочка туалетной бумаги, не помню. Разбираться настолько серьезно, что напугалась не только ее соседка-толстуха, размером больше Маши в два раза, напугалась даже я. Таким обманчивым контрастом я тогда была сильно удивлена и ошарашена. Сейчас «жирной девкой» и соседкой по квартире для нее была я. Модель поведения по отношению ко мне трансформировалась в

абсолютно такую же, — она отвоевывала у меня жизненное пространство, если бы она была собакой, она обоссала бы все углы в квартире — МОЁ! Но я не хотела быть ее «соседкой по общежитию», я жила у себя дома, в съемной квартире, но дома. Не надо артобстрелов, не надо войны — жене я сама всё отдам. Почему так происходило — дурацкий вопрос до сих пор без ответа. Может быть, мне меньше стали платить? Может быть. Работы, действительно, становилось меньше, денег, соответственно, тоже. Последний период работы в академии я получала по шесть с половиной тысяч долларов в месяц и рассчитывала после переезда в другую, в более хорошую студию получать ещё больше. Но после переезда это финансовое чудо не произошло, произошло другое чудо, грянул кризис: Наша страна полна же чудес! Вот одно из них и вывалилось на голову нашего терпеливого народонаселения: Давно не раздавали ваучеров, или товаров по талонам, не развлекали Вас денежной реформой? Очень вовремя придумали развлечь народ кризисом, после чего стало хреново совсем, я стала получать меньше настолько, что мне даже стыдно об этом говорить.

Но и раньше у нас с Машей были непростые периоды. Когда-то еще в советские времена иногда летом совсем не было работы и денег. И мы, живя еще в коммунальной квартире, шли в заброшенный уже сто лет сад за Цветочным проездом, набирали абсолютно деградировавшие без ухода недозрелые яблоки и остатки спелой вишни, лазая по самым макушкам разросшихся диких уже деревьев, возвращались домой и варили чудесный, вкуснейший, не жалея сахара, компот. И были счастливы! Я целовала ее кривинькие от не там выросшего зуба милые для меня губы, я любовалась ее красивым лицом, я обладала ее телом: Мы были счастливы!

Счастье было отмерено нам, может быть, щедрой рукой, оно длилось долго, но имело всё-таки определенный размер, не экономили мы его разумно, а выпивали большими жадными глотками, и оно закончилось. Как когда-то само собой пришло решение жениться, точно также мгновением пришло решение развестись. У меня не было злости, не было желания проучить, внутри меня была пустота, мне стало всё безразлично, моя жена отдалилась и навсегда перешла в категорию чужих для меня женщин. Я как-то сама собой осознала и поняла, что не смогу больше дарить свое тепло этому человеку:, позаниматься сексом смогу, заботиться и что-то ей покупать тоже смогу, а просто сесть рядом и с теплотой обнять — не смогу больше никогда. А для меня это было важнее и секса, и видимости семьи, и благополучия, и подгоревшей утренней каши. Нечестно и подло

жить с женщиной, не давать ей любви и тепла, когда, возможно, она еще способна получить всё это от другого человека, способна быть любимой и счастливой: и кто-то ее обнимет и почувствует себя она, как раньше себя в моих руках.

— Пап, извини, ради Бога, Маша с Лизой уехали, куда — не знаю. Почему она уехала — тоже не знаю, — я решила не оттягивать объяснения, не говорить: «Сейчас с минуты на минуту они вернутся», не унижать себя при отце поисками и бесполезными звонками по знакомым и сказала всё, как есть. — Я буду с ней разводиться. У нас последний период был очень конфликтный, всё к этому шло: Извини, пап, так вышло. Если бы я знал, что ее не будет, я бы позвонил.

Отец хмыкнул, было видно, что ему неловко. Мы поели, тактичный отец деликатно больше не затрагивал тему наших отношений. Внешне всегда неэмоциональный, он не давал возможности понять себя. Обижается ли он на то, что его не встретила внучка, переживает ли он за меня, или просто переваривает пищу. Мы поговорили ни о чём, и он уехал. Уехал в 11 вечера — мы оба еще внутри надеялись, что Маша с Лизой вернутся. Но Маша решила не оставить нам такой возможности — встретиться дедушке с Лизой, вернулась она с ней домой около двенадцати. Я спокойно сказала, что развожусь с ней, она возмущалась: «Я же приготовила ужин, что тебе еще надо?» «Мне ничего от тебя не надо, я с тобой развожусь».

И мы развелись. Тушинский районный суд, длинный бледный коридор, бледные лица, на первый суд мне не хватило нервов, я не смогла дождаться своей очереди. Сложный вопрос дележки имущества решался за дверьми перед нами. По внешнему виду истца и ответчика было видно, делить им нечего, бедные люди, всю жизнь прожившие на зарплату, даже, может быть, какую-то часть своей совместной жизни в любви, теперь они с ненавистью друг к другу, делили потрепанные стулья и не делимый надвое драный диван. Ебаная жизнь! И идиоты люди! И я такая же идиотка не смогла сберечь самое дорогое — любовь, семью:.

Мы пришли в другой назначенный день: Грубая тетка-судья, но ни каких проволочек. Через пять минут мы уже выходили из «зала суда». Я, дура, еще на что-то надеялась, я думала, что факт самого развода происходит в ЗАГСе, что решение суда о разводе, лишь основание для ЗАГСа развести нас. Что поживем недельку-месяцок, и Маша опомнится, мы оба поймем, что с нами происходит, и заживем снова дружно и счастливо. Но на мой вопрос в канцелярии: «А если мы передумаем и не придём в ЗАГС поставить штамп о разводе, мы по-прежнему будем считаться мужем и женой?» Все канцелярские девушки со смехом ко мне

повернулись: «Проснитесь, вы уже разведены, поезд ушёл. Раньше надо было думать». Да, действительно, раньше: Мы вышли из суда: комок в горле, слезы катились, и я не хотела их показывать Маше и шла впереди. Почему всё так? Раньше я плакала над фильмами, где расстаются, где умирает любовь. Сейчас я шла по грязи и слякоти, по вечно раскопанной улице Долгова и плакала над своим сюжетом, над глупым и печальным концом нами же написанного сценария.

Глава вторая

Мы развелись, но жили вместе с Машей еще несколько месяцев. Я еще больше замкнулась в себе, с Машей была немногословна, но зато мы меньше ругались. Мы по-прежнему вместе проводили время, и нас всё также все приглашали к себе в гости вроде как семейной парой. Нас обоих это устраивало.

Я сидела на кухне и ела борщ, ела опять его на ужин. Я успела сегодня и чудесно пообедать, — с Катей мы заехали в Максиму-Пиццу на Соколе, и там я съела мой любимый «Цфезарь с креветками» и мою любимую пасту «Летучий голландец». И вернувшись в студию, я опять ела и ела целый день, снимая Марину Хлебникову для ее нового диска. На съемку мы всегда покупали много еды, всегда заказывали пиццу — одну «Маргариту» и одну «Четыре сыра» из на Усиевича. И сейчас уже перед сном, задрав голову на слишком высоко повешенный мною же телевизор, абсолютно неголодная, я всё равно ела на ужин ароматный приготовленный разведенной со мной женой борщ. Сама я борщ никогда не готовила и не умею готовить до сих пор. Я, наверное, чувствовала, скорую утрату такой, казалось бы, незатейливой возможности вкусно покушать борщечка и использовала каждую возможность насладиться этим простым атрибутом семейной жизни.

От всех моих последних бесконечных переживаний, а, может, я просто простудилась, у меня началось воспаление тройничного нерва. У меня это уже раз случалось, — болит голова, болит лицо, пьешь по несколько таблеток баралгина в день, а головная боль, найдя в мозгах уютное гнёздышко, никак не хочет из них вылезать.

То же самое было у меня и сейчас, я несколько дней уже ходила с головной болью, не находя себе места. Я приходила на работу, ложилась на дурацкий черный диван из ИКЕИ, и полдня потихоньку стонала, делая перерывы на съемки или на встречи с клиентами. Хлебникову снимала сегодня на «автопилоте», ничего не соображая, еле-еле дотянув до конца кажущейся бесконечной съемки. Что там получилось? А вечером я ложилась дома в постель, и продолжала стонать и ныть, а моя разведенная со мной жена, ухаживала за мной, приносила в постель чай и десятую таблетку болеутоляющего.

В прошлый мой подобный недуг мой поход к врачу чуть было не закончился веселой грузинской свадьбой. Телефон врача-невропатолога мне дала наша знакомая и, созвонившись и договорившись о приеме, а принимала врач на дому, я поехала в

подмосковный Реутов. У веселой здоровенной тетки, оказавшейся кандидатом медицинских наук, убегали на плите из огромной кастрюли кислые щи, и она со страшными криками убежала спасать свое первое блюдо, а я вторым номером с опаской и с неловкостью вошла в предложенную мне комнату для ожидания. О боже! В кресле в красивой позе сидела яркая красивая девушка с длинными темно-русыми волосами и нежной, бледной, почти белой кожей. Я успела рассмотреть, выглядывающую из красных брючек тонкую изящную щиколотку, любимых размеров округлые бедра под ними, полную грудь в глубоком разрезе её белой кофточки. Огромные выразительные глаза смотрели спокойным взглядом на больного головой нового пациента. Мы поздоровались, и жутко стесняясь друг друга, уткнувшись в телевизор, почти не разговаривали, но за это пятиминутное немногословие мы всё-таки успели познакомиться, и я, набравшись наглости, с колотящимся от волнения сердцем, пригласила девушку в кино. Тут меня уволокли в соседнюю комнату — «медицинский кабинет», и, убрав с кровати огромные стопки, приготовленного для глажки белья, меня зачем-то раздели, осмотрели и начали безжалостно мять мою спину, потом потыкали электродами мою несчастную голову, типа иглоукалывание: На этом сеанс моего исцеления не закончился. В программу дальнейшего моего лечения частный медицинский сектор любезно включил: наконец-то, доварившиеся кислые щи, продолжение знакомства с прекрасной грузинской девушкой Медико и приготовленную ею же вкуснейшую лазанию. Разве захочется потом пойти после такого лечения в районную поликлинику?

Медико, действительно, оказалась замечательной девушкой, и у меня, действительно, были мысли — «А не жениться ли мне на ней?» Согласилась бы она на это, я не знаю. Но она вскоре уехала в свой Кобулетти и вернулась через восемь месяцев, она собиралась поступать в московский институт. Мы встретились, и я не узнала улыбающуюся мне солидную тетю, идущую мне навстречу. Милая, уже восемнадцатилетняя Медико, обрезала свои чудесные длинные волосы, сделала себе «шикарную» пережжённую «химию» и очень пышненько поправилась на одиннадцать килограмм. Свой новый образ она дополнила костюмчиком с рюшами, с люрексом и с невероятных размеров бантом на плече. Конечно, я прошла мимо и шарахнулась от нее с мыслью: «Что за дура-тетка идет мне навстречу и нагло так улыбается?»

— Борис, куда ты? Ты меня не узнал? — услышала я знакомый голос с милым грузинским акцентом. Ещё раз

взглянула на тётю, но всё равно её не узнала.

— Здравствуйте, узнал: узнал: — беспомощно улыбалась я в ответ незнакомой тёте, я перебирала всех возможных носителей таких внешних признаков, все возможные кандидатуры были исключительно из маминых знакомых.

— Боря, как тебе не стыдно? Забыл меня? Я — Медико.

Я чуть не провалилась от стыда, бежать окрыленная на встречу с любимой девушкой и пробежать мимо, не узнав ее. Мы поболтали: В следующий раз мы встретились через десять лет. Симпатичная, опять с длинными волосами, но вся седая, неожиданно крупная, и неожиданно взрослая: За десять лет она закончит не только институт, но и аспирантуру, выйдет замуж за грузина и переедет из Кобулетти в Батуми. Всё у неё было хорошо.

В этот раз, по-русски понадеявшись на авось, само всё пройдёт, я также промучилась от головной боли несколько дней, и, убедившись, что без лечения она никуда не денется, добитая вконец этим изнуряющим недугом, предварительно созвонившись, поехала к врачу. Телефон «хорошего», так его мне отрекомендовали, частного врача-невропатолога мне дал один очень известный певец, не пишу его имени, не буду его компроментировать таким «милым» его знакомым врачом.

Доктор, не помню, как его зовут, долго объяснял, как найти его дом и потом великодушно согласился меня встретить на улице. И встретил: Молодой мужик, удивительно похожий на доктора Грина из сериала «Скорая помощь», может быть, только покрепче и ниже ростом поздоровался и сразу перешел на «ты». Его обходительность и внимание мне сразу стала понятной, — доктор был «голубым» и, конечно, меня он принял с моей дурацкой женственной внешностью за своего. Вот зараза, мне так хотелось просто попасть к врачу и просто избавиться от головной боли. Мы пришли к нему домой, трехкомнатная приятная квартира, я прошла в комнату, никаких грузинских девушек, как в прошлое мое лечение не сидело в красивых позах, в некрасивых тоже. Зато мускулистый загорелый парень на огромном плакате закрывал собой полстены и ревниво смотрел с него наглым сожителем доктора Грина.

— Чай? Кофе? — спросил меня доктор.

— Ну, давайте чай? — скромно согласилась я.

— Может быть, пообедаем? У меня тушеная индейка.

Мне становилось забавно, докторишка взялся за мое лечение всерьез. Вообще, я редко нравилась голубым, им нравятся обычно накачанные мужественные парни все в мышцах, я была не такой. Я могу пересчитать по пальцам одной руки количество «голубых»,

проявивших ко мне внимание в моей жизни. Я не обманывала себя и не думала самонадеянно, что могу понравиться уже как женщина, интересовала я доктора оставшимися, к моему сожалению, в большом достатке мужскими своими качествами. Но я была, как всегда голодна и согласилась на его индейку. Как он обрадовался! Он засуетился, поставил перед диваном маленький старинный ламбертный столик, красиво его сервировал, вкусно запахло едой, и он принес, украшенные, как в ресторане тарелки с обещанной птицей. Этого ему показалось мало для того, чтобы меня соблазнить. Он многозначительно взглянул на меня, а таких взглядов будет еще много в течение моего приема, достал из бара бутылку шампанского «Мартини» и, открыв ее, разлил в большие элегантные бокалы.

— Я очень рад, что познакомился с тобой, давай выпьем за это, — вылитый доктор Грин пристально и со значением смотрел на меня, смотрел уже с очень близкого расстояния, сидел он совсем рядом со мной на диване.

— Да, давайте: Я тоже рад. А Вы как меня будете лечить? Вы рефлексотерапию назначаете при воспалении тройничного нерва или Финлепсин мне выпишите? — доктор Грин непонимающе посмотрел на меня, он уже, конечно, забыл о цели моего посещения.

— А?: А, да. И то, и другое. Вначале я должен осмотреть тебя, а потом назначу лечение, — последнюю фразу он произнес нараспев. «Тьфу ты, вляпалась!»

— А у меня кроме головы ничего не болит, чего на меня смотреть? У меня уже было всё то же самое. Говорят, при воспалении тройничного нерва хорошо иглоукалывание или электропунктура, мне в прошлый раз так делали.

— Ладно, о болезнях потом, не переживай ты так, я тебя ото всего вылечу. Узнаешь ещё, какой я доктор! А теперь давай выпьем за наше знакомство, — мы чокнулись нашими бокалами, он опять многозначительно, чуть сощурившись, смотрел на меня — ну, прямо бразильский сериал какой-то, отрепетировал подлец, наверное, перед зеркалом. Я не зная, что делать, неловко поерзала под его взглядом, но щурься, не щурься, аппетит мне этим не испортишь. Я пододвинула тарелку и, стараясь по своему обыкновению не чавкать, что было моей отвратительной привычкой, стала с удовольствием есть поданное мне блюдо его «голубого» приготовления —:вкусно! Я увлеклась едой, а доктор Грин мне все рассказывал о чем-то и рассказывал: Мы закончили есть, а он все говорил и говорил: Мы пили чай с вареньем, и я его слушала и слушала… Я уже вошла в роль, что за мной ухаживают, я объелась, расслабилась и от шампанского глупо хихикала. Он

поставил какой-то диск с музыкой, многозначительно назвав сложное имя исполнителя. «Знаешь?» — с уверенностью, что я знаю, спросил меня он. Неторопливое нытье с диска издавал, конечно, исполнитель-гей. «Нет, первый раз слышу», — простодушно ответила я. Он достал альбомы со своими фотографиями, и мы их посмотрели. На фотках, конечно, только парни, смотрелись его друзья весело, было видно, что время они проводить умеют. Походы, поездки, разные города, веселые лица — социализированные, адаптированные благополучные геи.

— А ты видел новый номер журнала:, - и произнёс название, уже его не помню. Я, конечно, не видела ни нового номера, ни старого, я вообще не знала такого журнала, но понимала, что и журнал этот, наверняка, тоже для геев.

— Вот возьми, посмотри, вчера купил. Классные ребята:, такие съемки! Тебе как фотографу должно быть интересно, — он осторожно вставил мне в руки этот журнал. И опять внимательный взгляд, ожидающий моего восхищения от просмотра этих пидеристических картинок. На некоторых страницах предполагалось, что я буду вскрикивать от восторга, но я небрежно перелистала журнальчик и положила его на диван между нами.

— Ну, как, понравилось?

— Да. Ничего, — осторожно ответила я. Он достал еще пачку подобных журналов, сел поближе и стал сам их показывать, рассчитывая помочь, мне дремучей, понять гомосексуальную эротику: «Вот, посмотри, какой красивый парень!», «Ты видишь, какое красивое тело?». Мускулистые мужики бесстыдно обнимались на глянцевых картинках, хватая друг друга за члены и за мускулистые ягодицы: Пидоры — кого им еще обнимать, как не друг друга. Тьфу, гадость! Я не хотела обижать лысого доктора, но смотреть на все эти анально-оральные, воняющие членами потные сцены, почти все хреново снятые такими же фотографами-пидорами, мне надоело. Я решительно отложила толстую стопку недосмотренных журналов: «Я не люблю журналы, никогда не покупаю: картинки, картинки:, все одно и то же. А Вы будете мне делать электропунктуру, или Вы что-то говорили про иголки? Сами говорили, что Вы — такой специалист!»

— А я уже показал тебе каталог садомазохистских аксессуаров? — вопросом на вопрос ответил мне доктор Грин.

— Нет, — жалобно простонала я, мне уже захотелось или лечиться, или идти домой, мне надоел озабоченный доктор. Но он уже достал еще один толстый журнал.

— Вот, друг подарил, посмотри, — садомазохистские

принадлежности мне было смотреть интересней. Я была ко всему прочему ещё и мазохисткой, мне нравились всякие ошейники, кожаные наручники, соответствующе одетые девушки в латекс. Я любила секс с насилием, я любила ощущение власти и превосходства надо мной, и всякие другие мелочи, типа когда меня связывают и прочее, прочее: Но действия эти я любила получать от женщин, к тому же любимых, мужчины меня не возбуждали и в этой области.

— Нравится?

— Нравится, — искренне сказала я. Мне действительно нравились всякие кожаные штучки в каталоге, некоторые такие же или похожие были мной давно уже куплены. — Вообще, у меня есть мазохисткие наклонности, мне нравится такой секс, — честно призналась я доктору. — У меня была когда-то девушка, — от слова «девушка» доктор поморщился, — мы с ней долго жили, она была типа главной в наших отношениях, — чтобы не огорчать доктора, я не сказала, что таких девушек у меня было даже две. С одной красивой наполовину буряткой, я прожила полгода, с другой девушкой с именем Ира — почти три. Иру я любила.

— Очень хорошо, — доктор Грин вздохнул с облегчением, даже упоминание о девушке не поколебало его уверенности в том, что я гей. И такая удача, его «голубой-преголубой» пациент еще и мазохист. Во, блядь, повезло! Какое уж тут лечение! Это тебе не иголками тыкать в голову, тыкать он засобирался в меня совсем другое.

Добрый доктор достал большой пакет с надписью «ИКЕА», и вытряхнул его содержимое передо мной на диван. Ба! Неужели в ИКЕЕ стали продавать такие забавные вещи. Кожаной горкой предо мной легли хлысты, плетки, ошейники, кожаные маски, последними вывалились из пакета обыкновенные ментовские наручники.

— Только в наручниках замочек сломался, поэтому их лучше не надевать, я боюсь не смогу их снять потом с тебя, — извиняющийся голос доктора привел меня в чувство. Я поняла, что слишком долго хихикала, что вела себя явно обнадеживающе на секс, что доктор теперь имеет не только планы меня выебать, но и некоторые основания. Я сидела уже напряженная, пошло такое лечение на хуй, я думала только о том, как мне смотаться, да так, чтобы это не выглядело глупо. А доктор безобидно сидел рядом и очень нудно рассказывал, что он любит в сексе: — что он садист, что любит насилие над своим партнером, что без этого он не может и что вреда он никому не причиняет и т. д… «Мудак, ты должен меня лечить», — я посмотрела еще раз на бубнящего, ссутулившегося лысого доктора и только успела подумать: «Ну,

что за тюфяк, тоже мне садист, только пиздит часами». На этих моих мыслях подлый докторишка закончил свой познавательный монолог, схватил меня за волосы и мощным рывком поставил меня на колени перед собой и голосом страшного «бармалея» прохрипел мне в лицо: «Я сейчас сделаю из тебя гаремного мальчика». Не угадал, лысый, я хочу быть девочкой, фраза про мальчика была для меня, как ушат холодной воды. Вообще, у меня уже были мысли — «ну, вот, я чувствую себя женщиной, собралась менять пол, и вот, как раз тебе нормальный мужик, даже вроде очень доминирующий. Насилие тебя же так всегда возбуждает!? Попробуй еще разок, вдруг получится и понравится». Но этот доминирующий мужчина хотел, блядь, мальчика. Меня это не устраивало.

— Сергей, подождите, — по-моему, его звали всё-таки так, — подождите, давайте поговорим, — он по-прежнему крепко держал меня за волосы, — давайте поговорим. Я сейчас ничего не хочу, давайте я к Вам специально потом приеду: На следующей неделе, к примеру:

— Рот закрой! Будешь делать, что я скажу, — пиздец, доктор вошел в роль, причем он больше старался даже не для себя, а для меня, он думал, что я просто ломаюсь, типа я «целка», и хотел сделать мне приятное — быть со мной построже.

— Я Вам обещаю приехать потом. Сергей, мне больно, отпустите меня, — ну, какая глупейшая ситуация! Я чувствовала себя идиоткой. А доктор тем временем уже ловко расстегивал джинсы и доставал на свет Божий свою уродливую «гениталию». Я не хотела его обижать и лезть в драку, бить его в нос и ломать переносицу, я сама чувствовала свою вину за происходящее. Я не отрезала сразу — «Мне это противно» и теперь платила за свою глупость и легкомыслие. Я еще раз попыталась сказать ледяным голосом: «Сергей, я хочу уйти, я не собираюсь заниматься сексом. Мне неприятно».

— Кто тебя здесь спрашивает? Говорить будешь, когда разрешу. Будешь послушным мальчиком, дам тебе конфетку. А пока тебя надо учить, — и этот мудак отвесил мне пощечину. Мне не было страшно, но я ощущала тогда такое чудовищное чувство неловкости! Сейчас я это вспоминаю со смехом. Решить наши разногласия по-доброму и сделать нашему доктору скромный минет мне было всё-таки слишком в падлу, и мы долго с ним боролись и мутузили друг друга.

Вначале мы перевернули старинный ламбертный столик, мраморная столешница, слава Богу, не разбилась. Компенсируя такую прочность старых времен, с грохотом и звоном разбилась, зато, вся посуда, стоящая на столе. Я ничего не соображая, тяжело

дыша, бездумно повторяла одну и ту же фразу: «Сергей, давайте поговорим, я Вам всё объясню. Сергей, давайте поговорим:». Сергей иногда останавливался, чтобы меня выслушать, но одно и то же — «Я к Вам приеду потом» его не устраивало, его вставший от насилия хуй, требовал продолжения насилия и моих ответных действий для достижения его, хуева, оргазма. И он, придурок, по-прежнему считал, что вся эта борьба и мои отказы только для моего мазохистского удовольствия, предварительные сексуальные игры, так сказать, куда же без них.

Добрый доктор Серега упал спиной на диван, держа меня и увлекая за собой, я упала на него сверху, и, вырываясь, только смогла сползти на колени на пол, но только этими усилиями поставила себя в удобную для него позу.

— Молодец, детка! Давно пора! — похвалил меня он. — Поломался для приличия, бери теперь в рот, — он опять ловко схватил меня за волосы и начал тянуть их в нужном направлении. Его член маячил уже очень ясной перспективой оказаться у меня во рту, и маячил он уже перед самым моим носом. «Блядь, как он, оказывается, мерзко воняет!». Не боясь обидеть своего «нового друга», я непроизвольно брезгливо поморщилась. Находчивый врач, не отпуская меня одной рукой, потянулся к прикроватной тумбочке, на ней стояла не уместившаяся на столе и потому оказавшаяся целой, хрустальная плошка с медом. Он щедро ковырнул пальцем мед и вымазал им свой немножко кривой, смотрящий куда-то в сторону член.

— Чай с медом любишь? Попробуй теперь мой медовый пряник, — приторный запах мёда, перемешанный с очень хуевым запахом хуя, вызвал у меня обильное слюноотделение, я почувствовала, что меня сейчас вырвет, первый позыв сдавил горло.

— Меня сейчас вырвет, — прохрипела я. Еще позыв, мое тело дернулось, я повернула лицо в сторону, чтобы не выблевать вкусную индейку на «медовый пряник», но только большая порция предрвотной слюны заполнила рот, и я, не стесняясь доктора, сплюнула её на пол. Хуёк у Сереги под медом сразу уменьшился от такого конфуза, почувствовал первым, что сделал что-то не так. Поверил мне и его хозяин, он нервно схватил салфетку и стыдливо стал стирать мёд со своего члена. Салфетка прилипала, тут же рвалась и оставалась на члене бумажными струпьями.

— Извини меня. У тебя что, на мёд аллергия?

«У меня на хуи аллергия, — устало подумала я. — Мудак ты, а не врач-невропатолог», — мёдом он меня окончательно разозлил.

— Я не подумал об этом, извини. Действительно, глупо — мёд: Зачем я его намазал? Извини, ради Бога, я ничего не соображал, не знаю что на меня нашло, — бормотал он.

Пока я увлеклась борьбой с тошнотой, я упустила момент всё прекратить. Неутомимый доктор уже сидел со мной на полу и липкими руками пытался гладить под моей маечкой моё тело, руки не скользили и прилипали, как на клею. Ну, что за мудень!

— Сергей, отъебись ты от меня. Всё, я ухожу, — решительным голосом сказала я и попыталась встать.

— Прости меня, не уходи, — он, удерживая меня, истерично хватал меня руками. — Ты сам не представляешь, как я сделаю тебе хорошо.

— Сергей, пошел на хуй, блядь. Заебал! Понимаешь такое слово — за-е-бал!? — слово «заебал» я, широко раскрывая рот, произнесла ему прямо в лицо по буквам. — Я женщин люблю, мужики мне противны. Отъебись. Услышал? О-о-тъе- бись! — повторила я.

— Ты просто злишься. Вот увидишь, ты простишь меня, — не верил моим убедительным фразам доктор, он крепко держал меня, я вырывалась. — У тебя такая нежная кожа, извини, но я уже не могу тебя не выебать. Я себе этого не прощу, — и опять борьба, на этот раз молча, как на ринге. Я не справилась с ним, он повалил меня на спину и замер, он озабоченно смотрел куда-то выше и левее моих глаз. Я осторожно потрогала рукой это место, пальцы были в крови. Пока я пыталась вырваться, я, видимо, сильно поранила голову о разбитую посуду, скорее всего об осколки массивной пепельницы, разбитой нами, и даже этого не заметила. Вид крови, слава Богу, врач был не хирургом, сразу успокоил его. Он с тяжелым вздохом встал, принес перекись и оказал мне медицинскую помощь — врач всё-таки.

Потные, запыхавшиеся, с трясущимися от долгой борьбы руками, без всякого столика и красивых сервировок, мы молча выпили чай. На мёд я смотреть не могла, и мне его уже не предлагали. Доктор Грин любезно меня проводил.

— Мне показалось, тебе было как-то фиолетово, — обиженно сказал он мне на прощание. Я не хотела его обижать:

— Сергей, извините, но я не могу: вот так: в первый раз, в первый день знакомства. Я вроде лечиться приехал, всё было слишком неожиданно, — ласковым, извиняющимся голосом я решила не обижать своего доктора и не становиться причиной его комплексов неполноценности.

— Ну, приезжай еще. Хочешь, приезжай завтра, — доктор заискивающе заглянул мне в глаза. Тьфу ты, какая зараза неугомонная, я сразу пожалела, что произнесла прошлую фразу

так по-доброму и уже сухо отрезала:

— Завтра не смогу, приеду в другой раз. Я позвоню, — и мы простились.

* * *

Я вернулась домой, у нас были гости, приехала наша подружка Аня Федорова. В дверь я вошла с улыбкой — рот до ушей.

— Заечкин, неужели тебя так быстро вылечили? Ты чего улыбаешься? — Маша с Аней вышли мне навстречу в прихожую.

— Меня невропатолог пытался изнасиловать, — и я наклонила, как забавный трофей, привезенный с боев, свою разбитую голову.

— О-о-о! — с уважением к происшедшему заголосили все.

— Заечкин, надо в милицию сообщить и в суд подать, пусть его посадят, — ябедным голосом предложила Маша.

— Ой, Маша! Не понимаешь ты жизни. Нечего будет вспоминать, если ничего не будет происходить. Я жив-здоров и мне весело. Кстати, голова перестала болеть. Надо же! — удивилась я. Может, у него метода такая лечить, голова действительно не болела, вылечил меня «голубой» доктор Грин.

Я его приглашу через месяц на свою выставку, и он, культурный террорист-невропатолог, придет поглазеть на мои картины. Мне почему-то хотелось похвастаться перед ним, какой я супер-дупер-фотограф, повыделываться так сказать: А чтобы он мне не разбил голову среди моих же экспозиций, я не приехала в момент его посещения. Мы не увидимся на выставке, и не увидимся никогда. Он позвонил мне со своими восхищениями позже, я их выслушала. Он долго, и нудно говорил об искусстве, это я тоже выслушала терпеливо, удивляясь схожести произносимого им монолога с тогдашним его рассказом о его доминирующем положении в сексе. Предложил заезжать в гости, я сказала — «обязательно».

Мы сидели с Машей и Анькой всё на той же нашей кухне и весело болтали. Я с удовольствием ела борщ, мне достались его остатки с самого донышка кастрюли. Я набрала телефон Кости Рынкова, узнать про выставку гильдии рекламных фотографов.

— Привет, Костик! — поприветствовала я коллегу.

— Здорово, Борян! Как дела?

— Нормально, снимаем потихоньку. А я звоню узнать про выставку, когда она будет?

— Гильдии? Да пошли они на хуй вместе со своим

Желудевым, — если бы мы стояли на улице, Костик бы обязательно сейчас смачно сплюнул. — Заебала гильдия. Ты был на последней выставке на Гоголевском — «Эротика:» и что-то там еще? Видел какая там хуйня висит?

— Ну, с Катей были, у нас даже две картинки там висели. Твои, по-моему, тоже, — ответила я и тоже попыталась вспомнить название этой выставки: «Эротика и порнография» — нет, такого названия не могло быть: эротика: эротика: Как же она называлась? От «Эротики в Москве» и «Эротики в России» в голову пришел совсем немыслимый вариант — «Эротика в Тушино». Почему в Тушино? Я там прописана. «Эротика в фотографии», «Эротика в рекламе»: Не помню: а ведь неделю назад мы в ней участвовали.

— Да, ваши видел — классные! Молодцы! — сомневаюсь, что искренне, похвалил нас Костик. — Но остальное — полная хуйня, Желудев — педофил со своими девочками-малолетками: А эта пьяная бородатая рожа: как же его фамилия, блядь: Не помню. Повесил, видел что? Причём тут эротика?

— Ну, да, наверное:, - осторожно поддержала я его возмущение. Про пьяную бородатую рожу было сказано справедливо и про выставку в целом тоже. — А мы недавно вышли из гильдии, — продолжила я, — мне теперь наплевать на это, — открестилась я от гильдии, быть её членом, действительно, стало уж слишком позорно, и членом я быть не хотела ни гильдии, и никаким другим членом тоже. Над нашим членством в ней даже стали подсмеиваться некоторые рекламные агентства: «Ну, зачем вам это надо», — резонно спрашивали они, зная других ее участников.

— А ты видел последнюю рекламу Боско ди Чильеджи — Королев снимал? — неожиданно спросил Костик.

— Не помню уже: Видел, наверное: — я, конечно, сразу вспомнила седого бородатого мужчину с молодой, но взрослой уже женщиной и ребенком на серии картинок с этой рекламой: они все втроём сидят безучастно; так же безучастно прыгают; потом прыгает один седой: Хорошие снимки! Я задумалась, но кроме этих картинок других больше не вспомнила.

— Я тут провел исследование, проанализировал: и пришел к выводу, это снимал не Королев. Он вообще ничего не снимает, — разоблачительным голосом прокурора сообщил Рынков эту новость.

— И кто же это снимает? — усмехнулась я, мне стало брезгливо-жалко Рынкова. Хороший фотограф:, очень хороший фотограф: Но нереализованные амбиции быть первым не давали ему покоя, Королев костью сидел у него в горле. Доморощенный

российский рекламный рынок не давал много солнечных мест для фотографов, а козырное место первого оно везде одно, на то оно и первое. И Миша Королев накрепко прибил себя к нему гвоздями: А некоторые были совсем рядом, очень рядом, достойные, профессиональные, опытные, со студиями и дорогой аппаратурой, с теми же и творческими, и теми же техническими возможностями, но не первые. Не делится Удача на равные части, по законам природы кому-то всегда достается её больший кусок.

— Снимает его ассистент, парнишка такой у него работает. Я уверен в этом, — продолжал изобличать Королёва его добрый коллега.

— Костик, ну что ты чушь несёшь, — перебила я его. Знала я этого парнишку, но описываемая Костей ситуация была полнейшим бредом, рожденным в его завистливом мозгу. — Этот парнишка работал у Королева не всегда, и, если бы, как ты говоришь, снимал этот парнишка, он давно работал бы сам на себя. На хуй ему работать на кого-то? Чушь! — еще раз подтвердила свои слова я.

— Я тебе говорю! Я точно знаю это, — Костик совсем разгорячился, и понёс какую-то хуйню в виде других безумных доказательств бездарности Королева.

Я вспомнила, как все вместе к нам в студию приезжали и Рынков, и Королев, и другие. И сидя у нас за столом, все друг другу улыбались — все распиздатые друзья, а в душе, завидуя и ненавидя друг друга. Что за люди! Что за народ!

Я не слушала уже Костика, терпеливо ожидала окончания нашего разговора и с улыбкой наблюдала за Анькой: как она, положив себе на колени большой картонный стакан Баскин Роббинс, хрюкала и смешно шевеля лицом, ела шоколадное мороженое. Вся перепачкавшись, ела, как будто не ложкой, а как неуклюжая свинка из корыта, вокруг рта всё шоколадно, нос тоже в мороженном. Наблюдала я за ней с научным интересом, как исследователь-антрополог. Некоторые происходят, может быть, от обезьян или инопланетян; некоторые гордятся, что сконструированы из чьих-то ребер, — это те, кому гордиться больше нечем; кто-то уверен, что не выструган папой Карло из дерева, последних деревянных особенно много: А наша милая Анечка имела происхождение от свиньи — теплой и розовой, простодушной и доброй, от хорошенькой молодой свинки, в этой родственной связи не было ничего плохого и стыдного. Мы были с ней знакомы бесконечное время, и я когда-то очень давно, развлекаясь с милой Анькой и её главной достопримечательностью — грудью шестого размера, нашла верные доказательства её свинячьего родства, я нашла еще другие

её грудки, конечно, не шестого размера, но два рядочка бледных и незаметных на первый взгляд сосочков-атавизмов тянулись по животу от ее огромных сисек куда-то вниз. Смотрелось это не противно, даже очень мило. Я сразу со смехом поставила ее на четвереньки посмотреть, усилиться ли сходство с ее предполагаемым предком. Попросила ее похрюкать, но похожая в одежде на крестьянскую девку полногрудая Анька, голая и в такой позе была похожа на шикарную порнозвезду. Огромная и тяжелая, упругая и тугая, обманув все законы физики, не обвисшая грудь выглядела на худеньких ее плечиках настоящим чудом природы. С модельным ростом 176, с длинными гладкими ножками, с тоненькой талией, с нежной кожей без единого волоска на теле, не от волосатых же кабанов она произошла, а от благородной свинки, она вышла замуж за начальника отдела какого-то банка. Я ей искренне желала за президента или управляющего, ей достался начальник отдела. Начальник отдела почему-то во все времена года по неведомым никому веяниям моды делал у себя на голове живинький перманентик и был похож, поэтому на ебнутого одуванчика. Но зато был безобидным верным и обеспеченным мужем.

— А вот этот его снимок, помнишь? — Костик продолжал докладывать о результатах своего расследования. Я даже не ожидала, что один человек может быть так во всем виноват.

— Костик, я так пристально не слежу за творчеством своих коллег. Я и журналов то никаких не покупаю, — про журналы я уже говорила сегодня кому-то.

— Этот снимок — это же плагиат с Ньютона*! — начиналась новая бесконечная тема.

— Хуй с ним с Ньютоном: и с Королевым тоже. Костик, твои картинки самые лучшие, Ньютон с Королёвым отдыхают, — постаралась польстить и успокоить я Рынкова.

— Да, ладно, Борян, — засмущался Костик, поверив в мой комплимент.

— Ладно, Костик, пока: прощаюсь: пойду ребенком заниматься, — и с нехорошим чувством я положила трубку.

* * *

После Нового года почти весь январь тянулся кажущимся бесконечным «мертвым сезоном»: не в смысле обилия вокруг вас покойников, а в смысле отсутствия у нас заказчиков. До пятнадцатого можно было даже не дергаться, и не выглядывать нетерпеливо в окошко и не брать с надеждой телефонную трубку,

никто не позвонит и не осчастливит Вас высокооплачиваемой работой, из года в год эти две недели активно используемы всеми для отдыха или пассивно для ничегонеделанья. С середины января, наконец, что-то всё-таки начинало неожиданно выскакивать, в виде опоздавших снять до Нового года какую-нибудь глупую рекламу клиентов.

Вот и сегодня мы снимали не для ахти какого журнала «Здоровье» их взывающую к здоровому образу жизни обложку. Январский номер уважаемая редакция вышеупомянутого журнала заказала снять аж нескольким фотографам ещё в ноябре, чтобы потом выбрать из них одного лучшего на целый год, типа организовали тендер*. Помню в их числе товарища Преображенского, это такой фотограф-задохлик в обязательной кожаной жилетке и озабоченным собственной важностью лицом. Запомнила я его по причине необыкновенной звучности его фамилии, и, кроме того, знала я его уже по рассказу одной своей знакомой визажистки Оксаны Дробышевой, очень красивой девушки с чуть азиатской внешностью. Она поработала вместе с Преображенским на какой-то съёмке, и он через неделю после неё осчастливил Оксану приглашением в ресторан. «А чего не пойти?» — логично оценила эту ситуацию она, рассказывая эту историю мне. — «Фотограф, вроде как мой заказчик, схожу, думаю, вдруг будет приглашать на хорошие съёмки».

Они долго сидели за столиком и что-то нудно и напряжённо ели. Товарищ Преображенский смелости набрался пригласить шикарную барышню в ресторан, а на всё остальное духу у него не хватило, и заволновался парень, не зная, что делать дальше с не по зубам красивой для него девушкой. И разозлился он на себя за это: Ещё больше он разозлился на красивую Оксану, неторопливо ковырявшую в своей тарелке костлявую форель: и на эту форель разозлился тоже, он за неё заплатил, чтобы показать какой он кавалер «с возможностями», чтобы Оксана ела и благодарно смотрела на него с восхищением: Оксана ела, некрасиво лежащую на развёрнутой фольге со сморщенными запеченными овощами эту рыбину и на Преображенского почти не смотрела, и в редких её взглядах не было ожидаемого им восхищения, только вежливость, а в её словах желания, только смущённая растерянность. И злится товарищ Преображенский дальше: Привычно разозлился он на скромное своё материальное положение: и на свою чрезвычайную и некрасивую заморенность, и на сковавшую, от этих неожиданно вылезших в его мозгу беспощадных, уничтожающих самолюбие самооценок, робость: и заодно на весь окружающий мир. На всех успел разозлиться худенький Преображенский, на всех у него хватило говна в его

маленьком костлявом, как в съедаемой Оксаной форели, теле. Всё это никак не складывалось в его же собственном представлении в гармоничную пару с яркой красотой рядом сидящей девушки: и он сорвался, не выдержал бесперспективности для себя ситуации.

— Кто ты такая? — неожиданно зло начал он. — Почему ты не принесла своё портфолио на встречу со мной? Я известный фотограф, а ты? Кто ты? Начинающая визажистка, приходишь на встречу со мной без портфолио.

— Ты ничего не говорил про портфолио, и мы уже работали с тобой вместе, ты знаешь уже, как я работаю. И я не начинающая, — возразила вначале робко Оксана своему несостоявшемуся ухажёру. — Я уже два года работаю визажистом в хорошем салоне. «Бьюти» — шикарный салон, — попыталась защититься репутацией своего салона Оксана.

— Ты знаешь, для каких журналов я снимаю? — продолжал высказывать вслух свои неуёмные амбиции товарищ Преображенский. — Ты что, не хочешь больше работать со мной? Да, кто ты такая?

— Да, успокойся ты, — тут добрая Оксана хотела по-женски поддержать уязвлённое самолюбие амбициозного фотографа, но добрые слова так и не слетели с её красивых пухлых губ. Она положила деньги на стол за недоеденный ужин и ушла в свою жизнь подальше от больных идиотов.

Оксана была девушкой, которая мне тоже очень нравилась, она не могла не нравиться. Я даже описывать её не буду, скажу только, что выглядела она материализовавшейся прекрасной мечтой страстного человека, знающего толк в женщинах.

В будущем уже после смены пола я поведу себя ещё глупее товарища Преображенского, я так же, как и он, после очередной съёмки приглашу Оксану в ресторан. Я позвоню и скажу ей следующее: «Оксана, ты в рестораны ходишь только с фотографами-заморышами или от фотографов-подружек ты приглашения принимаешь тоже?» Сказала я это шутливым и разбитным тоном, но волновалась я при этом невероятно, сердечко прыгало внутри, видимо, подсказывая, — «дура, не звони, зачем ты, выкроенная хирургом баба, ей нужна? Как ты сексом с ней собралась заниматься, если она нормальная девушка и ей нужен член?» Но, одуревшая от видений, в которых, как в калейдоскопе, её пухлые губы трансформировались вдруг в круглую гладкую попу, затем она превращалась в полную грудь с непристойно крупными сосками, потом опять появлялись губы и пытались мне что-то сказать, но они только беззвучно открывались, маня меня и не давая оторваться от этих сладких видений: Конечно, я ей позвонила: «Ой, Олечка! И ты туда же!» —

рассмеялась Оксана и, видимо, чтобы не обижать свою больную знакомую, согласилась. Мы договорились сходить в назначенный, к примеру, на послезавтра день и: я, испугавшись, ей не позвонила. Я подумаю в этом своём недалёком будущем, — ну, зачем я ей нужна, и на какой хрен я её вообще пригласила, вспомнив при этом всю эту дурацкую историю с Преображенским. Конечно, она не отказалась, потому что я — её клиент-работодатель. Ну, чего я буду мучить эту милую девушку? И не позвонила. Этого мне показалось мало, после следующей совместной работы, рассматривая её красоты целый день, я, вдохновившись или обезумев от увиденного вконец, пригласила её снова. «Хорошо, давай завтра сходим», — согласилась она. Я посмеялась вместе с ней над прошлым своим малодушием и нерешительностью, она снисходительно тоже, и: опять я ей не позвонила, снедаемая теми же самыми своими прошлыми сомнениями. Неделю назад, а это уже года два или три спустя от этих глупейших историй, снимали мы с Оксаной главу представительства BMW и, соответственно, виделись с ней, она поправилась на три килограмма и стала выглядеть ещё умопомрачительней лучше.

Вторым, осчастливленным вниманием журнала «Здоровье» фотографом оказался товарищ Королёв, и, по-моему, был кто-то ещё третий. Запомнилась мне и собственная фамилия в этом дружном социалистическом соревновании, никогда не забуду её родную. Сняли мы с Катей на этот январский номер вездесущего Бабенкова Пашу с его славным простым лицом «нашего из народа парня», настолько простым и настолько «из народа», что снимали и будут его снимать все ещё очень долго, с каждого второго щита он смотрит на вас до сих пор, как бы извиняясь за такую обширную и навязчивую свою экспансию. Сняли мы его в обнимку с маленькой премиленькой и голубоглазой годовалой девочкой, дочкой нашей знакомой Тамуны Шенгелия и Матвея Гонопольского. И Бабенков-«папа» и его «дочка», завернутая в оранжевое полотенце, стоящие на глубокого синего цвета фоне, завоевали наше право снимать для «Здоровья» аж целый год. Не ахти какая радость, и, может быть, и не радость вовсе, но скромная и небольшая работа, имеющая стабильный характер.

Занимались этими съемками арт-директор «Здоровья» Мирошниченко Володя, хороший мужик туговатый на оба уха, удобно имевший для этой непростой работы родственную связь с главной редакторшой этого же журнала, был он её родным брательником, и девушка ярко-еврейского происхождения Аня Сикорская — внучка покойного художника Радамана*.

Перед первой съемкой мы даже все встретились в кабинете

главной редакторши, превосходной и приятной тётки советского образца, в хорошем понимании этого слова. Встретились: в творческих потугах посидели, никто ничего не представлял, что нужно для уважаемого советских времен журнала: и разошлись с облегчением, решив, что должно быть всё красиво.

Тут же в коридоре встретились с нашим старым знакомым Юрой Балушкиным, красавчиком высокого роста педиристической наружности, работавшем ранее в другом медицинском журнале «Семейный доктор». «Голубой» он или не «голубой», у нас с Катей сомнений никогда не возникало, мы сразу сошлись во мнении, что «голубее» не бывает. Но, дружно согласившись в этом, мы всё равно все годы знакомства с ним продолжали спорить на эту не касающуюся нас тему, при этом, по-прежнему без колебаний соглашаясь друг с другом и находя всё новые убедительные доказательства его «голубизны». Любил Юра белые одежды, особенно в летние месяцы; имел он близко посаженные глаза «в кучу» и вытянутое, может быть, чересчур лицо, но при этом всё равно красивое и приятное; имел манеры, направленные на завоевание отнюдь неженского сердца, излишне как бы интеллигентные, излишне мягкие, с прорывающимися жеманностями и немножко суетливые. И, как и большинство геев, он меня не любил, поэтому его лицо растянулось в такой улыбке, что чуть не лопнула кожа на его лице. «Сто лет не виделись!» — воскликнул он, не уточняя, расстраивается он от этого или безумно этому рад, глаза его при этом уехали куда-то в сторону мимо меня. «Балушкин!» — воскликнула я с теми же интонациями. — «Ты шикарно выглядишь!» Я знала его нелюбовь ко мне и тоже улыбнулась порядочно, ловко скопировав с его лица точно такую же улыбку в ответ, только взгляд мой тяжелый и устойчивый, как паровоз, спокойно смотрел на длинного Балушкина. Удивительный и лживый мир! Мы поохали, поахали и с нехорошими друг о друге мыслями разошлись.

Снимали мы сегодня уже третью обложку, то есть на март. Володя, уравновешенный, спокойный и не вмешивающийся в процесс. Аня, пухленькая, немножечко с короткой шеей, но при этом, в общем-то, пропорциональная, с немного слащавыми глазками из-за длинных коровьих ресниц, она всегда, переполненная энтузиазмом, сыпала бестолковыми идеями, слава Богу, не требуя их немедленного воплощения. Работа эта была мне интересна своей стабильностью и запланированной периодичностью, — вот он безработный январь, но никуда вы не делись, мои ежемесячные денежки за «Здоровье».

— Борюшон, тебя к телефону, — Катя спустилась со второго этажа вниз и протянула мне телефонную трубку. Я взяла её,

злясь, что меня отвлекают и недовольно в неё аллокнула:

— Привет, это Марина, — услышала я приветливый голос.

— Извините, какая Марина? — я никогда никого не узнавала.

— Борь, не узнал что ли? Марина Хлебникова.

— А, Марин, привет. Ну, как дела, слайды получила?

— Ой, Боречка, спасибо тебе огромное, так всё классно получилось! Я такая красотка! — слушала я восхищенный голос Марины в трубке. А я вчера с головной болью даже не посмотрела отснятые мной слайды с ней. Пленки привезли с проявки, Катя с Аней порезали их в сливеры, а я в это время лежала рядом, скулила и постанывала, это было до моего лечения и столь удачного исцеления. Вся вчерашняя съемка была, как в тумане. Что я там наснимала!?

— Да? Ну, ты и в жизни красотка. Как тебе еще выходить на фотках? Только такой же красавицей, — неуверенно выдавила я из себя комплимент.

— Знаю, знаю, ты всегда такой скромный. А я чего звоню, ко мне подъехала девушка-дизайнер, мы всегда вместе работаем, она и прошлый диск мне делала. Она замечательная женщина! Мы вместе посмотрели слайды, и она тоже в диком восторге, — мне уже самой захотелось посмотреть, что я там сняла с больной головой. — Я хочу вас познакомить. Мне кажется, вы будете с удовольствием вместе работать.

— Да? — я не любила подобные знакомства, но и обижать «девушку-дизайнера» и Марину тоже не хотелось, — Ну, давай познакомимся: Ты дай ей мой телефон.

— Я ей трубочку лучше сейчас дам, она еще у меня. Вы сами договаривайтесь.

— Хорошо, давай. Я тогда с тобой прощаюсь.

— Здравствуйте, Борис! Меня зовут Ольга, — приятный, неуверенный голос девушки-дизайнера уже первыми словами нарисовал в моем воображении красивые алые губы, они были у самого моего уха и мурлыкали мягким вкрадчивым голоском: Я оживилась.

— Здравствуйте, мне очень приятно, — уже бодрее отозвалась я.

— Я увидела Вашу работу, и мне она очень понравилась — такое настроение, так профессионально, такая светлая энергетика: — продолжали литься её слова тёплым потоком. — Мне очень понравилось.

— Спасибо большое, мне очень приятно, — мне было неловко, я абсолютно не помнила о чем идет речь, я не помнила свои же слайды, хоть езжай через всю Москву посмотреть на них.

— Я работаю с разными артистами, у меня бывают разные

проекты, мы могли бы поработать вместе, — подвел итог сладкоречивый голос.

— Ок, я с радостью, — но радость не отразилась в моем голосе, промямлила я это растерянно и не одна радостная интонация мне в этот раз не удалась. — Вы возьмите тогда у Марины мои телефоны.

Такие предложения о «проектах» я слышала почти каждый день, большая часть из них ничем не заканчивались, поэтому сами по себе такие разговоры никакого энтузиазма и восторженных ожиданий у меня не вызывали.

— А вы раньше с каким фотографом работали? — неделикатно сунула я нос не в своё дело.

Ольга помялась:

— С Костей Рынковым обычно мы работаем вместе, уже давно работаем.

«Легок на помине», — подумала я, и представила, что он будет говорить про меня, если я уведу у него клиента. Так потом и вышло, периодически разные люди передавали мне его слова обо мне: Всё «по-доброму»! Его отношение к Королеву по сравнению с отношением ко мне — это просто страстная и беззаветная любовь. И тут ещё совсем уже скоро я сама дам такой хороший повод для злословия, сменив пол.

— Костик — хороший фотограф. Мне нравится, как он снимает моду, да и вообще: — я была искренна, мне нравилось, как Рынков снимает моду.

— Да, конечно. Но мне очень понравилась ваша «Хлебникова», я хочу попробовать поработать с вами, я позвоню Вам, — на этом и порешили, на этом и попрощались.

* * *

Я сидела за большим обеденным столом, привезенным еще из моей коммуналки, и смотрела в большое, от самого пола и почти до потолка, окно. Голова не болит — уже хорошо! За окном в несколько бесконечных рядов гаражи. Под нашими окнами перед воротами гаражей, как на армейском плацу, чистота и порядок, а на их крышах тут и там кучками разбросанный мусор — прямо помойка какая-то. Одинокая кроссовка уже несколько лет украшала этот привычный для нас натюрморт. Вид, конечно, неприглядный, не Красная площадь, но в сотне метров за гаражами весь этот унылый пейзаж очень оживляли и очень меня радовали, бегающие взад-вперед деловые, работящие паровозики. «Осторожно, поезд!» — голос из невидимых динамиков, как на

вокзале, извещал кого-то об опасности на железнодорожных путях. Вагончики невозмутимо бегали туда-сюда, напоминая о поездках и путешествиях: Я вспомнила, как в детстве мы на все лето уезжали всей семьей с Белорусского вокзала в желтеньких вагончиках фирменного поезда «Янтарь» в Балтийск. Мама, бабушка, Вика — моя сестра, наша собака Кама — рыжая боксёриха, такой же рыжий огромный кожаный чемодан, три разрывающиеся от лишних вещей сумки, мой велосипед «Орлёнок», — мы еле умещались в купе. Приезжали за час, в вагон пускали за сорок минут, мы рассаживались, сидели для приличия минут пять в нетерпении: и принимались затем весело за еду, — путешествие началось. Варённая курица, завернутая в фольгу, её надо было съесть в первую очередь, ведь испортится, поэтому прямо не отъезжая от перрона и начинали: Варенные в мундире картофелины, их тоже надо съесть сразу, не есть же курицу без гарнира:, селедочка, помидорчики и огурцы тут же шли к картошечке, «Байкал» и «Саяны» шипели в моем стакане и брызгали мне в лицо, это мои любимые напитки детства, несколько раз в припадках ностальгии я пыталась пить их в настоящее время: нет, совсем не то, не те волшебные напитки из поезда «Москва — Калининград». Нетронутыми, оставленными на потом, оставались только сваренные вкрутую яйца. Ну, это было бы уже совсем неприлично так обжираться в не отбывшем ещё по назначению поезде. А потом тук-тук, тук-тук: И за годы ставшие знакомыми пейзажи, пробегают мимо тебя: проплывают:.

А еще у гаражей прямо у нас под окнами иногда собирались местные автовладельцы, члены гаражного кооператива. За несколько лет все лица их стали знакомыми:, не родными, конечно, но вызывающие доброе ощущение старых соседей. И тогда можно было от нечего делать, сидя у окошка, послушать их. Ничего интересного за шесть лет я не услышала, шесть лет они с волнением, горячо обсуждали строительство третьего транспортного кольца и неизбежный снос в связи с этим грандиозным мероприятием их гаражей. Каждый такой разговор пророчил их снос уже через неделю или максимум месяц, но шли годы, а даже дранная кроссовка на крыше их гаражного кооператива не сдвинулась ни на сантиметр с места.

Я смотрела в окно и думала, что мне делать дальше. Я не была озабочена одной проблемой, все сразу они жидкой кашей варились у меня в голове… Менять мне пол? Или не менять. Как это происходит? А что будет с моей маленькой дочкой? Что будет с работой? Как будут складываться отношения с клиентами? А с женщинами? Сохранятся ли оргазмы? Где-то пишут оргазмы остаются после SRS, где-то пишут — нет. Хватит ли у меня

здоровья для таких серьезных вмешательств в мой организм? И останется ли оно для полноценной последующей жизни? Я ничего об этом не знала: Отношения с Машей стали определенными, мы жили вместе, но я уже знала, наши пути разойдутся. Катя? Она была самой желанной для меня сейчас женщиной:, но даже когда она была, по ее словам, влюблена в меня, она не была моей: Она принадлежала бабушке, папе, сестрам, сырникам на ужин, она принадлежала сегодняшнему дню и удовольствию данного момента, но никогда не была моей. Несколько лет она поощряла меня — «купи себе эти женские брючки», «померяй эту юбочку», «почему ты не накрасилась?». А потом заявила мне: «Ты совсем стала женщиной, ты не сможешь быть моим мужем». И она, конечно, права, она, конечно, заслуживает нормального мужчину. Работа: дурацкая — ее становилось меньше. При переезде в Катину студию деньги мы стали делить пополам, и получать по правилам арифметики я стала в два раза меньше. Я рассчитывала, что в лучшей студии работы будет больше, а больше ее не становилось. Раньше мы снимали всё, теперь к нам обращались только «большие» и известные клиенты, но они никак не хотели равномерно распределиться на протяжении года. Они то шли плотной чередой, занимая даже наши выходные, и мы снимали тогда с утра до вечера, то очередь их обрывалась, и мы могли две-три недели сидеть без работы. И общая динамика этого процесса была в данный момент не радующей.

Конечно, во многом подпортил нашу жизнь кризис неожиданно грянувший, как стихийное бедствие: лучше после него не стало:.

Вначале меня веселило, как все обезумели от подпрыгнувшего доллара, как все кинулись в магазины скупать товары по старым ещё ценам. Посмеялась: посмеялась: и, повинуясь заложенным в меня уже генетически нашей советской системой стадным инстинктам, я также как и все, сдурев от счастья от последней возможности купить товар подешевле, кинулась за истеричной толпой в безумный водоворот магазинной толчеи, и сама накупила непонятно зачем в хозяйственном магазине на улице Живописной три совершенно одинаковые стремянки, три смесителя и ещё один смеситель для биде, которого у меня всё равно нет. Купила я и многое другое в других магазинах. Катя не будь дурой, не отставая от меня, накупила ещё больше: и всё это до сих пор бестолку валяется неиспользованное.

Как и любое стихийное бедствие, кризис приносил с собой кроме сильно скудеющей пайки у беззащитных к таким коллизиям простых людей, и настоящее горе: — люди теряли

работу, свой бизнес, надежду, иногда последнюю…

Одна знакомая женщина после кризиса лишилась своей парикмахерской, о которой мечтала всю жизнь и которую купила на деньги от проданной своей квартиры: Не сбылась когда-то мечта молодой девчонки, иметь любимого мужа, — он сбежал, когда она была ещё беременна; не сбылась мечта иметь любимого сына, — он стал наркоманом и вот уже два года, как он куда-то пропал. И вот она ещё одна мечта в виде нарядной собственной парикмахерской и лучшей независимой ни от кого жизни сверкнула надеждой в сердце гнедой русской женщины, которая, как лошадь, тянула свою лямку по всей своей разухабистой жизни, а к ней в повозку тем временем бессовестно набивалось слишком много бед, слишком много: Увидела она эту мечту, напряглась, но не хватило сил. Разорился её арендодатель, пришел другой дядя и выгнал её из только что отремонтированного небольшого помещения её мечты-парикмахерской. Посидела она молча у окошка три дня, вставая только в туалет, посидела: да и повесилась.

Повесился и знакомый арт-директор одного крупного издательства, сокращенный через месяц после кризиса. Думал доработать он спокойно на своем месте уже до пенсии: вот она уже недалеко, совсем чуть-чуть осталось: и директор издательства почти лучший друг. «Уж кого-кого, а меня не уволят», — об этом даже и не задумывался этот мой приятель, настолько был уверен, что всё у него будет хорошо, всё надежно и всё схвачено… Вот большой каталог надо закончить для «хорошего» клиента и сдать его через две недели, и два календаря: завершить работу с ними, доделать макеты. И вдруг: «Извини, дорогой! Кризис: сам понимаешь:» «Как же так!? А как же каталог, а как же календари, кто их без меня сделает?» — это первые мысли увольняемого арт-директора этого крупного издательства. А дома: колом, вбитым в грудь, другой вопрос: «Что делать теперь?» Три дня звонков — «в этом бизнесе я долго, тридцать лет уже, найду себе работу, не пропаду:» Не нашёл: и тоже в петлю.

А сколько таких сгинуло, уставших бороться: нет, не за жизнь:, за выживание.

Мне надоели грустные мысли, и я подошла к зеркалу — ой-ой-ой! Может быть, я, конечно, не мужественная, но точно еще не женщина. Я лет десять уже пила гормоны, что-то, может быть, изменилось, но: какая я женщина, всё то же лицо с моей армейской фотографии смотрело на меня тяжелым взглядом. Это же сержант Фомин! Я еще повертелась перед зеркалом, взяла маленькое второе и посмотрела на свое отражение через него, как будто смотришь на себя со стороны. Тьфу ты, лучше бы не

смотрела — огромная голова, как тыква, крупное лицо, длинный нос, свесившийся вниз: Я скорчила рожу — что так урод, что так. Я взяла трубку и набрала телефон Лены Ван.

— Здравствуйте, будьте любезны Лену Ван.

— Да, сейчас, как раз операция закончилась, сейчас позову, — «Елена Юрьевна, Елена Юрьевна:».

— Алло! — я услышала тоненький Ленин голосок.

— Привет, Лен!

— Борь, привет! Ты чего меня не по имени отчеству зовешь, я же тебе говорила, — начала, как обычно, возмущаться Лена.

— Ой, Лена, извини, я забываю. Как дела?

— Нормально. Как там у вас? Как Лиза?

— Нормально всё, — обобщила для краткости я и перешла к делу. — А я звоню узнать: ты говорила, что у вас делают пластические операции?

— Да, в отделении микрохирургии. Там и по смене пола операции делают. Что решился? — и Лена засмеялась своим особенным заразительным смехом.

— Не-е, я хочу пластику носа сделать.

— О, господи, зачем? У тебя абсолютно нормальный нос. Не надо тебе делать.

— Ну, Лена! Мне нос мой не нравится. И я пока ничего не собираюсь делать, я только хочу сходить на консультацию.

— Господи!: А я как раз только что в коридоре встретила Адамяна, легок на помине, мы с ним поздоровались. Он заведующий отделением микрохирургии, и это он, кстати, делает операции по смене пола. Только зачем тебе отрезать пиписку, не пойму? — неожиданно перевела тему или точнее цель моего посещения врача Лена.

— Лена, я же тебе сказал, я собираюсь делать пластику носа, причем тут пиписка? — справедливо возмутилась я.

— Да я так, шучу. Ну, приезжай когда хочешь, позвони только заранее. А хочешь, сейчас приезжай, я забегу к нему, договорюсь пока он на месте, чтобы принял тебя.

— А сколько стоит у него консультация?

— Не знаю, я спрошу. Выезжай, а я позвоню тебе на мобильный и встречу на главном входе.

— А как ваша клиника называется?

— НЦХ — Научный центр хирургии, Абрикосовский переулок: — она назвала точный адрес.

— А, помню. Пока. Позвони, как договоришься, — и «повесила» трубку.

* * *

— Здравствуйте, проходите.

— Здравствуйте, Рубен Татевосович! — я вошла в указанный Леной кабинет, поздоровалась с доктором, села у его стола и рассмотрела человека, меняющего людям их половую принадлежность. Типичный армянин, это и по фамилии было понятно, немножко раскормленный, но всё же уместившийся в не по его размеру маленький белый халатик, но внешне, в общем-то, приятный. Уверенный, как и все врачи со своими клиентами. И, конечно, увидев перед собой трансика, на армянском лице: ну, может быть, не брезгливое выражение, но тоже меня поизучав, доктор выбрал гримасу, близкую именно к этой. Такие гримасы я буду видеть еще не раз, и все они будут не на лицах обыкновенных, окружающих меня людей, они все разместятся на лицах врачей…, врачей, занимающихся именно этой проблемой, транссексуализмом. Ни участия, ни сопереживания, ни просто обыкновенной деликатности не приходилось от них ожидать. Хуй с ними! Рубен Татевосович был еще образцом приличного поведения. — Здравствуйте! Я хочу у Вас проконсультироваться. У меня транссексуальные наклонности:

— Вижу, — небрежно вставил он.

-:у меня транссексуальные наклонности, я хочу узнать, что можно сделать с моей внешностью. В данный момент я хочу сделать пластику носа, за этим я и пришёл к Вам, — объяснила я причину своего посещения.

— Хорошо, по адресу обратились. А мы, кстати, делаем вагинопластику, — неожиданно разговор начался не с носа. — Вы знаете, что у нас самая передовая технология вагинопластики в России? Мы получили патент на нашу методику. Делаем ее мы по методу пенальной инверсии: — начал он рекламную компанию своего производства пёзд.

— Рубен Татевосович, вагинопластику я в данный момент не собираюсь еще делать: — прервала я его и честно призналась в своей неготовности к этому серьёзному шагу.

— Хорошо, весна пройдет, на лето мы закроемся, мы каждый год закрываемся летом на два месяца: осенью можете сделать.

— Не знаю: Я об этом, конечно, думаю, но пока не знаю, решусь я на это или нет. А после такой операции сохраняется возможность иметь оргазмы? — спросила я, этот вопрос меня очень интересовал.

— Да, конечно, мы сохраняем все нервные окончания, даже смазка естественная сохраняется, если операция проходит успешно:

— А если неуспешно?

— Ну, никто не от чего не застрахован, во время простой

операции можно умереть, а это операция непростая, внутриполостная, конечно, возможны осложнения. А то, что касается возможности иметь оргазмы после операции — мы сосудисто-нервный пучок:

— Нервы что ли?

— Да, нервы. Отделяем их с применением микрохирургической техники, это резко снижает риск его повреждения:, - Рубен Татевосович еще долго мне описывал достоинства своей методики отрезания члена и создания неовлагалища, я слушала его и начинала понимать, что нормальная полноценная пизда вряд ли появится на моем теле в этой жизни. Неовлагалище — пожалуйста! За восемьсот долларов мне ее предлагал по новой методе добрый доктор-рационализатор. Совсем недорого — копейки за такую сложную операцию. К примеру, липосакция* одного места в тот момент стоила в этом же отделении четыреста семьдесят долларов, а подтяжка лица, — по-моему, две тысячи долларов. Наверное: даже потом я узнаю об этом наверняка, его неовлагалища были, действительно, лучше и функциональней выкроенных в других местах неопёзд. Но предлагаемое недорогое «неовлагалище» уже вызвало у меня боль в низу живота и слабость в коленках, а дарить оно должно совсем другие ощущения.

— Вы где проходили комиссию и получали разрешение на смену пола? — неожиданно спросил Рубен Татевосович, и от этого вопроса я почувствовала себя настоящей самозванкой. Как же я так без «бумажки»!? «Без бумажки — я какашка!» — вспомнила я из детства.

— Я еще ничего не проходила, и разрешения у меня нет, — призналась я. — Я хочу вначале заняться внешностью. Зачем менять пол и выглядеть при этом по-прежнему?

— Ну, если нет разрешения, сначала его получите, а потом приходите, — Адамян сразу потерял ко мне интерес, даже, возможно, возмутился внутри, как это я пришла к нему без документа и без желания расстаться с членом. Желание такое у меня было, но все описания моей шикарной будущей пизды, точнее неовлагалища, не внушили мне большого оптимизма.

— Рубен Татевосович, я пришла проконсультироваться по поводу пластики носа, сколько она стоит и так далее. Возможно, когда-нибудь необходимость меня приведет к Вам и за вагинопластикой. Тогда об этом и поговорим. Сейчас меня интересует пластика носа.

— Ну, мы делаем различные пластики лица, подтяжку по французской методики я делаю: с клеем:

— Как с клеем? — удивилась я.

— Клей такой специальный французский используется во время операции: методика такая: Но вот ринопластику в нашем центре мы не делаем. Но я Вам дам телефон одного хирурга, Вы позвоните и скажите, что от меня, очень хороший специалист, профессор: Короче, сами с ним договоритесь. А по поводу вагинопластики: Можете у меня, если хотите, приобрести мою книгу за 70 рублей:

— О-о-о! Спасибо! Надо же! — раскудахталась я. — Вы автор?

— Я один из авторов, называется она «Коррекция пола при транссексуализме». Там все написано и о моей методике, и фотографии есть наших результатов, — он протянул мне синюю книжку, я ему деньги. Деньги за консультацию он не взял.

— Ну, чего? Выдадут тебе новую писписку? — Лена провожала меня обратно по запутанным коридорам медицинского центра, в одном из коридоров мы купили вкусные горячие пирожки и ели их по пути к выходу. Пирожки, купленные в невзрачном коридоре с обычного уличного лотка неожиданно оказались очень вкусными.

— Лена, ну, что ты пристала, — отвечала я с набитым ртом. — Ты ему что, сказала, что я хочу делать вагинопластику?

— Нет, я ничего не говорила, я сказала только, что с ним хотят проконсультироваться по поводу пластической операции на лице.

— Тьфу ты, а он привязался ко мне с SRS. Неовлагалище: нервно-сосудистый пучок: Тьфу, зараза, — мы уже подходили к выходу. — Лена, у тебя то — неовлагалище или пизда?

— У меня всё как надо, — Лена опять весело рассмеялась.

— Значит, пизда, — сделала я правильный вывод. Я последний раз взглянула на разжёванный пирожок в её смеющемся рту и попрощалась с ней у выхода из медцентра.

Я села в машину и раскрыла, купленную у Адамяна синюю книжку. Она, махнув на меня страницами, удачно раскрылась на картинках с «неовлагалищами». На нескольких цветных фото — волосатые раздвинутые ляжки, и рекламируемые книгой «неопёзды»: Они бесстыдно смотрели на меня и свою новую жизнь впереди. Выглядели они неплохо — пёзды и пёзды, на фотках они ничем не отличались от обычных своих сестричек, портили их только волосатые мужские ляжки. На моих бедрах и вообще на ногах волос, слава Богу, не было, если такую разместить между ними, выглядело бы, может быть, и очень даже правдоподобно.

Я перевернула страницу: Твою мать! Лучше бы не смотрела, на этих фотках были изображены этапы операции. Путь от члена к пизде был невнятен и страшен — разрезы, разрезы, вытягиваемые из них ткани: Крови мало, как будто пол меняли уже

пролежавшим неделю трупам. Последняя картинка — из разреза торчит кончик завязанного презерватива. Чтобы вновь созданное неовлагалище капризно не заросло от скуки, в нём для веселой компании на десять дней после операции оставляли набитый тампонами презерватив — во, блядь, каков первый партнер у транссексуалки!

Книжка опять вызвала боль в животе и вконец испортила мне настроение, даже захотелось заплакать. Я кинула ее на заднее сидение и поехала обратно на работу. Я выехала на Саввинскую набережную и посадила в машину голосующих двух красоток, они сели на заднее сидение. Я пыталась с ними болтать, и мы уже весело болтали ни о чем, вдруг они затихли. Ничего не говоря мне, они начали смотреть эту веселую книжку. Я удивилась — что это их не слышно? Посмотрела в зеркало заднего вида: и еле успела дать одной из них пакет — ее вырвало, может быть не от вида отрезаемых пиписек, может быть, девушка была беременна или просто ее укачало, но картинки этого хирургического таинства смены пола производили на всех одинаковое впечатление.

— Ну что? Как съездила? — Катя одна сидела за столом в студии и пила чай.

— В ближайшее время мой нос останется прежних размеров, — я двумя пальцами оттянула свой нос, показывая его необыкновенные возможности, покрутила его и оставила в покое. — У них не делают таких операций. Так похожу.

— А как же твоя пизда? — поинтересовалась Катя. — Сделают тебе щелку? Я тебя первая тогда выебу искусственным членом.

Катя своей вульгарностью меня возбуждала.

— Катюшон, вы все сговорились что ли? Я разве говорила, что иду туда по поводу смены пола? — ноющим голосом обиделась я.

— Ты же сама всем объявила, что меняешь пол, к сексопатологу ходила даже, выглядишь, как тетка из НИИ. Сиськи, вон, больше, чем у Маши в три раза. За базар надо отвечать, — и она демонстративно вульгарно расхохоталась.

— К мудаку этому я ходила, чтобы он мне посоветовал эндокринолога и дал мне справку, что я прохожу обследование по поводу транссексуализма, чтобы милиции было что показать. Других планов у меня не было.

— Какой это всё-таки идиотизм!: Был нормальным парнем, пиздил всех, — глаза ее мечтательно устремились мимо меня, Кате всегда нравилось, когда я кому-нибудь давала по роже. Лицо ее повернулось ко мне в профиль — красивый, гордый, как с

картинок, изображающих греческих богинь. Я опустила взгляд, — её и без того широкие полные бедра, распластавшись на стуле, образовывали по своему контуру почти круг. Катя вся состояла из мягких податливых окружностей, с закрытыми глазами можно было прикоснуться к любому участку ее тела всего лишь кончиком одного пальца и при этом ощутить с уверенностью, что это женщина, — нигде вы не прощупаете крепкую мышцу или угловатую косточку, везде блядский жирок под нежной атласной кожей. Я села рядом и поцеловала ее в уголок губ, поцеловала еще и еще: Подхватила ее на руки, это еще получалось у меня, и отнесла ее на диван, стоящий посередине второго этажа студии.

— Только не испачкай тональным кремом мою кофточку, — прозаично простонала Катя. Я ее целовала и раздевала: Она была напряжена, она всегда немножечко боялась секса, ей всегда было сначала больно, и всегда этот страх и боль надо было преодолевать, и, поэтому не всегда наше взаимное желание заняться любовью, заканчивалось нормальным традиционным сексом — радостной встречей красивой Катиной пизды и моего еще не отрезанного членика. Часто приходилось думать о других способах доставления оргазма друг другу. Но сейчас мы возбужденные, делали друг с другом всё что хотели, страстно, со стонами:.

Сдуру послушавшись когда-то Аслана, стилиста, с которым много работали, мы, довольные дешевизной, купили в ИКЕЕ за 200 долларов порекомендованный им жутко неудобный диван. Состоял он бесхитростно из поролона, обтянутого черной тканью, такие же подушки крепились к нему ремнями, ремни эти упрямо не хотели держать их. Мы вспотевшие, опустошенные и обессилившие от секса, молча лежали на этом диване, подушки медленно съезжали, мы двигали их под себя, они опять съезжали, не давая сосредоточиться нам на себе.

— Катюшончик, спасибо тебе. Мне было не просто хорошо, я когда-нибудь умру от оргазма с тобой, — одуревшим от счастья голосом благодарила я свою подругу.

— Мне тоже было хорошо, — мы прижались друг к другу и нежно поцеловались.

— Катюшончик, почему мы так мало занимаемся сексом? Твое тельце создано для этого. Я не могу так мало заниматься сексом.

— Запела свою песню. Я сексом занимаюсь, когда хочу. И ты будешь, когда тебе скажут.

— Ну, Катюшон: — заныла я.

— Рот закрой, давай молча полежим.

Мои мазохистские наклонности устойчиво преобразовались в

Кате в обратные качества. Если раньше я их пыталась безуспешно культивировать, то теперь я иногда сама страдала от ее главнокомандующей позиции и ее самоощущения хозяина моей жизни.

Зазвонил телефон, я голая вскочила и подбежала к трубке.

— Алло! — услышала я мурлыкающий голос и узнала девушку-дизайнера.

— Да, здравствуйте, Ольга! — поздоровалась я.

— Здравствуйте! У меня появился один проект, я решила позвонить Вам. Мне нужно снять одного человека на диск, он певец, я хотела узнать, возьметесь ли вы? И когда у вас свободные дни?

— Ну, а чего не возьмемся, это работа наша. Четверг и следующий вторник заняты, остальные дни свободны.

— Может быть, давайте в пятницу? — предложила Ольга. — Я сейчас договорюсь о времени и перезвоню.

— Ок, Оля. Я рад, что Вы позвонили, — вежливо поблагодарила я её.

— Мне тоже очень приятно, а снимать надо будет Борю Моисеева.

— Здорово, — сказала я неуверенно и испуганно подумала, что Боря Моисеев, наверняка, заебет своими претензиями, мне он всегда казался конченным долбоёбом.

— Он, конечно, сложный человек, — Оля почувствовала мои мысли, — но у него очень творческая натура, с ним легко работать, если, конечно, вы сработаетесь.

Ну, прямо как при устройстве на работу, я не хотела ни с кем срабатываться, и не хотела никаких начальников, даже на один день.

— Ну, ладно: Чего же не сработаемся, — согласилась я. — Конечно, мне интересно снять Моисеева.

— А по деньгам: как это будет выглядеть? — Оля перешла к деловой части разговора.

— 800 долларов — работа, то есть гонорар. Плюс расходы, — тогда мы брали именно так, сейчас, слава Богу, берём больше. — Расходы — это пленки, проявки, визажист, парикмахер:

— У Бори свой стилист, он его привезет, — вставила Оля.

— А-а! Ну, тогда пленки, проявки и всё остальное, если дополнительно надо будет что-то приобретать… Обычно выходит чуть больше тысячи, — подвела я итог своей нехитрой бухгалтерии.

— Я поняла, мне Марина Хлебникова говорила уже об этом. Хорошо, — и мы попрощались, договорившись созвониться перед съемкой.

* * *

Дизайнер Оля Алисова приехала к нам за час до съемки обсудить ее, но в основном познакомиться. Небольшая красивая женщина, худенькая, она напуганной киской вошла в студию. Эта ее мягкая манера двигаться и мурлыкающе говорить, была обманчива и абсолютно противоположна ее твердому, как кремень характеру. Узнала и поняла я это не сразу, слишком беспомощной и слабой казалась всегда она. Но «беспомощная и слабая» Оля уверенно работала, как лошадь, и имела успешный самостоятельный бизнес. Мы выпили по чашке чая, поболтали, познакомились: и приехал, наконец, Боря:.

Боря приехал не один. Никто из артистов один не приезжает, всегда возможны рядом администратор, директор, продюсер, водитель, возможен «свой» визажист, как правило, один-два человека «шестерок», гордых от близости к известной личности и с понтами, большими, чем у того самого, но готовых быть при этом на посылках, отнести-принести, подлизать-подтереть:.

Боря приехал не один, с ним приехали человек двадцать — негде сесть, не хватает на всех стульев, не хватает на всех чашек: Все рассредоточились по студии, заполняя собой пространство — невозможно за всеми уследить, а вдруг что-нибудь спиздят. А того, что можно было незаметно утащить, хватало.

— Здравтсвуйте, меня зовут Борис, я фотограф, — представилась я. — Это Катя. Катя тоже фотограф, мы работаем вместе, и она владелец студии, — я всегда говорила об этом, это производило большее впечатление и вызывало большее уважение, чем просто скромное — «она тоже фотограф». И Кате это нравилось — быть владельцем.

— Привет! А я тоже Боря! — в свою очередь представился Моисеев.

— Да уж это все знают, — подхалимски засмеялась я.

— Хорошо тут у вас, — Моисеев покрутил головой. — Я первый раз вижу в Москве такую большую студию. Видеоролики снимают: это понятно — там павильоны киношные арендуют, а фотостудии у всех полное говно.

Он поздоровался с Алисовой, и они начали болтать о прошлых своих работах. Мы сидели за столом, а остальная толпа, разместилась, навалившись кучей на диване, на стульях по два человека, кто-то сидел на полу: Я так до конца съемки не поняла, кто в этой толпе кто, и кто зачем нужен.

Визажист, огромный жирный мужик, приехавший с Борей, имел красивое женское имя Влада, короткий ёжик, потрёпанное жизнью лицо и свисающий большим бурдюком живот. Последние

особенности его внешности очень хорошо подходили к этому звучному женскому имени. Мы с ним почти не общались. Может быть, он тоже хотел быть женщиной, может быть, уже был ею? «Надо же — Влада: еби его мать:» — удивилась я про себя и посмотрела на него ещё раз: — обыкновенный, немолодой, чрезмерно разжиревший мужик: Пиздец! Хотя бы похудел для начала, а потом назвался бы «Влада» или «Элеонора», или как его душе угодно! Я иногда смотрела на него во время съёмки и думала, — неужели я также выгляжу по-идиотски, сбежавшей из психушки? Или все-таки лучше?

Катя с Аней потихонечку ходили по двум этажам студии и прятали по шкафам всё, что можно было спрятать. А я сидела и рассматривала с близи Моисеева. Как его снять красиво, я не представляла — лицо помятое, дряблое, сморщенное: Как он стал популярным с такой внешностью и с таким голосом — загадка, феномен и настоящее чудо: поверишь тут и в чудеса!

— А я зашел вчера в супермаркет у дома, — за столом зашла речь о магазинах и ценах, и Боря Моисеев поведал всем очень «правдивую» историю. — Зашел в супермаркет, купил курицу, ну, еще что-то по мелочам, и вышло на семьсот долларов! Представляете!? Ну, просто кошмар какой-то!

— Да, да, безобразие! Такие цены! Курица за семьсот долларов — какой ужас!: — поддержали обобранного Борю, приехавшие с ним товарищи. Никто не сказал: «Борь, не пизди ты так. Ну, где ты нашел курицу за 700 долларов?» Я злилась, и одновременно мне было смешно, наблюдая за этим театром абсурда.

— Ну, давай, Борис, обсудим, что я хочу, — обратился, наконец, Боря ко мне. Он достал блокнот, полистал его и повернул ко мне исписанную страницу. — Вот, смотри, история у нас будет вокруг унитаза, сейчас его привезут. Первая картинка: посередине унитаз, действие происходит в туалете, — (какое действие, Боря не объяснил). — Я стою одной ногой на унитазе, моя нога в чулке сеточкой:, а у меня очень красивые ноги. Не веришь?

— Верю, — неуверенно ответила я, и подумала: «А ну тебя на хуй!»

— Да-да-да. У меня очень красивые: охуительные ноги! — прервал Боря описание предполагаемых сюжетов описанием своих нижних конечностей: Но рассказывал он не о подагре. — Меня этим летом в Париже снимали для рекламы женских колготок. Да-да-да, снимали мои ноги для рекламы в Париже, — все вокруг опять с готовностью восхищено заохали: «Да! У тебя суперстройные ноги! Как у фотомодели прямо!:» Я охуевала от

такого лиемерства и, конечно, не верила, что пожилые узловатые ноги Моисеева могут привлечь чьё-то внимание на рекламе колготок: ну, если только в Париже. — Вокруг стоят мои танцоры, — продолжил он, — не просто стоят, они охуительно стоят, я уже представляю, как они должны стоять. Я покажу или расставлю их сам. В унитаз писает мальчик: Есть у нас один мальчик, вон тот лысый будет писать, — указанный мальчик виновато и заискивающе заулыбался. — Штаны у него спущены: Симпатичная попка, и я держусь за нее одной рукой. Ну, как?

— Что как? — сказала я и сама услышала раздражение в своем голосе.

— Ну, идея как? Ты же будешь снимать. Если тебе непонятно, ты не сможешь снять, лучше не начинать тогда, — ну, вот, блядь, пять минут в студии, а Боря уже «полез в бутылку». Как же, его идеей не восхитились сразу, не зааплодировали.

— Начинать вам сниматься у нас или нет, Вы решите сами. Любую картинку можно снять красиво или ее испортить: вокруг унитаза или нет. Начнем снимать, начнем работать, будет тогда видно, как и что выходит, — сказала я негрубо, но твердо, про себя уже решив, что если будет слишком много «растопыренных пальцев», пошлю всех на хуй и выгоню из студии.

Боря рассказал о других картинках: он один во фраке, нога на унитазе; его лицо посередине сердечка из цветов и т. д… Вообще, снимать так было легче, когда человек сам знал, что он хочет. Боря знал: и не только знал. Когда мы снимали сюжет «Вокруг унитаза», потом на обложке диска это называлось «Потанцуем:», Боря действительно расставил всех в кадре сам, расставил с хорошим чувством композиции и со своим видением взаимосвязей деталей изображения в кадре. Была в нем все-таки одаренность, без нее не стал бы он без голоса и рожи популярным известным певцом.

* * *

— Борис, приезжай скорей, бабушке плохо.

— Мама, успокойся, спокойно скажи, что случилось.

— У нее хрипы появились вчера, а сегодня совсем плохо стало. Приходил Тугов, сказал, что умрет сегодня. Приезжай, может быть, проститься успеешь, — и мама всхлипнула.

— Какой проститься? Ты чего говоришь? — я не хотела верить участковому Тугову. — Он выписал что-нибудь?

— Нет, сказал, что ей уже ничего не поможет. Сказал, что старенькая и всё равно не выживет.

— Сейчас приеду, — я убрала телефон в карман: достала обратно и набрала Катин номер.

— Ты спишь?

— Нет, не сплю, — ответила мне сквозь зевоту уже сонная Катя. — Ты чего так поздно? Что-то случилось?

— Бабушка умирает, — эта фраза вылезла из меня почему-то сиплым хрипатым голосом.

— Ой, какой ужас! — испугалась Катя.

— У тебя деньги есть? — спросила я.

— Есть сколько-то. А зачем тебе?

— На всякий случай. У меня есть какие-то деньги, но вдруг врача вызывать придётся или что-нибудь из лекарств покупать: Вдруг не хватит. Я заеду сейчас.

Катюшон, палочка-выручалочка, всегда мне одалживала в неотложных и во всех других случаях, когда мне и не надо было их давать. Я заехала к ней, взяла все деньги, которые у нее были, и поехала в Тушино.

Родная комната: Ну, до чего она стала мрачной. Тусклый свет одинокой лампочки заполнял ее пространство глубокими тенями, Смерть растворилась в гробовой драпировке штор, растеклась по старому паркетному полу, она пристально вместе со мной смотрела на единственно, куда долетал свет, мою лежащую в этом склепе на синем одре бабушку. У меня не было аргументов, сказать ей: «Пошла вон!». Аргументы были у страшной непрошеной гостьи: «Пожила 92 года старуха, хватит! Прожила их хорошо и счастливо, с любимым мужем, с детьми, с внуками, всю жизнь в своей семье. Настал черед:».

Открытый рот, частое тяжелое дыхание: Она опять была в забытьи и на этот раз не со своим прошлым. Мама, смирившаяся с близкой потерей, уже не плакала. Она, как всегда всё комментировала, рассказывала, как она всё правильно сделала, как она вовремя вызвала врача: Маму не в чем было упрекнуть, когда-то она всю себя посвятила нам, теперь бабушка лежачая, неподвижная, тяжело больная древней старостью, требовала внимания, заботы и адского труда, и легла тяжелым бременем полностью на мамины плечи.

Я наклонилась и приложила ухо к бабушкиной груди — свисты, хрипы, бульканье: целый квартет. То же самое было у меня в армии:.

Мне поставили обычную для наших славных войск очень боевую задачу — за ночь откопать замерзшую известку из ямы в хозблоке. Я откопала: в крепкий тридцатиградусный костромской мороз, уже к полудню следующего дня у меня была температура под сорок и такие же звуки в груди. Но я была молодым бойцом

«Красной» армии, меня надо было двадцать раз подстрелить или переехать на танке, чтобы я загнулась, а тогда я только с удовольствием отдохнула в госпитале.

— Попрощайся, поцелуй бабушку, — с похоронным голосом мама подтолкнула меня к синему дивану с лежащей на нём моей несчастной бабусей.

— Мама! Ну, что ты заладила, — я пришла в себя, глаза привыкли к мрачной темноте, и мне уже не чудилась в каждом углу Смерть. На хуй всех и смерть тоже! — Скажи лучше, что сказал Тугов?

— Он послушал, сказал, что это воспаление легких и что это оттого, что она лежит: от неподвижности. И сказал: «У вашей бабушки здоровое сердце, только поэтому она до сих пор жива».

— А почему он ничего не выписал? — никак не могла понять я.

— Сказал, что уже не нужно, ничего уже не поможет. Сказал, что она дотянет до вечера, может быть, до утра, но к утру обязательно помрет, — я посмотрела на бабушку, все эти прогнозы были очень похожи на правду, от беспомощности захотелось расплакаться: Нет, нет, нет, не сейчас. Я встала с бабушкиного дивана.

— До вечера: до вечера: Уже вечер и жива бабуся: Съежу в аптеку, куплю антибиотики, — голос мой звучал ободряюще уверенно, и мама мне поверила.

— Ну, съезди, может, что-нибудь, действительно, поможет, — она смотрела на меня с надеждой.

Я доехала до ближайшей аптеки на пересечении Фабрициуса и Сходненской, припарковалась и вошла в нее. Прилавок, молодая девушка в белом халате:

— Здравствуйте! Девушка, у моей бабушки воспаление легких:, - я вошла в аптеку и задала свой первый вопрос с таким видом, с таким мрачным и грустным лицом, что провизор сразу прониклась сочувствием к заботящемуся о своей бабушке внуку.

— А Вы врача вызывали? — спросила она.

— Вызывали: Ей девяносто два года, ей ничего не выписали.

— Бывает: Сейчас такие врачи, они не только старушек не хотят лечить, — ей было стыдно за своего коллегу. — Я вам сочувствую. Бабушка Ваша лежачая?

— Да, она слегла несколько месяцев назад.

— Воспаление легких часто бывает в таких случаях: — подтвердила слова Тугова провизор.

— Девушка, мне нужны антибиотики, пусть дорогие, но самые сильные.

— Да, сейчас: Вот, самые сильные, что у нас есть, но они,

действительно, дорогие, — она достала с полки маленькие пузырьки с белым порошком внутри и поставила передо мной. Я купила их столько, сколько она сказала. От души и очень искренно ее поблагодарила. Добрая девушка и хороший провизор — она была на своем месте, что бывает в нашей жизни удивительно редко. Она, с готовностью хорошего человека помочь, заменила бесполезного участкового Тугова, выполнив его работу. Выполнила очень удачно, выписав, точнее порекомендовав необходимое и правильное лекарство, училась, наверное, этот провизор в институте на пятерки. Через пару дней бабушке стало лучше. Я заезжала каждый день. Еще через пару дней мы приехали с Игорем, моим двоюродным братом. Бабушка бодрая сидела на диване и ела: Ела, как и я обычно по вечерам борщ. Мы, удивленные, стояли в дверях.

— Бабуля! Вот это да! Мы с тобой еще двадцать раз Новый год справим вместе, — мы вошли и сели рядом. Я крепко обняла ее, такую нежность я испытывала только к своей дочке и к бабушке.

— Мои дорогие, какие вы у меня красавцы, — бабушка полотенцем вытерла рот, она всегда, прежде чем поцеловать, вытирала рот полотенцем или большой салфеткой, всегда лежащей у нее на коленях. Мы поцеловались. — Как у вас дела? Как работа? Всё хорошо?

— Всё хорошо, бабуся, — хором с Игорем ответили мы.

— Ну, видели? Сегодня целый день сидит, смотрит телевизор, и абсолютно в своем уме:, всех узнает:, - мама, гордая победой над болезнью, естественно, с обязательной сигаретой, стояла на обычном своем месте в дверях. — Вчера приходил Тугов, глаза выпучил: «Как? Бабушка ваша еще не умерла? Не может такого быть.» Послушал ее, сказал, что хрипы еще есть, но дела идут на поправку. Увидел лекарства, сказал, что они дорогие. Я сказала, что сын купил. Он спросил, где и кем ты работаешь.

Я усмехнулась, мама была рада продемонстрировать участковому врачу, что ее сын способен купить бабушке дорогое лекарство. Ой, мамочка! Я так помогала бабушке, заботилась о ней и дарила ей тепло, всего этого ты будешь лишена, не дождёшься ты от своего сына такой же заботы. Умрешь ты вслед за бабушкой, и оставишь мне на всю оставшуюся жизнь боль и чувство вины перед тобой.

Бабушка проживет еще три месяца, я буду ее навещать почти каждый день, Игорь тоже будет заезжать к ней. Она была то с нами, и тогда я, радуясь этим минутам, сидя рядом с ней на диване, разговаривала с ней, она даже исполнила всем нам

отрывки из «Свадьбы в Малиновке» и из «Старой Москвы». А иногда она исчезала, была далеко, и я молча, обняв ее, сидела рядом и чувствовала свою беспомощность и не знала, чем могу ей помочь.

* * *

По перегруженной дороге Багратионовского проезда бегал нескладный щенок. Бегал он опасно для своей жизни между колес проезжающих мимо автомобилей. «Какой дурачок!» — подумала я. — «Сколько дней ему осталось так еще бегать? Сегодня, наверное, его уже раздавят». Попасть под машину он мог каждую секунду, он их абсолютно не боялся, не боялся резких громких клаксонов, гудящих ему прямо в ухо, он даже не вздрагивал от них. Был он похож на обыкновенного щенка немецкой овчарки — черный с желтыми неяркими подпалинами и с огромными стоячими ушами, как у летучей мыши. Щенок был очень страшненьким и неказистым, но при этом очень милым, его наивный доверчивый взгляд на мир подкупал. Я выбежала из машины и попыталась прогнать его с оживлённой дороги. И слева, и справа движение остановилось, и все автомобили начали дружно сигналить своё нетерпеливое возмущение.

— Пошёл вон! — я топнула ногой. — Пшёл:.

Он повернул на меня голову, улыбнулся своей щенячьей рожицей и завилял хвостом.

— Тьфу ты, дурак! Жить надоело? Чего под машинами бегаешь? По дороге бегать нельзя, иди на тротуар гуляй, — начала я разъяснительную беседу с глупой собакой, но ушастое хвостатое существо не ответило мне ничего вразумительного, а только с интересом понюхало мою коленку. Я взяла неожиданно оказавшегося увесистым щенка в вытянутые руки, чтобы не испачкаться, а был он грязнющий и чрезвычайно вонючий, и отнесла его на обочину к фотомагазину. В нем находилась в данный момент Катя, она сдавала слайды в проявку после очередной нашей съемки, а я ее ждала в машине. Щенок с любопытством повертел свою морду, и его вниманием завладела витрина этого магазина, он поставил передние лапы на низкий, сантиметров тридцать от земли, откос магазинного окна, и что-то стал с интересом в нём разглядывать. «Не возьму», — решительно сказала я себе и отвернулась в другую сторону. Последние две собаки, подобранные мной когда-то на улице, оказались настоящими инвалидами. У одной, попавшей под машину, был сломан позвоночник, другая после чумки была с эпилепсией, с

парезом и вообще с больными мозгами, она почему-то, только откроешь балкон, сразу с него прыгала. Этаж был второй. Дважды она приземлялась, как опытный десантник, на третий сломала сустав: Операция, штифты:, потом операция их вынимать, затем всё загноилось, образовался свищ: — полнейший геморрой на целых полгода. Мы мучились с ними, но всё равно сильно их любили. Черный выздоровевший Тимка стал очень подвижным и опять, так уж на роду у него было написано, попал под машину, на этот раз насмерть. Я, бережно завернув Тимку в детское одеяло, похоронила его на улице Живописной на берегу Москвы-реки или канала, не знаю точно, что там протекает. А рыжая Ася выздороветь не могла, разрушенная чумкой нервная система у собак, мне сказали, не лечится. Ей давали ежедневно много лекарств по длинному списку из ветеринарки, но это только незначительно сокращало количество припадков эпилепсии у неё. Несмотря на лечение, с ней случился эпилептический статус — это когда один припадок наступает за другим, что-то не выдерживает, по-моему, сердце:, и она в судорогах умерла.

Псинке у витрины надоело в нее наблюдать, и она опять направилась по направлению к дороге. Вот, чудак-человек! Придётся всё-таки его взять себе, не смотреть же, как ему выдавят кишки на асфальт. Я вылезла из машины, опять взяла щенка в вытянутые руки, дверцу в машине я открыла заранее:

— Ты что сдурела? — Катя вышла из магазина и увидела эту трогательную сцену усыновления беспризорной собаки. — Она всю машину перепачкает. Быстро положи её на место.

— Посмотри, какой он милый. Он чуть под машину не попал. Я его забираю, — решительно заявила я.

Катя подошла к машине с воплями:

— Фу, как от него воняет помойкой! Положи его обратно на землю, я не дам его посадить в машину, он всё испачкает. Разрешаю тебе сбегать купить ему шаурму, я подожду. И поедем.

— Катюшончик, пожалуйста, давай я его заберу. Потерпи, — начала уговаривать я Катю. — Я его сразу помою в студии. Смотри, какой он симпатичный!

Далее происшедшему я удивилась сама, Катя вдруг неожиданно замолчала, встретившись взглядом с глазами маленькой чёрной псины, и молча без истерик села в машину.

В студии глупый черный щенок сразу покакал. Такой вони не ощущал еще никто на свете, питался щенок, наверное, как африканская гиена гнилой падалью. Я убрала большую не по его размерам кучу, задыхаться от этого мы не перестали. Я несколько раз мыла со стиральным порошком место, на котором лежала его кучка говна, вставала на четвереньки и нюхала в этом месте пол.

Всё равно продолжало вонять, при чём абсолютно везде, как будто он накакал у каждого под самым носом. Источником оказалась вторая кучка, которую он сделал вслед за первой, стыдливо расположив её за фоном для съемки.

Уже намытого и чистого я привезла его домой.

— Лиза, закрой глаза. У меня сюрприз! — я чуть приоткрыла входную дверь в свою квартиру, собаку я держала за ней, чтобы никто её не видел.

— Ты мне подарок купил? — Лиза радостная стояла у входной двери.

— Нет, на улице нашел.

— На помойке что ли? — удивилась Лиза.

— Закрывай глаза, — заговорщицки сказала я своей дочке.

Лизуля закрыла глаза, из кухни вышла Маша и встала рядом.

— Иди сюда! Ко мне! — собачёнок послушно вошел в дверь и сразу с радостью бросился к Лизе.

— Ой! — Лиза открыла глаза и завизжала. — Это же щенок! Откуда он? Папа, спасибо. А как его зовут?

— Морс — его так Катя назвала. Хочешь, придумай другое имя, — я вошла вслед за щенком и уже раздевалась.

— Лучше тогда компот, — Лиза рассмеялась. — Ладно, пусть Морс будет. Ой, не лижи меня! Ой:

— Морс? — Маша недовольно скривила свое лицо. — Мне собака в доме не нужна. Уже были собаки, хватит.

— Маша, для ребенка собака — разве плохо? У меня всегда в детстве собаки были. А у нас Тимка и Аська были: Забыла? Что, разве плохо мы тогда жили? Может быть, и жили лучше тогда, добрее были.

— Сам корми и выводи его, — Маша еще побурчала немного и опять ушла на кухню.

Житья с собакой она мне не даст. Появилось обстоятельство, к которому всегда можно было придраться:, и она с наслаждением придиралась.

Щенок быстро креп, через месяц я взглянула на него, он с серьезной мордой смотрел в окно и думал свою собачью думку. О чем таком важном так напряженно размышлял мой пёс? Его я скоро научусь понимать: вот всех остальных:.

Я в который раз внимательно рассмотрела свою собаку и с удивлением опознала в своей родимой псине её неожиданное для меня происхождение — всё та же окраска немецкой овчарки и смешные морщины на лбу, всё те же по-прежнему огромные стоячие уши:, но голова становилась крупной, туловище массивным, челюсти переходили в мощные скулы, крысиный хвост, часто встающий агрессивно вверх: Нет, это не овчарка и не

дворняжка:, наш щенок был помесью со стаффордширским терьером, и признаки этой породы с этого дня стали всё больше выпирать буграми мышц на крепком теле Морса. На следующий день он сожрал черепаху, подтвердив эту мою догадку. Своими щенячьими, но уже мощными челюстями, он разгрыз её немаленький панцирь, она была у нас уже давно и достаточно выросла. И съел её! Мы раньше смеялись: «Гамбургер ползет!», когда она выползала, а он бегал вокруг нее и обнюхивал. Гамбургер оказался гамбургером. Не уследили.

* * *

— Заечкин, ты? — услышала я голос жены в своей телефонной трубке.

— Да, Маша, — ответила я устало.

— Ты должен забрать сейчас Лизу, я уезжаю по своим делам.

— Как Лизу!? Когда уезжаешь?: Я же сейчас снимаю: я же тебе говорила об этом сегодня утром, — совершенно оторопела я.

— Меня не волнует, у меня тоже свои дела, мне надо сейчас уехать, — ядовитым голосом Маша произносила заранее подготовленные фразы.

— Маша, я уходил на работу утром и сказал, что ко мне сегодня приезжает сниматься Игорь Крутой. Что сниматься он будет с пяти до двенадцати. Ты знала об этом, зачем ты сейчас опять придумываешь какую-то хуйню. Ты знаешь, что я не могу сейчас всё бросить и уехать со съемки. Ты же сказала, что будешь дома. Почему ты заранее не предупредила? Сказала бы заранее, я бы её раньше взяла.

— До девяти Лиза будет у тети Тамары, я её оставила у неё, до этого времени её надо забрать, — тетя Тамара была нянечкой, нанятой для того, чтобы она забирала Лизу из детского сада. Маша нигде не работала, но вдруг она объявила недавно, что времени у неё для того, чтобы забирать Лизу из сада совершенно нет.

— Маша, я буду точно работать до двенадцати, я не смогу её забрать при всем желании. И Кати сейчас нет, она на встрече с клиентом:

— У меня тоже есть свои дела, мне нужно сейчас уехать. На твои дела мне наплевать, — последнюю фразу она произнесла с наслаждением.

— На эти дела ты пока живешь, — ответила я, но было поздно, Маша бросила трубку. Против лома нет приема, и этим ломом научилась в совершенстве размахивать моя свирепая

бывшая супруга. Ребёнка всё равно надо было забрать, в этой ситуации в позу не встанешь. Задавать опять себе риторические вопросы: «Ну почему так происходит?»: По хую, это был конец!

Игорь Крутой в нарядном сером костюме, в неимоверно дорогих часах, а привёз он их для каждого костюма несколько, сидел с насмешливым и едким лицом уже готовый для съёмок в старинном кресле со львами, окруженный мягким светом от огромных софт-боксов*.

Мне было стыдно перед всеми за свою неадекватную жену, чтобы никто не слышал моих семейных перипетий, я зашла поговорить по телефону с Катей в лабораторию. Оля Алисова, слава Богу, давно знакомая с Крутым, увлеченно болтала с ним, давая мне возможность решить очередную свою семейную проблему. Кати не было на съёмке, она, действительно, была на встрече с клиентом, и я набрала её номер.

— Кать, разворачивайся, надо Лизу забрать.

— Так она же сейчас с Машей дома:

— Она позвонила, сказала, что уезжает по своим делам и что мне надо забрать сейчас Лизу.

— Она же знает, что у тебя сегодня допоздна съемка, что ты Крутого сегодня снимаешь, ты ей говорила это при мне: И мы с ней вчера болтали по телефону, она совершенно нормальная была, не злая на тебя, — голос у Кати был пока просто удивлённый и обескураженный, без возмущения и злости.

— Она сказала, что у нее дела, а на мои ей наплевать: Да, какая разница, что она сказала. Ребенка надо забрать.

— Она совсем уже охуела. Она издевается над тобой, как хочет и без всякой причины. У вас же в последнее время было всё хорошо! Пизда! — взорвалась Катя. — Почему должна страдать от неё я? Она не моя жена.

— Кать, какая разница. Мне для того, чтобы снимать, настроение нужно, а мне все всегда мозги ебут. Я не детали на заводе выпиливаю: Я не хочу сейчас задумываться о Маше, я и так уже нервная, я не хочу распалять себя еще больше. Съезди. Звони клиенту, скажи, потом встретишься. Можешь вообще его послать: Не до клиентов: Езжай, забери Лизу, она сейчас у тети Тамары. Оставь ее, если можно, у Гили, я всё равно поздно закончу, пусть она её спать уложит.

— О-о-х! — вырвался вздох у Кати. — Ладно, сейчас заберу. Разворачиваюсь.

Утром я молча собрала свои личные вещи, небрежно и быстро свалила их в большие голубые мешки для мусора, бросила их в машину, посадила на заднее сиденье ничего не понимающего, с глупой мордой, Морса и уехала навсегда из когда-то своей семьи.

Я приехала в студию, бросила мешки со своими вещами в комнату-лабораторию, села за стол и час неподвижно смотрела в окно. О чем я думала?:Ни о чем. Это состояние пустоты становилось для меня привычным: — ни боли, ни сожаления, ни разочарования. В этот момент я сидела перед окном и представляла из себя пустую оболочку, ткни меня иголкой, и я лопну, как надувной шарик, внутри пустота.

Ровно в одиннадцать вошла Катя.

— Чего глаза выпучила? — по своему обыкновению любезно поздоровалась она.

— А? — вздрогнула я.

— Чего сидишь, как зомби? — пояснила Катя свой первый вопрос.

— Я ушла от Маши: — безжизненным голосом ответила я.

— Как ушла? Ты же уже развелась с ней, — удивилась она.

— А теперь вещи собрала и ушла. Из-за вчерашнего:

— Да, вчера она выкинула фортель: Она сказала, почему так поступила?

— Мне неинтересно, — равнодушно ответила я.

— Мне интересно, надо было спросить.

— К Кате, у которой дочка Настя, она ездила: она так сказала.

— А зачем?

— Я не уточняла, мне всё равно. Я вещи собрала молча: и ушла. Всё, Кать, отстань, — я положила голову на стол и закрыла глаза, отгородившись от внешнего мира.

— Никогда не говори мне «отстань». Поняла? — Катя напрягла свои недюжинные скандальные интонации.

— Ой, Кать, хорошо: Только отстань от меня сейчас:

— Ты специально меня доводишь? Я же тебе сказала: — врывались в меня её неспокойные фразы: Да, просто закрыть глаза — этого недостаточно, отгородиться от внешнего мира можно только Великой китайской стеной. — «Отстань» — не говори мне. Понятно? — продолжала воинственно орать Катя мне в самое ухо.

— Понятно, Кать, — я открыла глаза. — Понятно.

— И что ты будешь делать? — опять спокойным голосом продолжила меня расспрашивать она.

— Ничего.

— А квартира та как?

— Буду снимать для них, пока её сдают.

— А ты?

— Тоже сниму.

— Две квартиры снимать слишком дорого. Проучи её, не

плати за квартиру, обойдется. Пусть живет, как хочет.

— Катя, когда у тебя будет жена и ребенок, тогда будешь рассуждать по-другому. Лизе куда деваться? У нее садик рядом, она привыкла к нему. Ладно, я не хочу сейчас это обсуждать.

— А ты вещи какие забрала? — продолжала выяснять подробности Катя.

— Свои.

— Как свои!? Надо всё поделить, что тебе заново всё покупать? — возмутилась Катюшон.

— Нечего делить, — мрачно ответила я.

— Зря ты ей дубленку купила и стиральную машину. Зачем? Знала же, что расходитесь.

— Отстань, Кать: Дай мне «Из рук в руки».

— Сейчас дам:, - она свернула толстую газету и стукнула меня по голове. — Я тебе сказала, не говорить мне «отстань»? Еще раз скажешь:

— Ох:, - вздохнула я и уставилась на неё невидящими глазами. — Кать, мне хреново на душе, а ты лезешь: — на языке уже привычно разместилось «отстань», но я вовремя закрыла рот, и она карамелькой растворилась в слюне. Мне хотелось покоя и, чтобы меня никто не касался и не лез мне в душу, мне хотелось побыть одной.

— Квартиры будешь смотреть?

— Да, посмотрю. Я несколько дней в студии поживу. Какую снимать, чёрт его знает:, - я открыла газету. — Однокомнатную или двухкомнатную?

— Однокомнатную, конечно. Дешевле будет, — разумно посоветовала Катя.

— Я всегда двухкомнатную снимала. Ладно, какая будет: — я листала газетные неприятно пахнущие страницы, я ничего не соображала и с трудом нашла нужный раздел.

Я имела опыт съема квартиры, я знала, что недостаточно позвонить в одно агентство и оставить свою заявку. Я всегда сразу обзванивала десятки, точнее все агентства, которые были в «Из рук в руки», составляя длинный список телефонов, куда я уже позвонила. Выходила обычно целая страница А4, мелко, как шифровка секретного агента, исписанная цифрами. Только тогда несколько агентств всё-таки откликались, перезванивали и что-то предлагали. Сейчас я без энтузиазма обзвонила несколько, сказала, что хочу снять квартиру одно- или двухкомнатную в географических пределах улицы Алабяна и Куусинена или что-нибудь между ними. Через несколько дней мне предложили пару вариантов — убогие старушечьи квартирки: Я сходила, посмотрела одну, поболтала с милой интеллигентной

старушенцией: Старенькая, бывшая когда-то при царе Горохе учительницей, она отнеслась ко мне с симпатией, она вела меня экскурсией по квартире, показывая богатства её жилища: «Вот здесь кухонька. Я Вам эти кастрюлечки оставлю, хорошие кастрюлечки, не то, что сейчас делают. Чашечки, тарелочки: — ничего своего Вам даже привозить не надо. И пару простынок с пододеяльничками оставлю тоже. Холодильник и телевизор — импортные, мне дети их купили:», — она подошла к платяному шкафу, открыла дверцы: «А в шкафчике я Вам эти полочки освобожу, а на эти своё всё сложу», — с полок стопками на меня смотрели розовые и голубые её теплые трусы с начесом. Меня рассмешило такое будущее соседство с моими личными вещами. «Замечательно, шикарно:» — говорила я:, и потом честно сказала ей, что снять её квартиру не смогу: и ушла. Квартира была большая и хорошая, и даже чистая и уютная, но старушечьи панталоны и обилие ковров на всех плоскостях меня не увлекли.

Прошло несколько дней, я потихоньку привыкала к проживанию в студии, мне нравилось просыпаться с сознанием, что ехать никуда не надо и не надо прорываться сквозь пробки на дороге по пути на работу: правда, пожалуй, это было единственным достоинством такого проживания. Но привыкаешь ко всему, и незаметно я привыкла и к этому. Ответственность уже не висела надо мной — обеспечить семью и ребенка нормальной квартирой, я поехала в ИКЕЮ, докупила недостающие предметы быта и в агентства больше не звонила: Оставшись в студии на несколько дней, я проживу в ней несколько лет, часто ощущая себя бездомной.

* * *

— Лизочка, я хочу с тобой поговорить.

— Ну, чего, папа. У меня «барби» купается, — Лиза сидела на диване в студии и играла с куклами. Я села рядом.

— Лизуль, ты уже большая. Послушай меня и не сердись на меня сильно, — Лиза повернулась и с испугом посмотрела на меня, она сама всё поняла. — Лиз, я ушёл от мамы:

— Па-а-па, — она расплакалась. — Ты злой! Почему?

Я обняла её.

— Лизочка, мы с мамой так ругались в последнее время. Я буду видеться с тобой часто-пречасто…

— У всех есть и мама, и папа… — она горько плакала, уткнувшись мне в плечо, я тоже расплакалась.

— Лизочка, мамочка хорошая, я её люблю, я не знаю, почему

мы так часто ругаемся.

— Если бы любил, то не ушел бы от нас.

— Я не от вас ушел, а от нее. Может быть, пройдет время, мама успокоится, и я успокоюсь, мы соскучимся друг по другу, и мы опять заживем вместе.

— Ты врешь, ты не вернешься:

— Не знаю:, - я тяжело вздохнула. — Лиза, мама молодая и красивая, она еще может выйти замуж, может быть счастлива. Со мной ей, наверное, нехорошо. А у тебя есть и папа, и мама, и они тебя любят больше всего на свете. Мы будем по-прежнему вместе с тобой и мамой куда-нибудь ходить, если мама, конечно, захочет. На все выходные я буду тебя забирать: и всегда, всегда, когда ты этого захочешь, — Лиза уже редко всхлипывала, мои доводы, я видела, не успокоили её, но она отплакалась и замолчала: замкнулась и полдня не разговаривала со мной. Большая травма на маленьком сердечке моей дочки, и нанесла её я.

— И что дальше? — Маша стояла со злым лицом наизготовку выяснять наши отношения.

— Ничего, — ответила я. Выяснять мне было уже нечего.

Я привезла Лизу домой, она тут же схватила в охапку нашу полосатую киску и убежала в детскую. «Пойдём, поговорим», — позвала меня Маша угрюмо. Мы с ней закрылись на кухне и стояли сейчас друг против друга: она вся напряжённая, я уставшая.

— Если хочешь, можешь вернуться, — видимо, это было предложение мира, но озвученное почему-то враждебным, ядовитым голосом. Чтобы я не перепутала интонации и не подумала, что это предложение от её доброты, лицо своё Маша оставила злым и ненавидящим. Смотрю я на него грустно, изучаю родное когда-то лицо: нет, не родное, это лицо чужого человека.

— Не хочу, — отвечаю я.

— У меня нет денег снимать эту квартиру.

— Я буду её снимать, пока её сдают нам, и пока Лиза ходит в этот садик.

— У меня нет денег на жизнь, я не работаю:

— Я буду давать: и буду приглашать тебя на съёмки, как визажиста и парикмахера.

— Мне не нужны от тебя деньги:

— Ладно, Маша. По-моему, ты не одна живёшь, а с моим ребенком. Считай, что я это для неё делаю. Да, и какая разница, Маша: успокойся, — Маша с облегчением вздохнула. Я понимала её, деньги на жизнь и где жить — важная тема. — Есть ещё квартира двухкомнатная наша. Если срок аренды на эту квартиру

закончится и её не продлят, то переедете тогда туда: в свою.

— А ты?

— Сниму что-нибудь. Тебе какая разница.

— Ты зря на меня обиделся, мне надо было срочно к Кате Стеценко съездить.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Съездила? Хорошо. Я не буду это обсуждать. Надоело всё, Маш. Дай Бог, чтобы у тебя сложилось всё хорошо. Маша, пойми, я ушел не потому, что я плохой: То есть, может быть, я и плохой, самый плохой, самый худший, может быть, я в чем-то виноват, может быть, виноват во всем, но только не в нашем разводе. Если ты будешь вести себя с другим мужчиной также, как и со мной в последний год, то и он уйдет, никто этого не вынесет. Тебе всё равно придется взглянуть на себя. Мне жаль, что всё закончилось именно так.

— Я жалею, что познакомилась когда-то с тобой. Лучше бы не выходила за тебя. Ты заранее рассчитал, когда меня бросить, — у Маши опять начиналась истерика.

Когда-то я разговаривала с Леной Ван, жаловалась на жизнь, вспомнила Лену Соколович, мою девушку перед Машей, обронила фразу, что, если бы женилась на ней, то не знаю, прожили бы мы с ней всю жизнь или нет. И сказала, что на Маше я женилась сразу без колебаний потому, что не было в моей душе никаких сомнений, была как раз эта уверенность, что проживу с ней всю жизнь до самого, самого конца. Лена тут же перезвонила Маше, всё переврала, и сказала ей, что я женился на Маше, заранее зная, что проживу с ней ровно десять лет, а потом разведусь: Или у Лены что-то с головой:, или у Маши всё трансформировалось в желаемую обиду?: Не знаю: Эта тема навсегда стала основной для обид, перерастающих в конфликты и Машины истерики: «Ты Лене говорил об этом, она мне сама сказала:», — и Маша в сотый раз начинала цитировать Лену и декламировать никогда не произносимые мной слова.

Лене я никогда этого не прощу: за такую дружескую помощь в наших семейных отношениях:

* * *

Не доходила Лиза в свой садик. Прошло три или четыре месяца, закончилась аренда, и Маша с Лизой переехали в нашу старую квартиру в Тушино. Моя мама заранее начала хлопотать, хотела устроить Лизу в садик, где когда-то работала сама.

Конечно, ей было приятно и помочь нам, и приятно, что ей с радостью помогают на старой работе и помнят её, и, конечно, ей было приятно показать там Лизу. Но Маше надо было всем досадить и в последний момент она отвела её в другой детский сад.

В другой садик она тоже не походила, наступали майские праздники, а за ними лето, а за ним школа и первый класс: «Маша, зачем надо её на один месяц устраивать в сад? Или пусть она тогда в мамин уже доходит, — хороший садик в парке, на каждую группу отдельный домик, бассейн есть:» «Нет, мне далеко ездить, найми мне нянечку, вон Ваны для Максимки наняли и мне найми:» Далеко — это две остановки на трамвае. «Хрен с тобой! Делай, что хочешь», — я решила с Машей не спорить и успокаивала маму: «Не сердись на неё, у неё от развода крыша поехала, пройдет время, она успокоится». Предваряя описание дальнейших событий, скажу — не успокоится. Я даже иногда думаю, надо было разводиться, чтобы так и не избавиться от тех же самых, как и до развода, ежедневных, без единого выходного нервотрепок? Лучше бы жили по-прежнему вместе, чуть-чуть, но было бы всё-таки спокойней. Думаю: и гоню эту мысль прочь.

Заболела мама, заболела серьезно, заболела не неожиданно. Она никогда не отличалась хорошим здоровьем. Каждый день я ругалась с ней и пыталась добиться от нее, чтобы она легла в больницу. «Да, хорошо», — говорила она. — «Вот дождусь пенсию и лягу: через недельку:» Через неделю она говорила: «Праздники пройдут и:».

А потом еще причина и еще…

* * *

Я приехала к бабушке и к маме вечером, бабушка лежала на противопролежневом матрасе, он негромко жужжал, вибрируя и стимулируя этим кровообращение. Я помогла усадить бабушку на импровизированный её унитаз — стул с отверстием посередине и ведром под ним. Когда мы ее поднимали, я заметила маленькое пятнышко на ноге над пяткой, так: совсем небольшое — натёртость или помятость. Но цвета оно было той огромной язвы на спине, того старого мокнущего пролежня. «Неужели еще один. Неужели новый пролежень?» — подумала я.

За пару дней оно увеличилось, увеличилось совсем немного. Потом два дня меня не было, я не заезжала. На следующий позвонила мама: «Приезжай, у бабушки нога вся красная, наверное, тоже пролежень».

Я приехала, было раннее утро, в комнате светло и солнечно: В комнате на виду, никуда не прячась, делала свою работу Смерть. Ей не надо было прятаться в темноте, она работала в любое время дня и в любую погоду. Она впервые пришла в наш дом, но я узнала ее сразу и ее присутствие безошибочно ощутила.

— Вот, смотри, — мама скинула одеяло с бабушкиных ног. Одна нога знакомого мне пурпурного цвета до колена, на другой ноге такое же ползущее вверх пятно до щиколотки: Можно было и не показывать, мне и так было все понятно.

— Мам, бабушка сегодня умрет…

Мама застыла и расплакалась. Я села, как обычно, на диван, бабушка была без сознания. Я поцеловала ее в щеку…теперь я с ней прощалась. Было грустно, но на душе было спокойно. Моя бабушка прожила счастливую жизнь и долгую… Я встала и поправила ее ногу, на ноге так и остались, как на пластилине, вдавленные отпечатки моих пальцев, — нога была совсем безжизненная. «Наверное, это гангрена», — подумала я. Мы с мамой долго сидели молча. Потом я уехала. Она позвонила через несколько часов. Я приехала, приехал и Игорь.

Смерть обрела свою оболочку, теперь ее можно было не ощутить мистически, ее можно было увидеть глазами, она была в моей бабушке, она оставила в ней свою ядовитую частицу. А сама изматывающим тяжелым недугом, или пьяным кухонным ножом, или в миллионах других обличьях уже делала свою работу в других бесчисленных местах. Когда-нибудь мы с тобой встретимся, Смерть… и победа будет на твоей стороне.

На похороны приехал Сергуня, мой двоюродный брат, — сын дяди Сережи. Мой дядя умер уже давно. Сергуня жил в Ленинграде, или, точнее, в Питере, так он стал уже давно называться. Растолстевший, с бородой, он остановился у Игоря. Вика, моя родная сестра, жила в Нью-Йорке и, слава Богу, жива-здорова до сих пор. Она не приехала.

Морг… вывезли гроб… я не узнала бабушку… — вытянувшееся лицо, опавшая кожа… Никто не узнал, все стояли в ожидании, пока не вышел какой-то работник морга: «Чего не забираете?» Все обступили гроб, поплакали, вынесли, погрузили в автобус.

Востряковское кладбище, здесь похоронены мой дед и дядя. По надетым телогрейкам определяем землекопов, дают огромные сани… везем… наша линия… между могилами узкая тропка, — законы советского бытия распространяются на нас и после смерти, для удобства ширину тропинки оставили такой, что гроб могли пронести к могиле только два человека. Игорь с Сергуней наглядно здоровее меня, берут гроб, несут… Здоровый

мускулистый Игорь унесет кого угодно, только гробы подноси, здоровенного Сергуню расквасила спокойная жизнь, он не выдерживает, гроб валится, его поднимают, несут дальше. Кладем перед могилой, все плачут…, землекопы нетерпеливо курят, бросают бычки, это для нас команда, мы в слезах в последний раз целуем бабушку. «Пусть земля тебе будет пухом. Царствие тебе небесное», — всё, что вспоминается из забытых традиций. Ещё… каждый по три горстки земли. Землекопы работают быстро, Игорь дает им деньги. Мы все скинулись, а он неожиданно для меня взял на себя всю организацию похорон. Тогда я впервые увидела, что мой брат давно уже взрослый… в свои уже почти сорок лет.

Холмик свежей земли… И всё.

Глава третья

Я стояла на краю огромной долины. Другим своим краем она спокойным потоком втекала в безбрежный бирюзовый океан. Невероятных размеров алое солнце рисовало на воде такого же цвета широкую полосу. Краснеющий от солнца край неба неправдоподобно для времени позднего заката переходил в густую полуденную синеву. От берега по краю долины росли гигантские деревья, на десятки метров поднимались их узловатые корни ввысь и заканчивались раскидистыми, размеров в грозовую тучу, темно-зелеными кронами. Широкая, вытоптанная, цвета песка тропа пересекала долину и соединялась с сияющей красным огнем дорогой в океане, образуя один единый путь к солнцу. Стадо странного вида животных, загипнотизированное алым небесным светилом настойчиво брело по этой дороге по направлению к своему Богу. Самые большие из них отдаленно напоминали обычных слонов, другие походили на изображения древних ископаемых животных… Не свет закатного инопланетного солнца слепил меня, густые ядовитые краски резали глаза, зачаровывали, возбуждали… Яркая вспышка — самый центр долины пронзила ломанным копьем молния… Всё замерло… Оглушительный грохот — и миллионы странного вида птиц, бесшумно поднявшись с деревьев, изменили цвет неба на черный. Стадо животных замерло на мгновение и, поменяв свое направление, побежало через заросли древних растений к ближайшей кромке леса. Я не была напугана, но, повинуясь своим инстинктам животного, побежала за своим стадом в первобытный лес. Я бежала широкими прыжками, руки противовесом моим ногам размашисто взлетали поочередно вверх. Сознание отставало от быстрого тела, и я видела уже себя со стороны, — стройная, высокая и физически развитая, как с фантастических картинок Boris Valejo*, красивая женщина. Рассекая руки об острые длинные листы, я догоняла своих сородичей в другом своем удивительном мире. С грустью в последний раз я посмотрела на свое загорелое правильное тело, на вздрагивающую от бега большую грудь, на отсутствие члена… Посмотрела с грустью оттого, что уже знала, что я просыпаюсь.

Я открыла глаза: В окне солнце, в ногах кошка, она сидела и намывала гостей. Я полежала еще в постели, удерживая в сознании увиденный мною другой мир. Если бы кто-нибудь из нормальных людей увидел бы мои реалистичные до сумасшествия сны, они бы точно надолго оказались в психиатрической клинике. Мои сны были настолько реалистичны,

как будто я проживала в них вторую жизнь. Останусь в них навсегда… и никогда не вернусь.

— Ты представляешь? Огромные такие деревья!..Корни, как пучки жирных лиан, спускаются к земле, — мы остались с Катей одни в студии, и я пересказывала ей свой сон. — Огромное солнце — не такое, как мы с тобой видели тогда на даче и стояли, удивлялись ему… Еще больше — раз в пять! — мне очень хотелось показать Катюшону это солнце, удивить ее им, я чертила в воздухе большие круги, и сама восхищенно на них смотрела.

— Прямо пейзаж для рекламы Кодака, — прокомментировала насмешливо меня Катя.

— И я красиво бежала к лесу…, - я уже показывала другую сцену из сна и, широко раскидывая ноги, размахивая руками, начала неуклюже скакать на одном месте. — Я бегу…

— Отойди подальше, ты меня сейчас заденешь своей кувалдой.

— У самой у тебя кувалды… И грудь у меня колыхалась, колыхалась…, - романтичным голосом продолжала я свой рассказ.

— Она у тебя и сейчас болтается из стороны в сторону, того глядишь оторвется.

— И эта солнечная дорожка на воде… Я понимала, что это дорога…, не знаю куда, но к чему-то счастливому, меня тянуло идти по ней со всеми…

— Со слониками что ли? — опять ядовито усмехнулась Катя.

— Да, со слониками. Мне с ними было интересней, чем с тобой, — сказала я зло, мне надоел ее издевательский тон.

— Цветные сны снятся только шизофреникам, — и опять демонический, вульгарный смех мне в лицо. — Почему мне не сняться такие сны? — этот вопрос, видимо, должен был меня разоблачить.

— Ты приземленная, по колено в земле, тебе не оторваться в небо. Сырники на ужин — твоя мечта… и поспать, — я совсем разозлилась и обвинительной речью Вышинского* начала сама обличать свою подругу во всех смертных грехах.

— Ты думаешь, ты центр вселенной? — Катя презрительно скривила свои губы. — Я стою в таком же центре и смотрю на тебя и на мир не твоими, а своими глазами. Вот, видишь…я спряталась в своем теле, сделала разрезы для глаз и наблюдаю за всеми и за тобой, — Катя театрально наклонила ко мне лицо, открыла пошире глаза, картинно похлопала ими, по-азиатски сощурила…

Я замерла… Её тело, действительно, было другой вселенной, и в ней, действительно, кто-то прятался с голубыми

насмешливыми глазами, прятался и наблюдал за мной. Как хочется контакта с прекрасными жителями другой вселенной! Я решительно сгребла в охапку инопланетянку, взяла на руки и понесла ее на наш диван из ИКЕИ. Не понравился он мне в этот день, я вернулась к прежнему стулу, поставила Катю на четвереньки и молча выебала… В интересах цивилизаций она пошла со мной на контакт.

* * *

В студию вошел маленький, с длинными прямыми волосами, молодой мужчина… Можно было сказать и парень, но нет, именно мужчина, но косящий под еще молодого парня. Типичный творческий напоказ человек, лицо маленькое и нервное, смущается… Скромный? Так как же ты меня тогда собираешься обмануть, парень? Человек этот по его заявлению по телефону был режиссером, имел солидную фамилию Мосс и вполне обычное имя Володя. Представившись, он очень развернуто и подробно уточнил, что «Мосс» пишется обязательно с двумя «с», уточнил как-то испуганно, как будто одна «с» в его фамилии очень сильно оскорбляла его режиссерское достоинство. Приехал он что-то нам предложить, и я ждала, уже привыкшая к этому, очередного хитрого наебательства. Мобилизованная, я сидела с чашкой чая за столом. Напротив Мосс с двумя «с», и Катя справа. Все тоже с чаем. Коробка конфет на столе.

— Хорошо тут у вас, большая студия: Надо же! Почти, как киношная: — говорил маленький Мосс, и постоянно стыдливо улыбался.

— Ну, да: — комплименты про студию меня давно не трогали, я привыкла к ним, она всем нравилась. — Вы сказали, что хотите снять про нас фильм?

— Да. Я видел ваши фотографии: Вначале увидел их на выставке на Кузнецком мосту: — они меня потрясли. И видел у Синцова каталог ваших работ: У меня уже тогда появилась мысль снять про вас фильм. Талантливые творческие люди всегда интересны:.

Я была другого мнения, я не любила творческих людей с вечным их самолюбованием, с их жизнью в придуманной ими же позе, с обязательно завистливым взглядом на мир: Мне больше нравились простые люди. Человек не ставший к станку, или не занявшийся любым другим созидательным действием, вовсе не обязательно наполнен нестерпимым творческим зудом или тем более не обязательно одарен свыше талантом и гением или

способностью передавать красоту мира каким-либо способом. Скорее всего, этот человек бездельник, он любит спать, есть, испражняться, пользоваться девушками, обманывая их своей несуществующей исключительностью, любит, чтобы она давала его величеству не только секс, а восхищалась его персоной безоговорочно и исступленно и при этом с умилением стирала его заношенные неопределенного цвета носки. Этот человек наполнен страхом перед реальной жизнью и необходимостью думать о завтрашнем дне, то есть о той же самой работе, и распираем несбыточными никогда мечтами о мгновенно продающихся продуктах его «великого» творчества:, так чтобы стояла очередь, а он лениво по полчаса в день выводил бы мазок или строчку, а потом убегал бы пить кофе, сетуя на плохой день — «не пишется»:, потом засыпал, изможденный ожиданием Музы, а потом чего писать — поздно: ужин, телевизор, и опять спать. Ну, и чем может быть интересен творческий человек?

Талантливые люди — это другая категория человеческих существ и их единицы, они иногда интересны, но и они меня утомляли своими разговорами исключительно о себе, и бесконечными попытками затащить меня и всех окружающих в процесс любования их исключительной персоной. Я предпочитаю любоваться пухлыми попами на стройных ножках и другими первоисточниками красоты, и ничего другого для восхищения мне больше не нужно. И интересовало меня сейчас другое, что хочет от меня режиссер. В то, что он хочет снять про нас фильм «за бесплатно», я не верила.

— Ну, это понятно… творческие люди и всё такое: А дальше что? Для Вас какой смысл в этой съёмке? Мы должны будем Вам за это заплатить? — продолжила я выяснять причины его интереса к нам.

— Нет. Зачем же… Это я должен был бы заплатить вам…

— Очень мило, заплатите? — усмехнулась я.

— Нет, заплатить я, конечно, не заплачу, — Володя опять стыдливо опустил голову. — Но вам же тоже будет интересно, если про вас будет снят фильм, и на руках, кроме того, будет профессионально отснятый большой материал. Вы сможете его использовать, если ролик, к примеру, решите делать рекламный:.

Я обрадовалась, что так быстро всё поняла, — он собирается нам потом «впарить» отснятые сюжеты, мы за них всё равно должны будем заплатить. Он будет долго работать, потом он нам покажет, наконец, свой фильм, как это делают обычно в ЗАГСе, показывают снятый про «новобрачных» сюжет:, мы расчувствуемся, как и упомянутые ошалелые новобрачные, видя себя, милых:, и будет к тому же неловко, — ведь человек

трудился много дней, конечно, надо заплатить: и заплатим. Всё мне стало понятно!

— А за весь материал, который Вы отснимете, сколько надо будет заплатить? Вы же монтируете фильм из небольших фрагментов, материала будет гораздо больше? — осторожно спросила я.

— Да, материала будет, конечно, больше. Платить ничего не надо, я Вам всё отдам, если Вы согласитесь сниматься, — ещё раз подтвердил свои бескорыстные намерения Владимир Мосс.

— Да? — я опять ничего не понимала, и мне нечего было сказать. Я замолчала. Продолжила Катя:

— У Вас же всё-таки должен быть какой-то интерес? Вы снимаете, производите трудозатраты и материальные затраты тоже, наверное. Вы же рассчитываете за это что-то получить? Или Вы такой альтруист? — Катя засмеялась.

Режиссер помялся, помычал, на лице та же стыдливая улыбка и прячущийся взгляд: и ответил.

— Есть, конечно, и собственные интересы: Сразу скажу, вам ничего ни на каком этапе платить ни за что не придётся. Возможно, я смогу продать этот фильм на один французский канал, у меня есть такая договоренность, если, конечно, он получится таким, каким я его сейчас представляю. Может быть, и на какой-нибудь российский тоже. Про это пока не знаю: это как получится. Мне нужно будет несколько дней для съемок:

— Несколько дней? — удивились мы с Катей. Теперь нам было жалко уже не денег, а своего времени. — Ничего себе! А зачем так долго?

— Не пугайтесь. Это же не с утра до вечера: И я буду приезжать только тогда, когда вам это будет удобно. Хорошо?

— А что: мне интересно, — согласилась Катя. — Посмотрим на себя со стороны.

— Ты красотка, ты точно хорошо выйдешь. А я? Я плохо получаюсь даже на фотографиях, — я заныла, но уже не отказывалась. И мы с ним договорились.

— Я тогда напишу сценарий, нарисую раскадровки и заеду ещё.

— Так всё серьёзно? — опять удивились мы.

— Ну, а как же вы думаете?

— А общая концепция какая? — поинтересовалась я о будущем фильме.

— Я думаю снять фильм: — Володя задумчиво очень по-режиссерски запрокинул голову, а его взгляд поверх нас поддержал эту позу его творческого напряжения, — я думаю снять фильм, как историю одной фотографии.

— А мы причем? — не совсем поняли мы.

— А фотография эта будет вашим автопортретом. Вы просыпаетесь: Я снимаю Катю, как она чистит зубы, готовит завтрак:

— Утром я страшная, утром меня снимать не надо. Пока я не накрашусь, я в кадре не появлюсь, — возмутилась Катя.

— Ты можешь накраситься и делать вид, что чистишь зубы. Что ты прямо: — одернула я Катю.

— Конечно, накраситесь: всё, как Вам хочется, — Володя опять стыдливо заулыбался. — Сейчас мы только общую линию проговорим, чтобы понятна была общая картина. Ок? А дальше всё, как сами хотите.

— Ок, ок: И что дальше? — уже с интересом спрашивали мы.

— А Вы, — он повернул голову ко мне, — Будете как будто ехать на машине:

— Я могу и не как будто.

— Ну, да: Я имею в виду, едете Вы на машине, заезжаете за Катей, едете дальше: и готовитесь к съемке, — продолжил Мосс. — Как вы обычно к ней готовитесь?

— Едим где-нибудь, — не задумываясь, хором ответили мы, это единственное, что мы вспомнили о нашей подготовке к съёмкам.

— Ну, это понятно. А потом?

— Продукты к съемке покупаем.

— Нет. Я имею ввиду — костюмы какие-нибудь выбираете, еще что-нибудь?

— А-а!? — это звучало для нас скучней и неинтересней, чем священная для нас в любой момент еда. — Ничего не выбираем. Что выбирать? Мы рекламу в основном снимаем. Уже и так обычно всё отобрано-подобрано, и всё утверждено у клиента. Вот чтобы поесть было на съемке — это да, это наша забота.

— Да:? — Володя был обескуражен такой прозаичностью. — Ну, может быть, можно что-нибудь придумать, чтобы смотрелось интересней?

— Можно заехать в Большой театр в костюмерные, вроде костюмы мы там выбираем, — предложила находчивая Катя. — У нас там знакомый работает, — подтвердила я.

— Отлично, — обрадовался Мосс. — А там снимать разрешат?

— Разрешат, он договорится, — уверенно сказала я.

— Отлично. Значит, следующая мизансцена такая:

— Чего… чего…? — слово «мизансцена» прозвучало смешно.

— Мизансцена… ну, говорят так обычно, — смутился Володя и даже покраснел. — Значит, мизансцена такая — вы приезжаете

с костюмами в студию, и с вами здесь уже работает гример…

— Стилист, — поправила я.

— Да, стилист. У нас в кино гример это обычно называется. У вас есть хороший стилист?

— Ну, есть… Пригласим кого-нибудь, если что. А дальше то?

— Надо выбрать уже снятую вами фотографию — ваш автопортрет и снимать, как будто снимаем его. Есть такой? Я видел где-то ваш автопортрет: Катя, как ведьма на нём, а Вы в белом платье.

— Это в жизни она как ведьма, а там она добрая фея. А на мне не платье, а ночная рубашка с блёстками.

— Да? Похоже на вечернее платье, — удивился режиссёр.

— Я тебе сейчас дам ведьму — мало не покажется. Это кто ведьма? — гневно возмутилась Катя.

— Господи! Катенька, я пошутил. Сказал же — фея…, добрая фея. Что тебе ещё надо?

— Потом поговорим, — Катя, сверкая своими еврейскими глазками, зло откинулась в кресле.

Автопортрет этот висел тут же на стене, и мы его показали. На нем я достаточно женственная, с почему-то широкими бедрами и узкими плечиками, в шикарной ночной рубашке на тоненьких бретельках, она действительно была похожа на вечернее платье, иди в нем хоть на вручение «Оскара». Но в фильмах я не снималась, поэтому уже долго скромно висела в этом «вечернем платье» на стене нашей студии. Катя вся в черном, стоящая на табуретке за мной, на ней непропорционально длинная юбка, скрывающая и ноги, и табурет, как будто она действительно ведьма, начинающая взлетать надо мной, её жертвой. Лицо её с соответствующим её ведьминскому положению гримом, он её не украсил, красивая Катя на этой фотографии выглядела рядовой ведьмакой. Она от этого злилась уже два года, ровно столько, сколько висел этот наш автопортрет на стене.

— Здорово! — я была довольна, на этой фотке я себе нравилась.

— Нет, не здорово. Я здесь страшная, я хочу выглядеть красивой, — обиделась на выбранную фотографию Катя.

— Катя, снимать же будут нас в основном в процессе съемки, а эта фотография мелькнет в кадре только в конце. Какая разница? — пыталась я её успокоить и уговорить именно на эту фотку.

— Катя, Вы зря волнуетесь. Вы и на этой фотографии выглядите симпатично, и сниму я Вас красиво, — ласковым голосом вставил маленький Мосс.

— Ладно, не буду спорить. Вечно ты делаешь так, как тебе удобней и лучше.

Я промолчала. Мы посидели ещё чуть-чуть с Владимиром Моссом и разбежались.

* * *

— Абрамова Георгия будьте любезны.

— Представьтесь, пожалуйста, — я назвалась, музыка для ожидания…

— Алло! Привет, Борь!

— Георгий, привет! Звоню по очень щекотливому вопросу, — не зная с чего начать, всё же начала я.

— Опять гайморит?

— А что щекотливого в гайморите? В носу щекочет? — усмехнулась я.

— Ну, не знаю. Он же вроде бы был недавно у тебя. Сам же звонил, просил ЛОРа хорошего найти, — работал Георгий в большой компании начальником местного медицинского центра и при этом увлекался фотографией. Ему было интересно разговаривать со мной о фотоискусстве, мне с ним консультироваться о болезнях. Георгию я звонила по нарастающей — то просто насморк, потом гайморит, потом еще к нему обращалась по какому-то поводу посерьезней. И вот теперь…

— Нет, Георгий, не гайморит. Мне нужен сексопатолог, и не просто какой-нибудь, а из НИИ им. Ганнушкина. У тебя есть там знакомые?

— Ну, найти всегда можно кого-нибудь? А почему именно оттуда? И зачем тебе вообще сексопатолог? Э-э-э… — Георгий хотел пошутить, но на всякий случай воздержался.

— Ох, Георгий, — я вздохнула. — Стыдно признаться, но у меня транссексуальные наклонности. Хочу хоть раз проконсультироваться у специалиста.

— Да, ничего, ничего: Проконсультироваться — это всегда правильно: — он помолчал. — Гормоны уже принимаешь?

— Ну, да.

— Надо же! Это, действительно, не гайморит. А чего ты не можешь просто поехать туда и записаться на приём?

— Я уже поехал в одно место, хватит: Теперь я хочу только через знакомых. Или хотя бы узнать к кому лучше пойти. И я не хочу идти на прием к мужчине.

— Почему это? — Георгию стало обидно, он тоже был

врачом-мужчиной.

— Потому: Георгий, отстань, — я не могла внятно это объяснить и обижать его тоже не хотелось.

— Ладно, узнаю. У меня была женщина знакомая оттуда, но она из отделения наркологии. Мне она, кстати, нравилась. Красивая: — мечтательно произнёс он.

— Молодая? — спросила я с живым интересом.

— Ну, так: моложе меня.

— И что, роман у вас был?

— Нет, не было. Я женат, она замужем: Она, кстати, хорошо получает там в наркологии. Алкоголики, наркоманы: среди них всегда найдутся богатые. Бешеные деньги они там гребут. Ладно, будет повод ей позвонить. Перезвоню сейчас тебе, — и перезвонил.

— Договорился, записывай.

— Ну, а как твоя любовь-морковь? — спросила я.

— Да: Просто поболтали пять минут. Я ей, по-моему, безразличен: хрен с ней. Значит, так: Тебе надо позвонить по телефону, попросить Елену Васильевну и сказать ей, что звонишь от Андреевой Натальи Юрьевны.

— Андреева — это твоя знакомая что ли?

— Да, она звонила этой бабе, ну, этой, я тебе уже сказал имя и отчество. И сказала, что ты позвонишь записаться.

— А к кому?

— Она тебе скажет, кто лучше.

— Спасибо тебе, Георгий.

— Не за что, для такого дела рад был помочь, — он хихикнул.

Я готовилась и настраивалась позвонить записаться к врачу целый час, настолько мне было неловко и стыдно опять произносить фразу, — «я чувствую себя женщиной». Я держала телефонную трубку весь этот час в руках и чувствовала себя «круглой» идиоткой.

Наконец, набираю, заикающимся от волнения голосом: «Здравствуйте!».

— Здравствуйте! — бодро и вежливо, приятный женский голос:

— Будьте любезны, Елену Васильевну:

— Елену Алексеевну, — поправил меня уже строго тот же голос.

— Ой, извините, ради Бога, — «Какой ужас!» — думала я, только позвонила и уже перепутала, как ее зовут. Я готова была провалиться сквозь землю. — Извините, мне только что продиктовали Ваше имя и отчество. Я, наверное, неправильно записал, извините:, - я бы, наверное, произнесла «извините» еще

сотню раз, но добрая Елена Алексеевна смилостивилась:

— Ладно, ничего страшного. Что Вы хотели?

— Елена Алексеевна, — я произнесла ее имя с отчеством, тщательно выговаривая по буквам, я хотела реабилитироваться в ее глазах. — Елена Алексеевна, я хочу записаться к сексопатологу. Может быть, Вы порекомендуете кого-нибудь?

— Так-так-так, — пауза. — А по какому вопросу?

— У меня транссексуальные наклонности:

— Это как это? — неожиданно спросила она.

— Ну:, я чувствую себя женщиной. Я хочу записаться к врачу, который специализируется на этом вопросе:

— То есть, Вы хотите пол сменить?

— Ну, не совсем так. Я хочу просто проконсультироваться.

— А Вы какой номер набрали?

— 963-12-… - я назвала из своей записной книжки номер. — Я попала в другое отделение?

— Вы попали в квартиру. Набирайте внимательней номер: и не сходите с ума.

— Извините, — только сумела сказать я.

Я набрала внимательно еще раз этот номер. Весь возможный позор я уже пережила, звонила я поэтому абсолютно спокойная без малейших волнений.

— Здравствуйте, Елену Васильевну будьте любезны, — по новому кругу начала я.

— Здравствуйте, это я, — меня не послали на хуй, но голос этот был того самого охранника из центра репродукции на Иваньковском, я его безошибочно узнала. В этот раз он был женским, звучащим совсем по-другому, но это был именно тот голос того, стриженного ежиком собирательного образа всех наших ебанных совковых услуг.

— Мне телефон дала Андреева Наталья Юрьевна:

— А-а? Да, да, она мне звонила, — голос ее смягчился, но скудная порция уважения в ее голосе пролетела мимо меня, она предназначалась доктору Андреевой из соседнего отделения, мне же предназначались следующие слова, они меня уже торопили, я не укладывалась в десятисекундный норматив разговора с клиентом. — Так, и что Вы хотели?

-:она сказала, что Вы можете порекомендовать нужного мне врача и записать к нему.

— Да, пожалуйста. С какой проблемой Вы хотели обратиться, что мне записать?

— Ну, у меня не то, что проблема:

— Обращаетесь — значит, проблема.

— Ну, да, наверное, так. У меня транссексуальные

наклонности:

— А? Значит, пишу — смена пола, — «смена пола» Елена Васильевна произнесла по буквам, уже записывая это в регистрационный журнал.

— Нет, пол я менять не хочу, — испугалась я. — Я хочу просто проконсультироваться:

— Вы чувствуете себя женщиной? — спросила Елена Васильевна уже с явным раздражением. Прямо поставленный вот так вот вопрос всегда ставил меня в замешательство. Кем я себя чувствую — я не знала. Для официальных случаев я давно выбрала мягкую обтекаемую формулировку — «у меня транссексуальные наклонности». Сказать, что я женщина или самой повесить себе ярлык «я транссексуалка», у меня никогда не поворачивался язык. Также как и называть себя в женском роде я чаще всего не могла, я чувствовала себя при этом как бы выпрашивающей одолжения, неполноценной и не заслуживающей этой оценки — «я женщина». Я иногда путалась в родах, но это бывало нечасто. Я могла с Катей свободно разговаривать об этом и пугать ее отрезанными пипиками: с другими нет.

— Ну, да, чувствую, конечно:, но я пока хочу только проконсультироваться.

— Чувствуете, значит, уже записала — «смена пола».

— Ну, не совсем так:

— Вы будете записываться или нет? Вы отнимаете мое время.

— Да, хорошо, запишите — «смена пола», — я решила не спорить, смена, так смена. — А к какому врачу Вы меня записали, — я спросила в надежде узнать по фамилии мужчина или женщина будет меня принимать, я уже боялась задавать лишние вопросы.

— Записала я Вас к Рузгис, — ответила мне любезная Елена Васильевна.

Тьфу, блядь, хуевый день, по фамилии ничего не поймешь, идти на прием опять к мужику мне не хотелось.

— Извините, Елена Васильевна, это мужчина или женщина?

— А Вам какая разница? — ну, вот, я не ошиблась, Елена Васильевна уже дословно цитировала своего братка-охранника. Почему все они, как с конвейера, так похожи друг на друга своим хамством. Почему я, как пациент, не могу узнать, кто меня будет принимать, в чём здесь военная тайна, блядь.

— Мне бы хотелось попасть на прием к женщине, мне так проще, — всё ещё мягким голосом обращалась я к уважаемой Елене Васильевне, про себя вставляя через каждое слово пятиэтажное нецензурное выражение. Пятиэтажное? Это описка! Небоскребы мата вырастали у меня на языке, готовые обрушиться

на эту ебанную медсестру из психушки.

— У нас всеми транссексуалами занимаются только женщины, у врачей-мужчин не хватает на вас терпения, — блядь, терпение надо иметь — пережить такой несложный с виду процесс, как запись к врачу. Невротизированная хуевой жизнью, милая Елена Васильевна почему-то делала этот процесс невыносимым. А получала она деньги, чтобы как раз отвечать на такие и другие разные вопросы пациентов, работала она в регистратуре. — Женщина будет Вас принимать, успокойтесь.

Я была спокойна, мы договорились о дне и времени приема.

* * *

Приехал нас снимать Володя Мосс. С ним осветитель и оператор. Вносят большие сумки, грохнули об пол штативы — всё солидно. Я уже знала, что учится товарищ Мосс во ВГИКе, и снимает он нас для своей дипломной работы. Не быть нам звездами французского телеэкрана, французский канал был здесь абсолютно не причём. Рассказал нам об этом Сергей Синцов, который, оказывается, хорошо знал Володю Мо: — нет, не Мосса, фамилия Мосейкин была у молодого режиссёра. Конечно, я позлилась: «Почему надо было врать про французский канал, почему нельзя было сразу честно сказать, что это работа для диплома? И это его дурацкое волнение за две буквы „с“ в Моссе: Что за цирк!?» Но Володя, теперь уже Мосейкин, был хорошим человеком, — это было видно сразу, и человеком, очень увлеченным своей профессией, — это тоже было видно сразу. Хорошее сочетание! Я отнеслась к нему с уважением. Мучил он нас целый день. Мучил он нас и много других дней в будущем. Начал он зимой, закончил почти летом.

Приехал Аслан с Аликом. Аслан стилист, скажу даже суперстилист. Работали мы и со многими другими его коллегами на протяжении продолжительной и очень активной своей рабочей жизни. Многие выёбывались больше, прямо лезли из кожи вон, «растопыривая пальцы» и разводя перед честным народом понты, но были хуже, во много крат хуже. Аслан с Аликом моднющие всегда, обращающие внимание на себя в любом месте и заставляющие на себя обернуться и подивиться будущей моде:, будущей потому, что были они немного впереди планеты всей или, если выразиться скромнее, подавляющего большинства тусующейся модной части населения города Москвы.

Мы бледными мышками на их фоне находились в кадре. Зачем? Потом, просматривая кассету, наше присутствие в этом

фильме у всех вызывало недоумение: Да, мы действительно проснулись, я ехала на машине, Катя в своей самой боевой раскраске чистила зубы. Выглядели мы при этом напуганными и пришибленными пыльным мешком из-за угла. Много внимания было уделено машине, её сняли со всех сторон и неоднократно — я еду; я выхожу из машины; сажусь; мою, поливая из шланга; копаюсь в багажнике: Зачем?

И: в фильм врываются настоящие герои, модные и современные, красивые и знающие, что с нами делать, безнадёжно невзрачными и растеряно озирающимися по сторонам перед объективом камеры.

Мы большой компанией смотрели на даче отснятый фильм, как бы премьера, и истерически смеялись до слез. На меня еле-еле одели привезенный Асланом корсет, они с Аликом так его затянули, что чуть не вылезли мои кишки наружу. Черное вечернее платье одели, как длинную юбку: Туфли на огромной шпильке: На мою голову выдавили большой тюбик геля для фиксации волос, и Аслан сделал на ней прилипшими волнами прическу, окружив её чёрными перьями, — а-ля «Вера Холодная». Макияж под стать этому образу — черные круги под глазами, то ли холера, то ли по роже надавали: Я посмотрела тогда в зеркало: — творчески, креативно, концептуально, называй это как хочешь, но выглядела я абсолютной страхолюдиной. Голова и особенно лицо выделилось:, и без того большое, оно увеличилось в два: нет в три раза оно раздулось из-под перьев! Корсет тисками сдавил мою грудь и живот, выдавливая моё содержимое в две свои стороны, живот заболел тут же, и стойкая колика отразилась на моем лице с синяками: Кате тоже не повезло. Ей приклеили бороду, одели сюртук и цилиндр, — настоящий мужик, только очень маленький и очень мудаковатый. Ну, а что делать? Менять было что-то уже поздно, я плюнула на возможно упущенную свою красоту в этом фильме, смирилась и не возникала. Мы встали вместе — огромная «Вера холодная» из страны Гулливеров и маленький бородатый мудак в цилиндре. Ради этого снимался фильм?: несколько месяцев?

* * *

Очень удачно мы опять начали ремонт в студии, точнее продолжили. Студия имела семиметровые потолки. В предыдущий ремонт с помощью украинских рабочих, мы «разбили» половину ее площади на два уровня. Наверху у нас находилась офисная часть и кухня, а внизу мы снимали. Теперь

мы хотели по всему периметру сделать узкий балкон, чтобы сваливать туда остающееся от съемок барахло — декорации и всякую другую ерунду. Денег не было.

— Ну, может быть, ты хотя бы частично сделаешь что-то сама, — произнесла Катя с надеждой, что балкон появиться сам или только моими строительными усилиями.

— А как ты себе это представляешь? Здесь надо неделю кувалдой долбить, вбивать куски арматуры в стену, а потом к ним все приваривать.

— Но ведь сварка у нас есть, — с укоризной сказала Катя.

— А ты думаешь, я умею варить? Я варила один раз в армии, и то мне было просто интересно попробовать. Так ткнула пару раз электродом, посмотрела на огонек и пошла дальше, — вспомнила я свой действительно один-единственный подобный опыт:.

Что-то сваривал рядовой Романов из моего взвода, он вообще был мастером на все руки, одну из них отрезало у него чуть позже циркулярной пилой, и мастером на все руки он быть перестал: и его комиссовали. Отрезало руку ему потому, что больше других он умел и поэтому больше других работал. Бездельникам ничего не отрезало. Ефрейтор Юлдашев только один раз дал по яйцам тупому хохлу Колесникову, было их два брата-акробата, два близнеца, один тупее другого. Тоже было ЧП во всей нашей костромской ракетной дивизии, с отбитыми яйцами того тоже чуть не комиссовали. А тогда я остановилась возле Романова, щурясь на сверкающую голубым электрическую дугу. «Ну-ка, отойди». Я одела маску, ткнула электродом в абсолютную за маской черноту: и тут же прожгла дырку в стратегически чрезвычайно важной для нашей части какой-то гнилой трубе. «Ой! Я, по-моему, мимо!» — не очень виновато оценила я свою работу. «Ничего, товарищ сержант, заварю дырочку». «Извини, Романов», — я пожала плечами, сморкнулась в сторону, повошкалась здесь и там, помытая хозяйственным мылом аж целую неделю назад: и пошла дальше осматривать, вверенный мне государством объект.

— Попробуй еще разок, — Катя томно развалилась на диване, нога на ногу, одной из них покачивала, бедра мягким кругом: глаза, сучка, сделала при этом голубыми и блядскими.

И: я опять ее выебала: и на следующий день размахивала огромной кувалдой.

Предварительно высверлив огромным перфоратором с полуметровым сверлом дырки в стене, я вбивала шестнадцатимиллиметровые по тридцать сантиметров куски арматуры. Вбила их сорок штук и все за один день. На следующий день я решила быстренько всё к ним приварить. Я надела

страшную маску с прямоугольным стеклышком посередине, ни хрена не видать, как в них работают сварщики, не представляю. Я поискала и нашла темные солнечные очки, я думала беречь надо только глаза, одела их и начала бодро работать. Катя что-то держала и помогала мне, отворачиваясь от света сварки, потом ей надоело, и она ушла домой.

Нужны были «вторые руки», и я позвонила своему дружбану Кузе. На «Кузю» — мой друг Сергей Кузнецов страшно обижался, но года за три привык, начал отзываться и гневно возмущаться перестал. Был он фотографом, не оцениваю и не комментирую эту область его деятельности: И был он художником, художником настоящим, талантливым и свободным.

Помню недавние телевизионные интервью с выставки Энди Уорхолла*, проходящей в Москве. Абсолютно все дружно начинали своё интервью, говоря об этом американском деятеле — «это по-настоящему свободный художник», с этой фразы начинал чуть ли не каждый. «Ну, какой же он, на хрен, свободный художник?» — возмущалась я, слушая несколько дней эти репортажи. Если всё это его «искусство» изначально производилось им исключительно на продажу, если он в муках и депрессиях лез из кожи, — «как бы ещё так извернуться, чтобы на меня обратили внимание»: — то, конечно, я не считаю это искусством, и мне скучны и абсолютно не интересны произведения Уорхолла. Сама по себе эта продажность абсолютно не страшна и не преступна и не исключает присутствия искусства в продаваемом произведении, так как продажность справедливо можно расценивать, как успех и востребованность, а, значит, это говорит в какой-то степени о качестве этого успешно продающегося творения. Но, когда изначально целью искусства болезненно ставят перед собой его обязательную и громкую продажу: — это, блядь, совсем не искусство, а полная и абсолютная хуйня и наебательство дурного народа, неважно, американского, русского или какого-то другого! Душа должна быть в искусстве, пусть и с надеждой продать её подороже, но обязательно душа должна наполнить нотки, строчки, холстики:, не получается без души делать искусство, и никогда и ни у кого не получится, другого способа делать искусство ещё не придумали. Обмануть можно, что и проделал успешно американский товарищ Энди Уорхолл.

И считала я так потому, что знала я по-настоящему свободного художника Кузю или в этот раз в угоду ему важно назову его Сергеем Кузнецовым. Писал он свои полотна без оглядки на рубль и другие бумажки, без оглядки даже на будущего зрителя: Что он видел вокруг себя, или в себе, или в

других: — всё это ложилось на его холсты. И были они красивы:, иногда грубы, иногда странноваты и непонятны, но были они свободны, как парящие в небе птицы, были они свободны, как и он сам, лысый и седой уже, свободный ото всего мира человек. По этим же причинам общаться с ним было чрезвычайно трудно, его не проданная ещё гениальность не сделала его упорядоченным и организованным человеком, и хаос из его головы мощными вихрями окружал его, и я часто обходила его стороной, стараясь не стать жертвой его беспорядочной жизни. Но нужны были вторые руки, и я ему позвонила:

— Кузенька!: — ласково начала я.

— Какой я тебе Кузенька!? — рявкнул на меня он.

— Сергей, ты мне не поможешь, я тут железяки привариваю:

— Электросваркой? Сам что ли? Ты варить умеешь? — удивился Серёга.

— Не умею, но варю. Мне помочь надо: подержать. Не подержишь?

— А когда надо?

— Сейчас, — ответила я. — Я хочу за пару дней закончить. А то съёмки намечаются, а мы работать не можем, вся студия металлом завалена.

— Заезжай тогда за мной, — согласился помочь мне Серега. — Я только сейчас с девушкой, но она уже собирается, уезжает. Заодно копчённой рыбы поешь, я сам закоптил только что.

— Как закоптил? А где? — удивилась я. Я представляла процесс копчения сложным и несовместимым с квартирными условиями занятием.

— Коптильню купил и закоптил, — ответил Серёга, как будто носки постирал.

— У тебя же даже балкона нет. Когда коптят, дым же вроде идёт?

— Я форточку открыл и нормально.

— Ничего себе. А у тебя сейчас Катя Воронцова? — поинтересовалась я. Катя Воронцова была постоянной девушкой Сергея уже несколько лет, но вскоре они расстанутся. Кате надоест неуправляемость, непредсказуемость, неорганизованность своего молодого человека, которому к тому же было уже за сорок пять, а самой ей было на двадцать лет меньше.

— Нет, не Катя. Катька злая стала в последнее время: Да ну её. Анька у меня в гостях, познакомились недавно на выставке.

— И что, опять молодая? — спросила я. Девушки у Сергея были все до двадцати трёх включительно, Катя Воронцова была

исключением, превысив этот возрастной порог на целых два года. Что они находили в немолодом уже Сереге? Черт его знает. Может быть, все девушки мечтают стать Музой и, видя художника, ложатся с этой целью в постель с ним. Становятся они таким образом Музами или нет? Надо будет спросить их. — И что, опять молодая? — спросила я, зная уже ответ.

— Двадцать два года: — небрежно и без уважения к девичьей свежести, что-то жуя, ответил Сергей.

— Как тебе удается так? — позавидовала я. — Где ты с ними знакомишься? И почему такие молоденькие липнут к тебе всегда?

— Хуй их знает: Поебаться хотят, вот и липнут, — продолжал жевать Кузя, явно не ценящий, как бы этого следовало, эти свои удачи на любовном малолетнем фронте.

— Ты же не единственный, почему именно к тебе? — не могла я всё-таки понять этого его успеха. — Вот ты, зараза! Прямо расстраиваюсь от зависти.

— Да ладно, заезжай давай.

Я заехала. Жил Кузнецов недалеко от меня на улице Флотской в когда-то считавшейся трёхкомнатной квартире, разрушенной им настолько основательно, что количество комнат подсчитать теперь было нельзя:, их не было, но оставались руины стен то здесь, то там. «Последний день Помпеи» не меньше, изображала эта несчастная квартира. Но Серёга упорно называл этот процесс разрушения ремонтом и даже ремонтом, подходящим уже к концу. Имел в виду он конец Света? Возможно: я его не понимаю и даже не пытаюсь. Следы разрушений присутствовали на каждом квадратном метре, и с годами они разрастались, сужая и без того почти не оставшееся для жизни пространство. Стен, в привычном человеческом понимании, не существовало, их не было даже вокруг туалета, то есть одна стена случайно осталась стоять вместе с дверью в санузел, но с других сторон света всем предлагалось для обозрения писающие и какающие гости, таковых поэтому никогда не было, захотели пописать — пора Вам домой, не хрена рассиживаться по целому дню у Сереги в гостях. Сергей, конечно, оправдывался, обещая вместо туалетных стен возвести огромный аквариум, но пока только разруха окружала и туалет, и всё остальное. Мебели почти не было тоже, её заменяли неожиданные предметы, значение которых понимал только сам хозяин этой квартиры.

— Привет! Меня Борис зовут, — представилась я действительно молодой и симпатичной девушке, неудобно сидевшей на неожиданном для городской квартиры кряжистом дремучем пне.

— Меня Аня, — улыбнулась она, показав хорошие зубы и

приятную улыбку. Я ещё больше разозлилась и позавидовала Серёге. Вот он: стоит рядом — длинный, лысый, форма черепа чрезвычайно необычная, вытянутая яйцом неизвестной птицы — гуманоид, блядь! Ну, что она в нём нашла!? Глаза голубые, но очень светлые, брови вздёрнутые высокой дугой, носогубные складки острые, режущие лицо и подчеркивающие его абсолютное сходство с чёртом: Не с тем чёртом, которого обычно изображает на киноэкране Роберт де Ниро* или ещё кто-нибудь с симпатичным и известным на весь мир лицом, а с чёртом, которого обычно рисуют на страшных картинках, с хвостом и копытами и животной шерсткой, покрывающую нижнюю часть тела. Хвоста и копыт у Кузи не было, а вот дьявольское лицо наглядно присутствовало, вот оно сладко лыбится передо мной, обожравшись копчённой рыбой и вдоволь наебавшись с молодой пиздой. «Гуманоид, блядь! Ну, что она в нём нашла!?» — справедливо злилась я ещё больше. — «Ну, чем он ей мог понравиться?» — не могла понять я.

— Рыбу будешь? — спросил меня Сергей.

— Нет, не хочу. Знаю я тебя, присяду сейчас и всё, застряну на целый день.

— Я уже положил, попробуй, — он поставил передо мной тарелку на старый, возраста пня, сундук.

— О-о-ох! — я вздохнула от бессилия бороться со своим другом и быстро съела вкусную рыбу. Потом мы выпили чай, потом Аня всё-таки собралась и ушла, и мы ещё выпили чай, но уже отравленный моим бесконечным нытьём о потерянном времени, о ремонте нашей мастерской, о Сергеевском распиздяйстве:, но оно не помешало второму чаепитию разморить нас окончательно, и мы долго ещё, разбухшие от съеденного и выпитого, сидели на чём-то неизвестном и обсуждали Аню и ещё каких-то Серегеевых баб. Наконец, Сергей, начал собираться, он ходил потерянный среди своей же разрухи и не мог найти ни одной пары носков.

— Сергей, ну, давай ты быстрей, — начала раздражаться я. — Одевай уже что-нибудь. Времени нет, я же приехал, чтобы ускорить работу, а не ждать тебя до ночи.

— Так я вообще никаких носков не вижу, матушка, наверное, приходила, убрала их на место.

— А где их место?

— В шкафу, наверное: Пойду посмотрю, — одна территория, похожая на комнату всё-таки была, она находилась за углом, и образовывали её стены к соседям, их, к счастью, снести было нельзя. И мебели там было завались, она, рассредоточенная раньше до «ремонта» по углам и стенам всей квартиры, теперь вся

была плотно свалена за этим углом и потому была бесполезна. Серега втиснулся в щель, запустил куда-то руку и вытащил на свет божий вязанку носков, выдернул из неё мрачную серую пару и вылез обратно. Скоро он был окончательно одет, но упорно не шёл за мной к выходу: «Сейчас: сейчас: ещё минутку:» — бурчал он, и такой же потерянный, как без носков, ходил кругами по квартире.

— Сергей, всё, я уже пошёл на улицу, в машине буду ждать. Давай быстрее, надоело уже, — и я, чтобы ускорить Серегу, действительно пошла ждать его в машину. Я включила музыку и попыталась успокоиться: и успокоилась — не нервнобольная же я. Прошло десять минут, я позвонила со своего мобильного дружбану Сереге.

— Сергей, ну ты где? Сколько можно?

— Выхожу уже, всё, в дверях стою, — ответил мне Сергей.

Жду ещё десять минут и звоню опять.

— Кузя, блядь, где ты? Ну, заебал ты. Ты же сказал, выходишь:

— Да выхожу уже, позвонили мне, разговаривал. Бегу.

Я сделала музыку погромче и стала в терапевтических целях даже напевать — мне помогло, и я опять успокоилась, но этого хватило на следующие десять минут.

— Кузя, пошёл на хуй, я уезжаю: спасибо за помощь: — ещё раз позвонила я попрощаться.

— Всё, бегу — ответил Кузя и действительно появился в подъездных дверях. Жил он в длиннющем доме, машину я поставила у его начала, и теперь я в бешенстве наблюдала за неторопливо идущей фигуркой Кузи, одетую в серое унылое пальто, совершающую этот неблизкий путь. Не дошедши нескольких шагов до машины, он развернулся и таким же неторопливым шагом двинулся обратно. Еб его мать! Я была взбешена.

— Куда ты? — крикнула я, высунувшись из машины.

Но он меня не слышал, он шёл весь в своих мыслях, и никого не было рядом с ним в его особенном мире. Он вошел в подъезд и вскоре появился вновь. Вышел он в огромном потёртом песочного цвета тулупе и такой же потрепанной шапке-ушанке «почтальона Печкина», не хватало ему берданки за плечи охранять колхозное поле от своих же колхозников. Моё истеричное раздражение сменилось таким же истеричным смехом, я не могла злиться на Кузнецова, он был существом другого биологического вида. Что с него взять, гениального гуманоида?

— А я чего-то на улицу вышел, и мне холодно показалось, решил тулупчик одеть. Вот и вернулся по быстрому, — объяснил

Серега, еле уместившись в немаленькой американской машине в своем колхозном тулупе.

Я решила не злиться и промолчала.

— А меня сегодня Лёлька приглашала в гости, — продолжил Сергей.

— Кузя, езжай куда хочешь, последний раз с тобой связалась: — оговорилась я и тут же себя поправила, — связался.

— Я еду помогать тебе, я же обещал: вот, еду, — Сергей помолчал. — А чего ты не хочешь съездить со мной к Лёльке? Классная баба!

— А что мне до твоей бабы? Мне работать надо, студию доделывать.

— А она уже не моя, мы уже года два сексом не занимаемся. Это моя бывшая тёлка, теперь мы просто так иногда встречаемся.

— Симпатичная? — спросила я.

— Я же говорю классная. Жопа — во! — и Кузя в воздухе двумя руками нарисовал два красивых изгиба, приятно расширяющиеся книзу и затем плавно сужающиеся… дальше рисунок обрывался. Художник — знает своё дело!

— Да?: Хорошая жопа! — сказала я, как будто мне показали фотографию.

— Поехали, я самогона взял, — и Кузя, отогнув край тулупа, показал горлышко литровой бутылки.

— Господи, боже мой! Как она там уместилась? — я даже вздрогнула, я не сразу поняла, что нацелилось на меня из его меховой за пазухи.

— А здесь карман такой вместительный, — и Сергей вытащил всю бутылку, продемонстрировав возможности потайного карманчика.

— Ты же ко мне ехал, зачем ты взял самогон, если ты знаешь, что я вообще не пью?

— Так, на всякий случай, думал, вдруг всё-таки к Лёльке заскочим.

— Тьфу, блядь! На хуй я тебе позвонила: Ладно, поехали к твоей Лёльке, всё равно от тебя толку никакого, — неожиданно согласилась я на его Лёльку.

Лёлька жила на Сретенке. Мы купили фруктов и что-то к чаю, и я высунулась из-за тулупа Кузи уже в её квартире.

— Здрасьте!

— Привет! Проходите, — поздоровалась Лёля.

Мы разделись и вошли. Бывшая Серёгина девушка, оказывается, несколько раз удачно выходила замуж, предыдущий муж был миллионером, и она после развода отсудила у него всё, что могла отсудить по полной программе. Муж данного момента

был французом, тоже миллионером и не присутствовал, видимо, повседневно в жизни многомужней роковой Лёльки.

— А как же вы занимались с ней сексом, если она давно уже замужем, — потихоньку спросила я Кузнецова, пока его подруга вышла в другую комнату.

— Так они у неё все были какие-то жалкие французики:, миллионеры, конечно, но так, говно одно, а ей мужик нормальный нужен, — совершенно нелогично объяснил ситуацию Кузя, но для меня это прозвучало чрезвычайно патриотично, и я с ним весело согласилась. Действительно, кому нужны «жалкие французики»?

Квартира была шикарной, трёхуровневой и сделанной с большим вкусом. Первый уровень занимали кухня с гостиной, объединенные единой студией, и ещё одна светлая комната. На второй уровень вела лёгкая алюминиевая лестница, не с жирными и богатыми балясинами, а лёгкая конструкция вела наверх к небольшой спальне с огромной кроватью. Из спальни небольшая лестница вела в комнату уже под крышей, две противоположные стены наклонились углом и под большими светлыми окнами, врезанных в эти откосные стены, располагался всего лишь маленький стол с компьютером, на полу мягкий ковер и всё, — пустая комната, с не отвлекающими Вас лишними предметами. Был и ещё один уровень… Вы ещё выше поднимаетесь по лестнице и оказываетесь в застеклённом по кругу кошачьем домике над самой крышей. Чудесная квартира!

— А я её сделала точно такой же, как и у себя в Париже, — объяснила Лёля причину такой планировки. — А то я часто езжу туда-сюда, квартиры разные, а так они воспринимаются, как вроде одна и та же. Привычней так. У меня и мебель почти одинаковая и там, и здесь.

— А!? — выразила я своё удивление.

Лёлька мне не понравилась. Её жопа — да, Серега не обманул, нарисовал он точно, так и шли эти изгибы: и расширялись и сужались потом, и с других углов и ракурсов она смотрелась не хуже. Всё остальное: Лицо несло на себе явные признаки северных народностей, имело плоскую лопатой форму, близко посаженные маленькие глазки и к тому же провалившиеся куда-то вглубь: Некрасивые губы, как хирургический шрам под носом, окончательно портили миллионерову Лёльку. Некрасивая баба, годящаяся только для тупых французов. «Чем она привлекает миллионеров?» — думала я, смотря на неё. — «Так: пизда среднего качества».

Думать так про женщину, конечно, нехорошо, тем более находясь у неё в гостях. В своё оправдание скажу, что не

понравилась мне госпожа Лёля прежде всего тем, это было видно сразу невооружённым глазом, что человек она недобрый, вульгарный, потерявший себя уже давно на брачных продажах: купили её много раз и ничего от неё не осталось. И все эти её проваленные глазки и страшной полоской губки просто стали неприятным выражением её внутреннего содержания. А уж далее я, как опытный фотограф, просто привычно разбила её лицо на детали.

Любой может быть женщина — и с маленькими глазками, и с маленькими грудками, и с жирными целлюлитными попками, но при этом она всё равно может быть красивой и интересной женщиной. Лёлька таковой не была.

Они сели за стол и начали пить самогон. Я посидела с полчаса, поудивлялась своей глупости, зачем я связалась с Серёгой:, и уехала, оставив «французскую невесту» с бесноватым русским художником: ставшим бесноватым от собственной гениальности.

На следующий день я проснулась с облезающей рожей. Еще на следующий, она покрылась коркой от ожога ультрафиолетовыми лучами, полдня работы со сваркой, оказывается, хватило, чтобы сильно сжечь лицо. Затем к «красивой» картине присоединился герпес, рассыпав поверх обоженного лица еще одни корочки болячек. «Да, блядь, позагорала:», — я посмотрела на себя в зеркало, у меня всегда появлялся герпес, если я обгорала на солнце. Я была на работе, раздался звонок в дверь.

— Катюшон, у меня заеда и почесуха, — я открыла ей дверь, она с ужасом через порог смотрела на безобразие на моём лице.

— Пизде-е-ец! Тебе надо срочно идти к врачу, — оценила моё плачевное состояние моя подруга.

— Предложение актуальное. Мне завтра к сексопатологу, я не знаю, что делать. В таком виде я не пойду, — проныла я.

Мы вошли в студию, Катя разделась и как обычно налила себе чашку чая.

— Ну, может быть, оденешь очки и повязку на лицо? — предложила она.

— Ага! И станцевать ещё — я Майкл Джексон. Чтобы меня сразу забрали в отделение для буйных. Это психиатрическая больница, отделение сексопатологии при ней. Я не хочу выглядеть дебилкой. Как ты себе это представляешь? Я прихожу к врачу в противогазе и говорю, я хочу стать женщиной: Или с такой рожей, что равносильно противогазу или даже еще пострашней.

— Ой, как с тобой сложно, вечно с тобой что-то

происходит, — разозлилась Катя.

— Это моя идея — делать самим этот балкон? Блядь, станешь тут женщиной, размахивая кувалдой. Это всё из-за тебя, — я почувствовала, как от бессилия мне хочется плакать.

— Из пизды надо было вылезать женщиной. Не получилось? Будешь теперь женщиной с кувалдой, — и Катя опять, чуть ли не касаясь меня своим носом, расхохоталась мне в лицо.

— Ты хочешь заразиться заедой и почесухой? Трёшься носом о моё лицо, — напугала я её.

— Фу, гадость, надо пойти умыться. А у тебя это не заразное? — Катя брезгливо от меня отскочила.

— Герпес заразный, когда болячки есть. Лучше не дотрагивайся до меня.

— Фу, у меня ни разу герпеса не было.

— Катюшон, придется тебе съездить извиниться, что я не могу прийти на приём. Конфетки какие-нибудь отвезешь, — умоляюще попросила я Катю.

— Я в психушку не поеду, мне стыдно заходить в такую больницу. Все будут смотреть и думать, что я больная, — Катя категорически отвернулась от меня.

— Ну, ты же идешь в отделение сексопатологии, там нет психов.

— Еще хуже, будут думать, что я извращенка. А что, просто позвонить нельзя? — очень разумно предложила Катя. Но такое простое решение мне тогда показалось ужасным. С таким трудом найти нужное место, записаться вроде как по блату, а теперь звонить отказываться. Потом я пойму, какая это была, действительно, глупость.

— Катюшончик, я тебя прошу. Давай ты съездишь, а я тебя в Максиму-пиццу свожу, — пообещала я взятку в виде обеда.

— Да? — лицо Кати изобразило метаморфозу от гневного категорического упорства к полному со мной согласию. — Ну, ладно, съежу. Только не прикасайся своими болячками, чего ты ко мне придвигаешься?

Катя злая вошла в студию и раздраженно кинула на стул свою сумку.

— Чтобы я еще раз куда-нибудь поехала по твоей просьбе. Вот! — Катина фига уперлась в мой нос. — Видела?

— Ну, чего ты? — я чувствовала себя виноватой.

— Меня все приняли там за транссексуалку. Придурки. И твоя Елена Васильевна — пизда недоебанная.

Я осторожно поставила перед Катей на стол чашку чая.

— Подлизываешься? Поведешь меня в Максиму-пиццу десять раз! Тебе понятно? — Катины глаза переливались гневными

алмазами, и в этот момент она была неописуемо хороша.

— Хорошо, поведу, поведу, — я была готова согласиться в этот момент со всем чем угодно. — А что произошло?

Катя сделала глоток и начала успокаиваться.

— Во-первых, это просто обычная регистратура, она не хотела брать конфеты, я ей все равно их оставила. Я выглядела идиоткой, что приехала туда извиняться. Меня с удивлением спросили: «А чего Вы просто не позвонили, мы бы перенесли консультацию на другой день?»

— А во-вторых?

— Во-вторых: Вхожу я в это ебанное отделение, еле его нашла. Вся такая красивая, в шикарной норковой шубе, на меня уже все уставились. Там посетители какие-то были, два трансика сидели на стульчиках — полные уебища, мужики мужиками: черт с ними. И эта выдра — Елена Васильевна. Я ее спрашиваю: «Мне нужна Елена Васильевна». Она мне: «Это я». Я говорю: «У вас записан на прием к сексопатологу Борис Фомин:» Только я это сказала, все вывернули на меня голову, мужик рядом стоял, аж выгибается за стойку меня рассмотреть: Два врача спиной стояли, разговаривали — заткнулись, повернулись и слушают. А Елена Васильевна мне: «Да, Вы на три записаны, раздевайтесь. Вы по поводу смены пола?» У мужика рядом чуть глаза не выскочили, представляешь? И трансики на меня пялятся: Разве я похожа на транссексуала? — Катя встала и повертелась передо мной. — Посмотри, какая у меня жопа, разве такие бывают у трансиков? — Катя расплющила сзади ладошками свои «жопьи уши», и попа приобрела совсем шарообразную форму. Да, попа была хорошая, она действительно не оставляла никаких сомнений в Катиной половой принадлежности. Я, повинуясь её притягательной силе, потянулась к ней, Катя со всего размаха ударила меня по рукам.

— Фигу теперь тебе, — и во второй уже раз я стукнулась носом о вынырнувший большой палец из её руки.

— Не расстраивайся, Кать:, - я потерла униженный фигой нос.

— Я не расстраиваюсь, я в себе уверена. Но все равно неприятно: Ну, и потом я долго объясняла, что это не я записывалась, и, вообще, зачем я приехала. Гнилое место, лучше вообще туда не ходи.

— Так вроде некуда больше идти: — неуверенно начала я.

— Больше не хочу об этом говорить. Давай, веди меня ужинать, я честно заработала это.

* * *

Теперь к НИИ им. Ганнушкина на Потешной уже подъезжала я. Оказалось это черт знает где. Есть в Москве такие места, — живёшь всю жизнь и ни разу даже мимо не проедешь, совершенно незнакомый район. Я с трудом нашла заветный вход. Хотела въехать за деньги в ворота клиники, за 50 рублей во все больницы пускают, здесь строго, психушка обязывала к дисциплине, мобилизовывала на бдительность, неподкупная охрана на психиатрическом КПП внутрь меня на машине не впустила, — вдруг передавлю гуляющих по территории психов или вывезу в багажнике, сбежавшего буйного. Ехала я недели через три после Катиного посещения, ехала уже без болячек на своём лице.

С трудом нахожу нужный корпус, поднимаюсь по лестнице справа на второй этаж, вхожу в отделение: Пусто, никого нет. Ни врачей, ни очереди, ни трансиков на стульчиках. Точнее один есть — это я. Я походила перед стойкой регистратуры и села на стул у входа для ожидания. Жду. Через какое-то время из одной из дверей выходит симпатичная молодая блондинка. Интересно, к какому врачу она пришла? Выходит и проходит мимо. Модно одетая, вся такая в черном, длинные прямые волосы в хвосте с красивой заколкой, приятное очень славянское лицо. Не единого следа и признака какой-либо сексуальной проблемы её лицо не выдавало, наоборот, было видно, что у этой девушки с этим всё в полном порядке, — зачем тогда она тут ходит по отделению сексопатологии?

— Девушка, извините, пожалуйста, Вы не подскажете, в каком кабинете принимает Рузгис? — как можно интеллигентней обращаюсь я к ней.

— Пойдемте, я Вам покажу, — и она любезно ведет меня по ободранному коридору.

— Неужели Вы здесь работаете? — наконец, доходит до меня.

— А что в этом удивительного?

— Ну: Вы без халата:

— Мне он не нужен, — отвечает блондинка.

Я иду сзади нее, смотрю, не отрываясь, на ее попу, — у работницы мрачной психушки хорошая фигура, не истощенная диетами, такая как надо. Её ягодицы при каждом шаге завораживающе вздрагивают и пухлыми симпатичными двойняшками весело подпрыгивают, как будто качаясь на детских качелях…

Обшарпанная дверь. «Проходите», — девушка пропустила меня вперед и вошла за мной.

— Садитесь вот на этот стул, — неожиданно по-хозяйски распорядилась блондинка.

— Неужели вы врач? — искренне удивилась я.

Девушка привычно села за стол, я поняла, что Рузгис Мария Владимировна передо мной.

— Похожи Вы на молоденькую медсестру, — только смогла в некотором смущении сказать я, Мария Владимировна в ответ хихикнула и начала задавать вопросы.

Будут мне их задавать потом еще столько много раз, набили они мне оскомину, поэтому не буду подробно описывать весь разговор. Цели смены пола у меня тогда не было, я, действительно, хотела просто раз в жизни проконсультироваться у сексопатолога — это первое, и получить направление к нужному эндокринологу — это моё скромное второе.

— Так. Пол, я поняла, Вы менять не собираетесь, — сделала вывод из долгого нашего разговора Мария Владимировна.

— Нет, пока, — согласилась я с этим противным для меня выводом.

— Очень хорошо, — похвалила она меня за мою устойчивость в мужском теле. — Сейчас я Вам всё объясню, что у Вас: У Вас не ядерная форма транссексуализма: — торжественно и с паузами Мария Владимировна вынесла свой вердикт тоном судьи, дарующего жизнь осужденному к повешению. Но я не стояла у петли или ещё её не замечала, и вердикт этот мне очень не понравился.

— Ну, прямо обрадовали, — перебила я ее. — Ядерная форма — это когда сами себя кастрируют? Чтобы избавиться от члена? Или надо иметь за плечами с десяток суицидальных попыток? Может быть, это не ядерная форма, а идиотизм или шизофрения? Может быть, жизнь у этих людей больше ничем не наполнена:, может быть, им терять нечего — нет работы, нет любимого человека, нет детей. Может быть, они наполнены страхом перед жизнью: и мечтами, — что вот сменю пол, прискачет принц на белом коне, и решит все мои проблемы, не надо будет работать и биться в этой жизни за выживание. Может быть, я не меньше их хочу стать женщиной, но моя жизнь наполнена не только мыслями о своей половой принадлежности. Иногда: даже не иногда, а чаще всего у меня нет времени даже вспомнить об этом. Да, мне некомфортно жить как мужчина, я с острой неприязнью отношусь ко всем мужским чертам и признакам в себе, но мне, к примеру, также было неприятно чистить унитазы кирпичом в армии, говно засохшее соскребать своими голыми руками, но я чистила, потому что так было надо: по заведенному порядку. У меня есть мама, она вправе рассчитывать, что я останусь для нее сыном: и папа тоже вправе рассчитывать на это: Ох! Не знаю: Это я сейчас так говорю. Может быть, когда-нибудь и я лягу на операционный стол, но сделаю это тогда, когда в моей жизни

будут благоприятные для этого обстоятельства. И все эти слова — «я бы все отдала, всем бы пожертвовала:» Не хочу ничем жертвовать, хочу потерять минимум, а лучше ничего не потерять, только приобрести. Я хочу комфорта и всяческого для себя благополучия и моя половая принадлежность — только часть жизни, влияющая на это:, может быть, значительная и очень для меня важная, но всё-таки есть и другие вещи, которую наполняют мою жизнь смыслом: и удовольствиями… Вот:.

Мы еще поговорили. Мария Владимировна дала мне телефон психоэндокринолога, который находился в том же корпусе. На том мы и расстались с симпатичной блондинкой.

* * *

— Борис, здорово! Вейсман звонит, — я узнала знакомый голос.

— Игорь, привет! Сто лет тебя не слышал, — радушно ответила я. — Как твои дела? Работаешь? Откуда ты сейчас?

— Работаю. Не поверишь, я теперь старший оперуполномоченный по особо важным делам в таможне, — Игорь сразу начал разговор со своего неожиданного достижения в жизни.

— Ого! Ничего себе! А как же ты туда попал? — удивилась я.

Все прошлые занятия Игоря Вейсмана были направлены на еблю с богатыми мужиками, он был геем. Однажды он приехал ко мне и заказал съемку собственной персоны. «Зачем тебе тратить деньги?» — спросила я.

— Хочу календарь сделать со своим лицом, — начал объяснять он.

— За свои деньги? — удивилась я.

— Да:, - он помялся. — Понимаешь, я мужика богатого нашел, мы вместе проводим время в таких местах, в таких богатых тусовках: Там у всех папочек такие мальчики! Кроме того, что они симпатичные, они еще что-то из себя представляют — кто-то танцор балета, кто-то художник, архитектор один есть: Все ходят выпендриваются друг перед другом. А я кто? Я даже не работаю нигде. Мой начал комплексовать.

— Я думаю, комплексовать начал ты, — усмехнулась я.

— Ну а как тут не комплексовать? — с горячностью и с обидой на весь мир воскликнул Игорь. — Я даже ничем не могу похвастаться перед ними. Вот, хочу календарь сделать со своей рожей, вроде как я — фотомодель. Надо же кем-то быть, а то точно бросит, — говорил обо всём этом Игорь, абсолютно меня не

стесняясь.

— Глупо. В любом случае бросит. Но дело твое. А жена твоя как? — поинтересовалась я.

— Не знаю, где она сейчас. Уехала с ребенком и пропала, — равнодушно отмахнулся от своей жены Вейсман.

Была у Игорька и жена. Женился, она забеременела, а он уже на полную катушку вовсю гулял с мальчиками. И так разгулялся, что и вовсе выставил на улицу в совершеннейшее никуда ставшую мешать его бурным оргиям свою обрюхатившуюся супружницу: и, называя теперь это — «уехала с ребенком и пропала». Так и не согрелась красивая девочка из Владивостока теплом семейной жизни.

Я спросила как-то Игоря: «А как же ты ее трахнул, если тебе женщины не нравятся?» «Представил пацана одного, я его всегда представлял, когда ебал её, и всё выходило. У меня вообще эрекция хорошая», — гордо сказал он: Да, гордиться ему было больше нечем.

— Но я ей помогаю, — продолжил Игорь, чему поверить я, конечно, не могла.

— Так ты же не знаешь, где она. Как же ты тогда помогаешь ей? — спрашивала я его уже с осуждением в голосе, я была на стороне его жены.

— Да, ну, ее на хуй. У нее папа и мама есть, пусть о ней и заботятся, — он уже с явным и злым раздражением махнул рукой.

— А на хуя тебе надо было на ней жениться, если ты знал про себя, что ты «голубой»? Она симпатичная, в агентство модельное её даже взяли, уже давно вышла бы замуж за кого-нибудь другого, жила бы сейчас себе припеваючи. Может быть, ты украл это ее счастье? — в итоге разломанная судьба его жены меня вконец разозлила, и я его в тот раз послала на хуй и выгнала. Обиделся, видимо, он на меня не на всю жизнь, вот звонит опять. Он был недалеко от нас, и он заехал, как он сказал, для делового разговора.

— О, Игорь! Привет еще раз. Ты совсем не изменился, — мы не виделись несколько лет, все тоже худощавое лицо, и сам худощавый. Волосы только теперь не перекрашенные в блондина, в таможне не полагались, наверное, такие вольности.

— Во, гляди! — он продемонстрировал свои красные корочки сотрудника таможни. Действительно — старший оперуполномоченный по особо важным делам.

— И кого ты ловишь? — с уважением в голосе спросила я.

— Наркотиками теперь занимаюсь, — гордо заявил новоиспечённый таможенник.

— Ничего себе! — такая метаморфоза произвела на меня

впечатление, красненькое удостоверение тоже. Я уже представила, как я показываю такое же удостоверение гаишникам и езжу, как мне вздумается.

— Я приехал по другому вопросу, я опять хочу у тебя сняться, фотки хорошие нужны, — начал он деловую часть разговора.

— А теперь то зачем? — не поняла я, какого хрена и для каких таких целей надо сниматься старшему оперуполномоченному из таможни.

— Я хочу сняться не один, а со своей группой. Мы танцуем стриптиз, — пояснил Игорь и крайне этим меня удивил.

— Где? У себя в таможне? — лицо моё исказилось насколько могло: и, выпучив глаза, и скривив губы, но не справилось и не изобразило моё удивление адекватно взметнувшейся во мне эмоции. Как всё-таки умеет поражать окружающая жизнь! В этот раз ей пришлось постараться и для этой цели организовать передо мной это неожиданное появление оперативника-стриптизёра.

— Не-е, таможня не причем, — привычно рассказывал о своём занятии Игорёк. — Мы в ночных клубах танцуем, ну, сам понимаешь в каких, — и он сделал слащавую гримасу. Мне захотелось в нее плюнуть.

— Для геев что-ли? А как же твоя работа? Ты не боишься, что там узнают об этом и выгонят?

— Ты думаешь, у нас в таможне мало таких? Меня начальник один поебывает, прикрывает меня: — и он уверенно поелозил своей задницей по стулу, показывая, как он прочно сидит в своём таможенном кресле, прибит к нему «гвоздиком» своего вышестоящего начальника.

— Ничего себе!: — меня поразило неожиданное сочетание таких различных деятельностей.

— Ну, а так: Конечно, приходиться скрывать ото всех, что танцую стриптиз, мудаков хватает.

— Мудаки — это кто? Кто на твой стриптиз не ходит?

— А то ты не понимаешь. Ну, почему я не имею права вести личную жизнь такую, какую хочу? Моё дело, выступать мне со стриптизом или нет: и где выступать. Кого это ебет? — никак не унимался возмущенный Игорёк.

Ну, вот: не дают ему выступить в Таможенном комитете, и злится он такой жестокой несправедливости. А как было бы мило запустить фуражку над заполненными сослуживцами рядами таможенного дома культуры, а потом воздушным змеем форменную рубашечку и брючки с красной полосочкой:, и всё это пролетает над генеральскими вспотевшими лбами, и каждый такой начальственный лоб уже задумал высокую награду или

повышение по службе для этого худощавого вертлявого сотрудника, так ловко жонглирующим своим членом на сцене:, но нет, не дают выступить, показать красоту мужского тела, не понимают такой красоты простые таможенники, только один нашелся для него начальник, только один поёбывает, один прикрывает. Остальным сиськи и пёзды подавай, не согласен с таким положением вещей в Таможенном комитете товарищ Вейсман.

— По большому счету никого, — ответила я. — Но стриптиз в ночном клубе это не личная жизнь, оперативник-стриптизёр, это, по-моему, слишком:

— Зануда ты, как был им, так и остался, — начал обижаться Вейсман.

— Ладно, что ты хочешь снимать? — я решила к старшему оперуполномоченному по особо важным делам отнестись с большим уважением, чем когда-то.

— Нас четверо, все классные ребята. Как сниматься я не знаю.

— Ну, это не обязательно придумывать что-то заранее. А шмотки есть какие-нибудь у вас?

— Вот здесь засада! Мы только начинаем, у ребят денег нет и шмоток хороших, соответственно, тоже. Мы хотим костюмы заказать, но уже тогда, когда деньги будут.

— А как вы собираетесь сниматься без денег?

— Насобираем как-нибудь. Без фотографий нам уже не обойтись, афиши нужны. Мы уже выступали два раза в клубах, в каждом клубе афишу просят для рекламы.

Пока он говорил, я задумалась, сколько денег мне взять с них: Сделать ему скидку, как старому знакомому? Без радости и удовольствия, скрипя сердцем, злясь на себя, на Вейсмана и на всех:, подсчитывая, сколько я не докуплю на недополученные мною денежки, я по доброте душевной, конечно, скидку ему всё равно сделаю. Нужен ли нам в будущем следователь из таможни? Голубой стриптизер был точно на фиг не нужен. А следователь:? Через границу контрабанду не возим, но на всякий случай сто долларов я с общей суммы дополнительно скинула. Итак, двести за дружбу и сто за следователя, — итого, триста долларов, удавиться можно от таких подарков.

Мы обсудили, как их можно снять. Я им посоветовала купить голубые джинсы и обычные белые майки — а-ля, простые с улицы ребята. Договорились о времени, и о том, что на съемку приглашу визажиста я. Мы попрощались, и я поехала встречать в Шереметьево Катю. Она возвращалась из Шарм эль Шейха, возвращалась уже раз в двадцатый. Съездив однажды, она нашла там подружку-арабку, та была директором крупной

туристической компании, и в каждый ее приезд та организовывала ей путевки по себестоимости и шикарный отдых.

* * *

Я не спеша ехала по Ленинградскому шоссе в правом ряду и рассматривала, стоящих у обочины проституток. Я не опаздывала к прилету, торопиться было некуда. Смотреть на, выстроившихся в шеренги, распахивающих дешевые шубки, продающихся на морозе девушек, было интересней, чем без толку слоняться в аэропорту. Перед включенными фарами клиентов они «эротично» корчили свои рожицы — ну, до чего же все страшные! Предназначенные для секса их тела и мордашки, явно для этого занятия не подходили, особенно их деградировавшие лица — то ли от алкоголизма их родителей, то ли от их собственного пьянства: Откуда такие брались? Со всей России съезжались самые отбросы? Посимпатичней, вероятно, расхватывались для замужества, а какой сорт оставался для секс-услуг? И кто ими пользовался?

— Рассказывай, как съездила, — я уже встретила Катю, загоревшую, с огромным чемоданом, и мы ехали в обратном направлении по Ленинградскому шоссе. С этой стороны проституток почему-то было значительно меньше.

— Отдохнула замечательно, Соррея меня встретила, каждый день меня куда-то возила, я и в Дахаб съездила, и в монастырь православный, там есть такой, и на мотоциклах катались через день:

— В общем, она за тобой приударила, — усмехнулась я.

— Нет, конечно. Ничего она за мной не приударила. Просто мы с ней хорошо подружились:

— Кать, она за тобой точно ухаживает, а ты уже давно попалась на ее крючок.

— Да, нет же. Тебе всегда мерещатся в каждом углу мои любовники:

— Не любовники, а любовницы, — поправила я.

— Я не лесбиянка, я женщин терпеть не могу.

— Это я уже слышала. А с кем у тебя был роман, когда мы с тобой познакомились? С гарным хлопцем? По-моему, ты была влюблена в итальянку.

— Я ощущала в ней мужчину, она мне не нравилась, как женщина. И все её считали мужчиной, — я вспомнила фотографии этой итальянки: действительно, она выглядела как обыкновенный мужик, только с широкими бедрами.

— Ну, Соррея твоя помужественней той будет, — оценила я её новую подружку. Я не видела Соррею в жизни, но и она на фотографиях тоже выглядела мужественно: таким раскормленным бравым арабом. — Вы уже целовались?

— Ты с ума сошла? Она же мусульманка, у них это нельзя. И она такая жирная. Всё, хватит. Если не отстанешь, я тебя стукну.

— Ну, стукни, стукни, — я схватила Катю за шею, притянула к себе, и крепко поцеловала ее в левый глаз, потом в щеку, потом в уголок губ:

— Отпусти, сейчас в аварию попадем, — начала вырываться Катя. — Кстати, знаешь, как Сашу называют местные арабы?

— Сашу? — переспросила я. — Это Сашей так твою Соррею называют?

— Да, это она так переделала на русский манер своё имя для наших туристов. А местные арабы называют её мистер Соррея, они все на нее смотрят, как на чудо. Но она директор самой крупной турфирмы, занимающейся русскими. Через нее, знаешь, сколько народу проходит? Поэтому к ней всё равно все относятся с уважением. С нее нигде даже деньги не берут. Мы по ресторанам с ней бесплатно ходим, а в магазинах ей вообще проценты платят за то, что она туристов присылает к ним.

— Мистер Соррея? Я же говорила, что она даже не лесба, она тоже трансик, только FTM*. Поэтому и ухаживает за тобой, как мужик, — предположила я.

— Не может такого быть. Я к ней отношусь, как к подружке. Господи! — застонала Катя. — Неужели и она трансик!? Почему вокруг меня одни извращенцы?

— Радуйся, ни один мужик так бы за тобой не ухаживал, как она.

— Да, это точно. Сводил бы разок в ресторан, а потом трахайся с ним. А как у тебя тут дела? Изменяла мне?

— Во-первых, думаю, тебе глубоко наплевать на это. Во-вторых, не с кем и нет желания. Тебя ждала и скучала, пока ты там романы с арабскими пёздами крутила.

— Фу, какая гадость. Никогда не притронусь к чужой пизде. А у Саши она просто отвратительная, — Катя исказила своё лицо в брезгливой гримасе.

— А ты видела что ли? — удивилась я.

— А она не стесняется, переодевается при мне, конечно, видела. Складки, складки, складки: и над пиздой, как будто мешок с жиром висит. Отвратительно! — Катино лицо окончательно расстроилось от как будто бы съеденной тухлой рыбины. Взмахнув оттопыренными пальцами, она отогнала видение утонувших в жире гениталий Сорреи.

— А в складках её, наверное, всё преет:, - я тоже представила эту картину, но она мне показалась забавной, и я рассмеялась.

— Прекрати, меня стошнит сейчас.

— Почему-то в последнее время всех тошнит, странно. А мне сегодня Вейсман звонил, — вспомнила я таможню.

— Белобрысый пидор что ли?

— Уже не белобрысый, теперь он старший оперуполномоченный по особо важным делам в таможне.

— Ничего себе! Звучит солидно, — Катя тоже удивилась таким неожиданным переменам в жизни людей. — Когда ж он успел? Он же раньше из «голубых» клубов не вылазил, ошивался в них ежедневно. И чего он хотел?

— Ничего не изменилось, в этих клубах он теперь стриптиз танцует: вместе с группой таких же идиотов.

— Тоже таможенников? — с простодушной серьёзностью удивилась Катя, она предположила, видимо, что группа эта зародилась в недрах некоего клуба при таможенном комитете.

— Да, это было бы весело. На афишах можно было бы тогда написать — «Сегодня в нашем клубе „Голубой огурец“ группа старших оперуполномоченных по особо важным делам расследуют:».

— Чего расследуют?

— Не придумала еще. Все равно смешно.

— Обхохочешься.

— Остальные не из таможни, не знаю кто, — продолжила я. — Да, Вейсман удивил! Не понимаю, как он это собирается совмещать. Во что жизнь превращается!? — забрюзжала я и сама подумала, что делаю это в последнее время всё чаще и чаще. «Неужели возраст?» — испугалась я.

— А еще что происходило? — спросила Катя.

— Наталья звонила: Добролюбова. Пригласила на свой концерт, но я на тот же день уже договорилась с Вейсманом о съемке.

— А где концерт?

— В клубе: или в каком-то доме культуры, по-моему. Не помню уже. Она сказала, позвонит ещё.

— Охуительный прогресс! — злобно рассмеялась Катя. — Снять столько клипов, потратить столько денег, чтобы раз в год выступить в доме культуры. Ей самой не стыдно?

— Какая тебе разница? Забавляется баба и черт с ней. Муж любит, деньги даёт: Ее дело, как ей их тратить, — защитила я начинающую певицу, начинающую уже несколько лет, и тратящей на это своё начинание, действительно, немалые деньги. За такие деньги, Катя была права, можно было бы ожидать более

впечатляющих результатов. Наталья Добролюбова, как и многие другие, страдающие от безделья жен богатых мужей, неожиданно для всего мира решила одарить его своим вокальным талантом. Но вот, беда! Таланта не было, и он никак не хотел даже за деньги прийти на помощь уже не юной певице. Она с завидным упорством пела уже лет семь или восемь, снимала клипы, но успех всё равно очень справедливо обходил ее стороной. А ведь хорошая баба, и жена хорошая, стихи пишет душевные, второй сборник уж издает, дочка быстро взрослеющая красивая девица, муж с бандитской рожей, но тоже хороший мужик, — хорошая благополучная, к тому же богатая семья, сиди дома, занимайся хозяйством:, стихи продолжай писать, наконец, но нет, надо под светом рамп выйти на сцену и проблеять никому ненужную песню. Мотивы понятны, — объявить себя звездой неймётся всем, до чертиков хочется раздавать автографы и сетовать на назойливых фанатов. Ну, не выходит если, вот уже семь или восемь лет не выходит, ну, нет голоса и двигаться не умеем: и автографы никто не берет и стайки фанатов не собираются у подъезда. Что ж народ мучить!? Но были у Натальи деньги, точнее, они были у мужа, и очень достаточные для этой недешёвой забавы, и было это её личное дело — тратить их на новую песню или на десятое бриллиантовое колье.

— Мне даже интересно сходить посмотреть на это зрелище, — злопыхательски добавила Катя.

— Если успеем, сходим.

Мы подъехали к Катиному дому, было поздно, но все ее ждали. Гиля, ее бабушка, приготовила традиционный для Катиных возвращений капустный пирог. Мы наелись его среди ночи и заснули в ее девичьей свежей постели.

* * *

Я опять подъехала к психушке на Потешной. В ворота танком я уже не пыталась въехать и скромно поставила машину на свободное у ворот место. Теперь я шла на прием к психоэндокринологу. Я записалась на прием к Василенко Любовь Михайловне и уже опаздывала к назначенному времени. Тот же корпус, уже всё знаю и не новичком нахожу нужное отделение. В дверях сталкиваюсь с двумя девушками. В другом месте не обратила бы на них внимания. Здесь пониманию, что девушки эти того же самого происхождения, что и я, происходили они от мужчины. Одна — азиатка, они все на одно лицо, скулы, узкие глазки, но: очень женственная, без своей подружки она не

обратила бы на себя внимания даже здесь. Вторая, с непропорционально длинной шеей, с большим напоказ кадыком посередине, волосы в хвостике, челка, дешевые шмотки, юбка неизвестных времен покроя, — но все равно парень, обычный дефективный парень. Мы замерли, как по команде:, посмотрели оценивающе друг на друга, и я вошла в дверь.

— Вы ко мне? — не поворачивая головы, спросила меня женщина в белом халате, сидящая за столом.

— Я к Любовь Михайловне. Здрасьте!

— Здравствуйте! Это я, — поздоровался со мной затылок с рыжим пучком. — Проходите, садитесь. Посидите одну минуточку, я отбегу на секундочку.

— Хорошо, посижу, — послушно согласилась я.

Любовь Михайловна, посуетившись напоследок над своим столом, вышла из кабинета. Не было ее сорок минут! Такое отношение к клиенту было доброй традицией в этом замечательном месте. У трансика же здесь решается жизнь, решается его пол, врачи вершат его судьбой, — он все потерпит, не только подождет сорок минут. У меня ничего не решалось, поэтому я не хотела никого ждать и приготовилась уже злиться. Я сидела в небольшом темном кабинете, грязные окна не давали возможности радоваться свету, а включенную лампочку я так никогда и не увидела в мрачной келье Любовь Михайловны. Дверь приоткрылась, вначале осторожно появились узкие глазки, потом смело и с шумом в кабинет вошли две мои, встреченные на лестнице «подружки».

— Привет! — азиатка была явно главной в этой паре, голос у нее был абсолютно женский, но она постоянно добавляла к нему чересчур театральные интонации, как в детском спектакле.

— Здрасьте! — я испуганно смотрела на эту пару, я еще никогда не общалась с транссексуалками, мне было неловко.

— Мы увидели, что Василенко вышла, решили зайти познакомиться со своей подружкой, — объяснили они своё появление в кабинете.

— Со мной что ли? — испугалась я ещё больше.

— Ну, а с кем же, девочка?

— Ну, здрасьте! — я с перепугу поздоровалась еще раз.

— Здоровались. Ну, чего ты боишься? Мы не укусим. Меня зовут Ириша, — представилась женственная азиатка.

— А меня Евгения, — Евгением назвалась нескладная девушка с кадыком. Пока мы разговаривали с Иришей, она молчала, но свой вклад в наш разговор она делала отчаянной жестикуляцией, как будто переводя Иришу для меня глухонемой.

— А меня Борис, — представилась было я:

— Нет, нет, нет, — запротестовали хором девочки, — Нет, как твое настоящее имя? Тебя же называют как-нибудь по-другому? — я понимала, о чем идет речь, но Олей меня называла только Катя, ну, может быть, еще пара человек, но это было мое имя для внутреннего пользования.

— Ну: Олей меня иногда называют, — неуверенно призналась я.

— Оля, — радостно повторили они. — Оля — красивое имя, тебе идет. А ты после SRS?

— Нет, я ничего не делала, я в первый раз пришла сюда к Василенко.

— А я уже несколько лет назад сделала операцию, делала у Акопяна, тогда только у него делали. Из сигмовидной кишки сделали мне, — похвасталась Ириша своим устройством пизды.

— Здорово, — неопределенно сказала я. Меня пока не устраивала пизда не из кишок, не из наизнанку вывернутого члена.

— А я тоже пока ничего не делала, я деньги коплю на комиссию и на операцию, — Евгения жеманно подергала своими руками в такт своим словам, опять переводит.

— Я шефство над ней взяла, по врачам вожу, а то ее отшивают отовсюду. А можно твою грудь потрогать? — неожиданно попросила Ириша.

— Потрогай, — мне не хотелось, чтобы кто-то трогал мою грудь, но отказать было неудобно. Руки потянули ко мне сразу обе.

— У тебя нормальная грудь, больше чем, у меня, — Ириша, как на приеме у врача внимательно ощупала мою грудь.

— А у меня вообще не растет. Я пью, пью гормоны, а она у меня чуть припухла и всё. Придётся ещё копить деньги и на операцию груди, буду делать себе силиконовую, — Евгения теперь, как будто танцуя цыганочку, трясла своей не выросшей грудью.

Они еще долго мучили меня своими вопросами, все сорок минут, порядком надоев мне. Наконец, вернулась доктор.

— Что, Ириша, подружку нашли? — «На хуй таких подружек», — зло подумала я.

— К Вам как придешь, так обязательно кого-нибудь встретишь. Всё, спасибо Вам, Любовь Михайловна, мы пойдем. До свидания, — они заискивающе раскланивались, и бочком, бочком вышли из кабинета.

— Познакомились? — без интереса спросила меня Любовь Михайловна, суетливо раскладывая на столе какие-то новые бумажки.

— Ну, так: Да, — неопределенно ответила я.

— Давайте приступим. Как мне Вас называть?

— В каком смысле? — я не поняла вопроса, я была не против обращений — «Её Величество», «Графиня», или хотя бы «Мадам»:

— Ну, каким именем? — пояснила Любовь Михайловна.

— А? Борис — называйте. Я же пришла не за удовольствиями, а за консультацией. Меня называет Ольгой только любимая девушка, ну и еще несколько человек, — как всегда честно обрисовала я ситуацию с позиционированием своего пола в окружающем меня обществе на данный момент.

— Девушка? — переспросила врач.

— А, да: У меня сексуальное влечение к женщинам, — и я опять честно рассказала о себе, о том, что люблю женщин, а что мужчин не люблю… В этот раз рассказала об этом я очень опрометчиво. В тот момент мне ничего не надо было от данного медицинского заведения, но, придя через два года сюда, с целью получения разрешения на смену пола и документов, высказанные в первый мой прием мои признания о любви к женщинам, поставили жирный крест на возможности получить это злосчастное разрешение в этом месте. «У Вас влечение к женщинам, Вы и так хорошо адаптированы, Вам это не надо», — решали за меня добрые доктора. За двухлетнее отсутствие тестотерона* в моей крови я размякла характером, и мне уже не хотелось всех отпиздить от злости. Я только грустно вздыхала, выходя из клиники. «Пошли они:, без них обойдусь», — думала я смиренно. Вообще, это было не очень большой редкостью, когда транссексуал, с рождения ощущая себя женщиной, имел влечение тоже к женскому полу. Не помню статистику, где-то видела я эти цифры, по-моему, 15 % сохраняли это однополое уже влечение. Но эти 15 % были умнее меня, большая часть их «сидела» в интернете, участвовала в различных конференциях для транссексуалов, в частности, русскоязычной Tgrus*. В них давались подробные рекомендации, что можно говорить на приемах у сексопатологов, а что нет, в том числе предостережения, что ни в коем случае даже не заикаться о влечении к женщине: и многое другое. Всё это обстоятельно обсуждалось, некоторые рассказывали о своих походах к той же Василенко: «А она, дура, мне поверила. Я ей сказала, что уже работаю, как женщина у себя на работе, что у меня мужик есть, и он на мне жениться обещает:». У меня стояло два компьютера на работе, купленные года три назад, стоял и модем, но из-за лени и распиздяйства я к интернету так и не была подключена и, поэтому я ещё не знала, что в моей ситуации влечение к женщине должно стать большой военной тайной для соответствующих

специальностей врачей. И ещё я наивно думала, что с врачами надо быть честной и искренней и, поэтому была честной и искренней и всегда рассказывала этим врачам всё как есть. Всем врачам-теткам было симпатично то обстоятельство, что я любила женщин, что у меня есть ребенок, что я забочусь о нем, что я не потеряла свою работу, как многие трансики, которых с работ выгоняли, не выдерживая вида накрашенных лысеющих мужиков в тесных, еле налезших на них блузках, доставшихся им от сбежавших от них жен. И пока я ходила на приемы к Василенко без всякой цели, я была хорошим пациентом и образцово-показательным трансиком, который нашел себя в жизни, адаптировался в своем биологическом поле, сохранил способность создания нормальной семьи, который выделил себе узкий сегмент своей жизни, в которой реализовывался, как женщина: и всё хватит.

— Так, хорошо. Значит, Вы не хотите менять пол, — утвердительным голосом спросила или ответила за меня доктор.

— Нет, не хочу. То есть хочу, но пока я пришёл проконсультироваться по поводу гормонотерапии. Я принимаю гормоны очень долго:

— Как долго?

— Больше десяти лет.

— Ага. Так хорошо. А что принимали? — спросила доктор.

Я перечислила. И опять долгие вопросы про детские болезни, про семью и т. д… Я рассказывала и рассматривала своего нового лечащего врача. Баба чуть больше средних лет, выглядит приятно и хорошо, но далеко от моей возрастной категории, волосы гладко забраны назад, яркая помада на тонких губах, сжимает их некрасиво, подчеркивая морщинки вокруг рта, поведение — а-ля «мудрая мамочка».

— Так, хорошо. И Вы хотите продолжить гормонотерапию — поинтересовалась моими планами на этот счёт Любовь Михайловна.

— Да, я пыталась от нее отказаться, но мне невыносимо думать, что мужские признаки будут прогрессировать.

— Понятно. Я Вам выпишу сейчас курс гормональной терапии, которую Вы будете проходить. Вы должны будете сдать анализы до неё и через месяца три после начала этого курса.

— Ок. Сдам, — закивала я головой.

— Анализы лучше сдать у нас:, - повелительным голосом порекомендовала мне Любовь Михайловна.

Я сразу поняла, что заботливый доктор печётся о загруженности их местной лаборатории. Я заботилась о своем времени и сразу твердо перебила ее.

— Любовь Михайловна, к вам ехать очень далеко, через всю Москву, с ума сойдешь пока доедешь. Я сдам в другом месте. У меня почти у самой работы институт им. Гамалея, там любые анализы делают. Мне проще сдать там.

— Ну, хорошо, — нехотя согласилась Любовь Михайловна. — Так: Выписываю Вам ципротерона ацетат или андрокур он еще называется. Это очень сильный антиандроген*, он снизит количество тестотерона в крови, — начала она мне прописывать лекарства, которые, я надеялась, должны были меня изменить. — Потянете?

— В каком смысле? — опять не поняла я.

— Он дорогой, упаковка стоит около ста долларов. Транссексуалы — народ неустроенный, бедный, почти никто его не может себе позволить купить. Упаковки 50 таблеток по 50 мг. Вам хватит почти на месяц. По две таблетки в день надо будет Вам принимать.

— Ладно, выписывайте, — согласилась я.

«Так, ещё сто долларов к обязательным моим ежемесячным расходам: счета за мобильный, аренда квартиры, садик, нянечка, бензин, вообще расходы на жизнь:, теперь ещё лечение». - подумала я, и попыталась сложить, а потом вычесть эту сумму из предполагаемых моих доходов — что останется?: Любовь Михайловна помешала:

— Еще выписываю по две таблетки в день Микрофоллин — это этинилэстрадиол по 50 мкг… Одну таблетку Верошпирона, он обладает неспецифическим эстрогенным действием. И:, - она довольная своими назначениями, с победоносным видом, последним штрихом, взмахнув шариковой ручкой. — И еще по одной таблетке в день Диане-35. В таблетке 35 мкг. этинилэстродиола и 2 мг. ципротерона ацетата. Это усилит действие всего остального.

— Подождите, подождите, Любовь Михайловна. Вы мне выписали в общей сложности 100 мг. ципротерона и 100 мг. этинилэстродиола. Так? — по математике у меня была пятерка. А еще я, живущая эмоциями и страстями, при этом оставалась очень рациональной особой, я не выносила действий, лишенных смысла даже в мелочах.

— Так.

— Зачем мне тогда пить таблетку Диане? Из-за 2 мг. ципротерона? Какая разница для организма — 100 мг. или 102 мг.? А этинилэстрадиол в Диане можно заменить четвертью или половинкой Микрофоллина, он в десять раз дешевле Диане.

— Ну, может быть, — доктор была недовольна моими подсчетами. — Тогда я вычеркиваю Диане. Пейте тогда по две с

половиной таблетки Микрофоллина. Сдавайте анализы, начинайте проходить мой курс терапии и приходите на прием.

Я спросила, сколько я должна за прием. «Триста рублей», — сказала Любовь Михайловна и опять скомкала свои губы в куриную жопку. Я дала ей пятьсот.

— Вот сдача, — она мелкими суетливыми движениями вытащила из своего кошелька 200 рублей.

— Да, ладно, Любовь Михайловна, не надо: мелочи.

— Спасибо.

Уехала я с Потешной очень довольная собой: Что, наконец, принимаю гормоны под наблюдением врача, а, значит, с меньшей опасностью для своего здоровья. Эндокринолог занимается трансиками — компетентный, значит, всё знает. Какая я молодец, что, наконец, доехала к доктору!

Направилась я от эндокринолога прямиком в Алмаз-пресс к Андрею Рэдулеску. Работал он там арт-директором, возглавляя дизайн-бюро этого крупнейшего полиграфического предприятия в России, был он талантливым художником, в связи с чем по всем понятиям должный иметь большую свободу, но вместо неё имел в начальницах скверную бабу, от чего премного уже очень долго страдал. Я его понимала: Я пару раз общалась с Переверзевой, и для начальницы она мне показалась совершенно неуравновешенной и неприятной особой. Разговаривала она, как будто мучимая сильнейшими мигренями или неожиданным поносом, чуть морщась, как будто терпя Вас. К концу разговора с ней моё лицо тоже скрутило, и из её кабинета я вышла с большим облегчением. Имел ещё Рэдулеску в своей жизни молодую красивую жену-блондинку с суровым характером и двоих маленьких милых дочерей, одна из них Санька имела возраст моей Лизы.

Прохожу по заказанному мне заранее пропуску, я позвонила ему с дороги. Захожу: Сидит, вросший в своё кресло, голова всклокочена, лицо странное и неправильное, видно, что нерусский, но национальность не угадывается без учёного-антрополога. Нос большой и сложный, глаза голубые и добрые… смеются. Похож он был на сказочного разбойника, пойманного в волшебном лесу на большой дороге, и усаженного в это алмазпрессовское кресло «мотать» срок, только не знаю за что и по какой статье.

— О! Кто пришел! — Андрей первым подал голос.

— Привет! — поздоровалась я.

— Привет! Что за дело? Ты по телефону чего-то начал говорить:

— Дело сугубо конфидициальное, требующее уединения, —

нарочито загадочно начала я.

— О, как!: Видели!? Видели, какие у всех дела? — обратился он то ли к Гене, тоже художнику, сидящему за его спиной, то ли к воображаемой аудитории. — А тут сидишь с утра до вечера: Ты что серьёзно?

— Не очень, но вопрос:, точнее, просьба есть. Пойдем, угости меня чашечкой чая.

Мы вошли в смежную комнату, он уже наливал мне чай из огромного термоса с помпой.

— Я месяц назад сделала операцию по смене пола: — нагло начала я.

— О, как! — вырвалось любимое восклицание Рэдулеску, и он замолк. Уголки губ удивленно вниз, своими голубыми глазами — хлоп, хлоп:

— Ну, что замолчал? Плохо что ли? Будет теперь у тебя подружка: я имею в виду по работе.

— Да нет: Ты ж знаешь: Я ко всему: то есть нормально: — он пожимал плечами, удивление теперь изображали не только уголки губ, всё лицо двигалось им в помощь. Я внимательно смотрела на него и думала о том, что не раз увижу такие реакции в будущем, если действительно сменю пол. — И как теперь тебя называть? — наконец, внятно произнёс Андрей.

— Ольга, — впервые представилась я публично.

— Хорошо: Ольга: так Ольга, — Андрей опустил глаза, видно было, что вопросы полового самоопределения — не его рабочее хобби.

— Поверил, дурья башка?

— А чего нет то. От тебя всего можно ожидать. Так что?

— Пока нет. Но пришел я к тебе именно по этому вопросу.

— А я тут причём? — испугался Андрей окончательно.

— Мне прописали гормональные средства: Ох! Лучше начну так. Только успокойся. У меня транссексуальные наклонности. Знаешь, что это такое?

— Ну:

— Баранки гну. Это когда чувствуешь себя женщиной, — пояснила я вкратце.

— Ну да, я знаю. Грамотные мы, — Андрею стало весело.

— Люблю я при этом женщин, — я знала, что Андрею неприятна была бы другая моя ориентация, как и многим другим, и решила успокоить его хотя бы этим.

— А такое бывает? — удивился он.

— Бывает. Короче: Я сейчас от эндокринолога. Она мне выписала «Андрокур». Пить мне его много и долго, а стоит он сто долларов упаковка. Выпускает его «Шеринг». Я вспомнила, что ты

с ними работал много:

— Работал, сейчас не работаю. Но тетка там знакомая осталась. Позвонить что ли? Если у них это средство есть, то они его скорее всего бесплатно дадут, — Андрей с радостью был готов мне помочь, лишь бы я отвязалась от него со своими историями о своём внутреннем половом неустройстве.

— Хотя бы со скидкой, тоже было бы хорошо, — обрадовалась я.

— Вот так друзей теряешь: Был друг: и бац!:и вдруг подружка! О, как! — Андрей шарахнул себя ладонями по коленкам и встал. — О, ёбт! — ещё одно восклицание вырвалось из него. Он вышел за телефоном:

— Записывай адрес и телефон, — через пару минут он уже входил в комнату.

— Неужели договорился?

— Три упаковки обещали, — гордый своими связями, объявил Андрей.

— Здорово! — я готова была его расцеловать. — Ты сэкономил мне триста долларов.

— Цени. Для «подружки», что не сделаешь, — при этом Андрей толкнул меня в плечо и рассмеялся — «всё равно ты хороший мужик», означал этот знак.

На следующий день я заехала в офис «Шеринга», где-то напротив уголка Дуровых находился он, мне презентовали три упаковки «Андрокура», я подарила большой замороженный торт: Ещё один шаг сделан.

* * *

На четыре часа я договорилась о съёмке с Вейсманом. Мы договорились, что он с товарищами-стриптизерами приедет к нам в студию к трём. Ими займется наш визажист и будет их красить. А я подъеду в студию к четырём после другой съёмки. Утром я отвела Лизу в детский сад, — в предыдущий день она была у меня, и сразу поехала снимать групповой портрет с Путиным. Путин на этом портрете занимал мало места, с ним хотели запечатлеть себя еще человек двести членов Центризбиркома. Съёмка должна была произойти в нашей академии. Я не была уверена, что съёмка состоится, для съёмки первого лица требовалась аккредитация за три дня. У нас с Катюшоном не было никакой. Я не снимала никогда Путина, но снимала несколько раз Ельцина, и пару раз меня не пускали на съемку из-за не вовремя оформленной аккредитации.

Я без проблем проехала на машине на территорию академии, у меня был постоянный пропуск на въезд, и было удостоверение сотрудника академии. У входа во второй корпус охрана, внутри тоже — наши академические менты в штатском и сотрудники ФСО*, крупные парни с бесцветными наушниками в ушах.

Это была предельно простая съемка, но минимум оборудования для нее вмещался в огромных двух кофрах — две студийные вспышки по 1000 джоулей, камера 6х7 плюс мой большой штатив CULLMANN за 600 долларов. Всё это мы вволокли под изумленными взглядами охранников в открытые, приготовленные уже для нашего Президента двери.

— Вы откуда, девушки? — охранники обалдели от такой наглости. Уже за два дня по академии бегали кинологи из ФСО с собаками, искали взрывчатку, проверяли все помещения, многие из них опечатывались. Подготовительная работа перед приездом Президента меня впечатляла всегда, когда я еще снимала Ельцина. Было задействовано такое колоссальное количество людей и средств! Запомнилась живописная картина: Перед приездом Ельцина в построенную Межпромбанком церковь недалеко от Арбата по оцепленному району едет вышка с поднятой люлькой, в ней огромный мужик в ослепительно белой рубашке и черном костюме, он был похож на жениха, сбежавшего со свадьбы. Он, стоя в поднятой на высокой стреле люльке, проверял все многочисленные рекламные щиты в округе — не подложена ли в них бомба. А тут, возможно, бомбу вносили в двух огромных, не проверенных никем, сумках. — Вы откуда, девушки? И куда? Поменьше сумочки не могли найти?

— Мы на съемку, — ответила я, и показала свое академическое удостоверение. Оно не давало мне никаких прав снимать, но все-таки объясняло причину моего присутствия в стенах академии. Сотрудник ФСО посмотрел удостоверение, потом на меня. Поморщился.

— В списках прессы вы есть? — спросил он.

— Нет. Нам заказал съемку Вешняков, — соврала я, не став перечислять фамилии академических чиновников, которые со мной договаривались и, на которых охраннику было глубоко наплевать, и назвала сразу фамилию Председателя Центризбиркома.

— Если в списках нет, тогда снимать нельзя, — и лицо охранника приняло привычную для неё кирпичную форму.

— Хорошо, — я пожала плечами. — Мне наплевать, меньше работы:, - я с готовностью взяла сумки и двинулась к выходу.

— Куда? Сейчас узнаю, постой, — остановил меня охранник.

Он испугался ответственности, что сорвет он, может быть,

важную съемку и вздуют его за это по службе. Он связывался долго со всеми, никто, естественно, о нас не знал, и никто не хотел брать ответственность послать нас подальше — вдруг исторический момент встречи Президента с Центризбиркомом для кого-то всё-таки важен.

— Ладно, открывайте сумки, — буркнул охранник, и я открыла. На охранника выглянули синенькие с разными переключателями задние стенки вспышек. — Так, это что такое?

— Вспышки, а это фотоаппарат, — объяснила я, не вдаваясь в подробности.

— Так, убирайте сумки за угол. Президент проходит, тогда готовитесь к съемке. По команде. Понятно?

— Понятно, — мы задвинули их за ряды зеленых диванов. И сами уселись на них — хорошее место для просмотра происходящего.

У входа для поклонов уже стояло академическое начальство — ректор Егоров и пара проректоров; Вешняков и еще несколько незнакомых мне людей; охрана в избытке — конечно, всё то же самое ФСО и, конечно, руководство нашего ментовского отдела в лице очень «видного» его начальника полковника Кузнецова и ещё пары лиц его заместителей в компании с ним поглазеть на Президента. Все в напряжении, все поглядывают в сторону въезда. Вдруг все напрягаются еще больше, вытягиваются, как военные, мы с Катей жмёмся друг к другу. К входу подлетают несколько черных гелендвагенов, несколько машин сопровождения рассыпаются на площади перед входом, два огромных «мерса» останавливаются, быстрый охранник открывает дверь, и: маленький бодренький Путин выскакивает из машины. Все бросаются ему навстречу, здороваются и говорят все одновременно, поэтому совершенно неважно что. В дверь перед процессией вбегает сотрудник ФСО, рука нервно на рукояти пистолета, он дико озирается: В таком месте и при такой предварительной подготовке глупо ожидать засад и нападений, поэтому мы понимаем, что эти безумные действия из вестерна положены по инструкции. Мы сразу его обозвали «Стрелок» — лицо красное, череп лысеющий, лицо страдающее, только что брошенного мужа. Путин легкой походкой убегает по лестнице, группа встречающих с трудом и отдышкой догоняет. Путин должен был выступить на встрече с Центризбиркомом. Выступать он будет недолго.

— Всё, у вас пять минут на подготовку, — дал нам команду человек в костюме с проводком-пружинкой из уха.

Мы быстренько разобрали штативы и всё остальное.

— Давайте пока всё в сторону, — опять скомандовал человек

в штатском, — оставляем место для прохода. Будет команда, поставите всё на место.

В этот момент я чуть было не ляпнула по военному: «Есть!», козырнув под непокрытую голову.

— Сколько надо для этого времени? — уточнил ФСОошник.

— Минута, — еще чуть-чуть и я зашагаю строевой, я до сих пор это умею. Походка «от бедра» у меня выходит значительно хуже.

Прибегает Воронов и начальник протокола из администрации Президента.

— Борис, готов?

— Готов.

— Вы фотограф? — спрашивает начальник протокола.

— Я.

— Расставляете всех, оставляете место посередине, его я поставлю сам. Делаете не больше трех кадров, потом аппаратуру всю в сторону, освобождаете место для прохода. Ясно?

— Ясно.

— Хорошо, — и убежали.

Выходит возбужденная, неуправляемая в двести человек толпа — большая часть из регионов, из местных избирательных комитетов. Растекаются потоком, никто не знает куда вставать.

— Все встаем на эту лестницу, — я, сложив руки рупором, ору, что есть мочи. Все замирают. Лестница, располагающаяся перед входом, и заполняющая собой весь вестибюль, одна, но некоторые самые способные озираются, ищут другую. — Первый ряд здесь, — не рассчитывая на понимание, я для наглядности топаю ногой, показывая место первого ряда. Все, наконец-то, начинают выстраиваться и потихоньку занимают ряды. Опять появляется бодренький и немножко безучастный Путин. Грамотный начальник протокола ставит его в центр и на ступеньку, а первый ряд начинается на мраморном полу. И Путин гордо уже возвышается над высокими Егоровым и Вешняковым, стоящих рядом, на высоту этой ступеньки, на целых полголовы. «Внимание!» — щелк, делаю обещанные три кадра, сдвигаю штативы с прохода в сторону. Путин, поработав очень свадебным генералом, осчастливив двести человек совместной фоткой на память, укатывает в неизвестном направлении. Все вдогонку ещё долго кланяются и для порядка стоят некоторое время в раскрытых осиротевших без Президента дверях. Самый нетерпеливый достаёт осторожно сигарету, все расслабляются и закуривают тоже.

— Какой мужчина! — Катя с восторгом смотрит на отъезжающие машины. — Мужика такого иметь — вот крутизна!

Мой любовник — Президент! Круто! Жалко, что он женат.

— А то, что? — усмехнулась я.

— Ничего, — Катя обиженно надула губы и отвернулась.

С этого момента Кате начнутся сниться эротические сны с участием нашего Президента, думаю, не одной ей в стране. Вот она летит в свой Египет, — в самолете на соседнем кресле Путин, они разговаривают, смущаются и краснеют, потом прикосновения, как бы случайные: и поцелуй, страстный Президентский поцелуй. Вот она у себя на даче, — на грядках с лопатой опять наш трудолюбивый Президент, лопата мешает рукам обниматься, но он, изловчившись, нежно целует свою еврейскую девочку. А вот она с Путиным уже в постели, он признается ей в любви и опять целует ее, целует:

— Я просыпаюсь вся мокрая. Представляешь? Он такой сексуальный! Мне кроме него никто не снится, я горжусь нашим Президентом. Пойду за него опять голосовать, — восторженно делится со мной сокровенным моя любимая девушка.

Я ее слушаю и к Президенту не ревную.

Такого хорошего Президента можно было бы снять и бесплатно, но мы решили не расстраивать себя бесплатной работой. Сколько взять денег за отснятую компанию избиркомовцев во главе с Президентом? Это был тонкий и деликатный вопрос. Снимая для рекламных агентств, мы смело называли суммы, которые должны были получить непосредственно за работу, то есть свой гонорар, и отдельно подсчитывали и брали деньги за расходы. И никого не удивляло в этих случаях, почему мы получаем тысячу долларов или даже две за один день работы. Только однажды в Межпромбанке возмутились сумме в шесть с половиной тысяч долларов за день съёмок и заплатили половину. Потом заплатили и другую, когда управляющему банка потребовалась фотка на документы, а мы её выдали только за этот висящий за ними должок. Не понравилась потом в этом банке и стоимость нашей услуги снять Президента банка на загранпаспорт, — я сказала, что смогу снять его для этой цели за 900 долларов. Они фыркнули и пригласили другого фотографа подешевле, и, слава Богу, он снял его отвратительно, не умел мой коллега делать такую незамысловатую работу. А что тогда он умел? На следующий день я получила свои 900 долларов за этот маленький портрет на загранпаспорт.

Так вот: сколько взять денег за нашего Президента? Обсуждала я этот деловой вопрос с чиновником из академии, и заявлять ему нагло, — заплатите мне «тыщу», было неудобно, числясь при этом в штате данной организации и получая в ней исправно зарплату, а, значит, снять бы я могла Президента и

бесплатно, просто выполняя свои должностные обязанности. Зарплата моя в академии имела неприлично маленькие размеры, настолько маленькие, что разглядеть её в моём бюджете было совершенно невозможно, не вооружившись сложными оптическими приборами: Но ведь такого же размера ежемесячные суммы получали все остальные сотрудники академии, и каким-то хитроумным образом им удавалось на неё выжить, принося с собой на работу баночки с супом и бутерброды с самой дешевой колбасой, и поэтому в глазах этого чиновника моя зарплата «в две копейки» выглядела достойной оплатой моего труда:, вполне приличной, такой же, как у других. И такая сумма в тысячу долларов за полчаса работы вызвала бы только шок у мелкого академического управленца, произносить её было неразумно. Поэтому я эту сумму умно распределила на все фотографии, разделив сумму желаемую на приблизительное количество участников, сказав, что за одну фотку мне нужно заплатить вот столько-то. Для закостенелого мышления чиновника такая сумма была доступна для его понимания, и таким образом я получила свою «штуку» за проделанную работу.

Но эта тысяча стала не последней в оплате за эту съёмку. Одному из чиновников, изображенному на фотографии рядом с Путиным своё лицо показалось глуповатым. Я была абсолютно с ним согласна, оно действительно было раскормленным тупым лицом зажравшегося чиновника. Мне заказали перепечатать всю группу с другого кадра. Я перепечатала и получила ещё тысячу долларов. Я была готова отпечатать её и ещё разок, ведь и на этом варианте тот дяденька-чиновник выглядел не лучше, но он нашел «семь отличий» и был собой очень доволен.

После съемок приличного во всех отношениях Президента, мы приехали, как и запланировали к себе в студию к четырём снимать другой категории клиента. Там нас должны были уже ждать, готовящиеся к съёмке голубые стриптизеры с паханом-опером. Я вошла в студию и поняла, что всё не так, как надо; всё не по плану; всё кувырком… Кроме четырех предполагаемых танцоров и нашей визажистки, в студии еще толкались чужие неизвестного назначения люди.

— Борис, привет! — встретил меня радостный Игорь.

— Привет, Вейсман! — поздоровалась я не очень приветливо, мне определенно не нравились лишние люди, но я ещё не определила для себя в какой степени.

— Вот, знакомься — это мои ребята, — ко мне короткой шеренгой подошли с видом трактористов три парня.

— Здравствуйте, меня зовут:., - и они все представились. Я еще раз их осмотрела: Блядь, заплывшие жирком, с

крестьянскими лицами, пиздец, того же качества, как и те проститутки на обочине Ленинградского шоссе, только мужского пола. Какие, на хуй, они стриптизеры! На двух из них были намотаны какие-то старые шторы — а-ля сценический костюм. Я даже не сухо, а зло поздоровалась с ними.

— А это мы пригласили дизайнера по костюмам, — объяснил происхождение занавесок Вейсман.

Я молча поднялась на второй этаж. Один тракторист уселся перед зеркалом, и его продолжила красить неизвестная девушка. Наша визажистка, которую мы пригласили, скромненько сидела в уголке.

— Марина, а почему красишь не ты? — строгим голосом спросила я.

— Не знаю, я приехала, как ты и просил. Но они сказали, что пригласили своих визажиста и парикмахера, — робко ответила Марина.

Я окинула студию взглядом, еще несколько посторонних человек слонялось без дела. На столе пустые уже бутылки пива, в одной из них куча накуренных бычков. Я заглянула вниз, на третьего участника группы «Голубой огурец» наматывали очередную штору. Я посмотрела на часы: Если их всех на хуй выгнать, мы успеем где-нибудь нормально пообедать и успеем к Добролюбовой на её дурацкий концерт.

— Вейсман, собирай шмотки и уебывай, — рявкнула я громко. Все замерли, но никто ещё не верил в серьёзность моих намерений. — Оглох? Чего смотришь? Забирай свою команду и уебывай, — добавила я.

— Борис, ты чего? — испуганный таможенник ошарашено смотрел на меня.

— Вейсман, ебанный ты клоун. Мы с тобой о чём договаривались? С вертолета ебнулся? Кто просил пригласить визажистку и договориться с ней подешевле? — молчание. — Ты! — ответила я за него и на мгновение задумалась, почему я вспомнила про вертолёт. — Я договорился, — продолжила я. — Она отложила своих клиентов на стрижки, она в салоне работает, деньги потеряла. Почему вас сейчас красит другой человек?

— Ну, Борис. В последний момент у Димки нашего знакомая визажистка нашлась: — начал оправдываться Вейсман.

— Меня ебет? Ты мне позвонил, сказал об этом? Мы сегодня с тобой разговаривали по телефону, ты об этом сказал? Я ей все равно заплачу потому, что она приехала на съемку.

— Я чего-то не подумал:

— Научишься, я тебе помогу. Мы как договаривались сниматься? В этих выцветших занавесках? Я тебе скидку сделал в

300 долларов! Мы обсудили, как и что будем снимать. Почему здесь посторонние люди? Какого хуя ты привёз эту толпу? Ты сказал мне об этом?

— А нам дизайнер сказал, что привезет костюмы и всё придумает, как сниматься. А это его помощники:

— Какой на хуй дизайнер? Ты охуел, Вейсман? Пусть придумывает в другом месте и пусть вас снимает. Я зачем на тебя полдня потратил, обсуждал с тобой как Вас снять идиотов? На хуй вас всех, Вейсман. Через минуту, чтобы никого здесь не было.

— Ну, Борис. Я всех попрошу сейчас уехать. Сейчас все уедут, — все вокруг продолжали замершие стоять — сцена из «Ревизора». Я решила обратиться ко всем. Для революционности момента мне надо было бы забраться на табурет и известить о моем отношении к ним оттуда, но я гаркнула, скромно стоя на нашем голубом, со сложным рисунком, ковролине.

— Хуй ли все встали? Вейсман вас пригласил? Вот теперь быстренько вместе с ним съебались отсюда, — объяснила я доходчиво приехавшим с ним товарищам. — Чего смотришь? Снимай свои занавески, — обратилась я лично к дизайнеру, застывшему в нерешительности.

Наконец, все мне поверили. С трактористов начали сматывать шторы, визажистка уже убирала свои помадки. Остальные сгрудились кучей и испуганно смотрели на меня.

— Собрались? Не хуя глаза на меня пялить, побежали отсюда, — уже собравшиеся сделали гордые лица и походкой с достоинством гуськом потянулись к выходу.

— Может быть, всё-таки снимем? — подошла Катя и вполголоса робко предложила быть к людям добрее.

— Тебе хочется сидеть в студии и снимать их до часу ночи? И терпеть всю эту пидеристическую ораву?

— Нет, не хочется, — Катя, как маленькая девочка из младшей группы детского сада замотала головой, остановила это смешное движение и по-детски доверчиво захлопала глазами.

— Или пойти сейчас спокойно пообедать в Максима-пицце или где-нибудь и поехать на концерт к Добролюбовой?

— Это хочется, — она опять замотала головой, но уже в другом направлении и чуть ли не захлопала в ладоши от радости близкой еды и развлечения.

— Тогда молча сядь в стороночке, я сама их выгоню.

Но все и так уже собирались. Собирались молча, вроде как обиделись. Вейсман с товарищами вышли первыми. Визажистка, парикмахер, дизайнер и еще кто-то подошли извиняться. И чуть ли не раскланиваясь, начали предлагать свои услуги. Ну, что за жалкая человеческая сущность! Если бы мы сейчас взялись их

снимать, вся эта шатия-братия придирчиво оценивала бы меня, потом они экспертами рассматривали бы фотографии, давали бы мне оценки:, рассуждали бы, ни хрена в этом ни понимая, как должен был бы стоять свет, что здесь вот, если бы еще чуть повернуть, было бы лучше и т. д… Они чувствовали бы себя основными в этом процессе. Дизайнер обязательно сказал бы: «Я спас ребятам съемку, если бы не мои костюмы:» А тут их выгнали, и это было самым верным для них признаком моей крутизны. Может быть, чтобы убедить, что ты классный фотограф, надо выгонять всех через раз? Одни убитые горем, что им не удалось сняться у такого мастера, другие счастливые, что им в этот раз так повезло:

— Нам очень жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах. Но мы будем очень рады с Вами поработать на других съемках. Нам очень у вас понравилось! Ваши работы произвели большое впечатление, как будто на выставке побывали, — все говорили почти одно и то же, и все в заключение совали свои визитки. — Вот, пожалуйста, моя визитка. Если Вы позвоните, мы с удовольствием поработаем вместе с Вами. Звоните.

— Обязательно позвоню, — они вышли, и я выкинула их визитки в помойку.

* * *

Мы, походив по незнакомому зданию, с трудом нашли зал, где должна была выступать Наталья Добролюбова. Ба! Вот это да! Зал был полон, и он светился от огромного количества цветов, над каждым креслом вырастал огромный или не очень яркий букет.

— Знаешь, почему все с цветами? — на ухо спросила меня Катя.

— Почему? — я чувствовала, что существует для этого причина, но не понимала еще какая.

— Дура, просто все в зале ее знакомые. Нет ни одного человека, кто бы пришел по билету. Поэтому все с цветами.

— А-а-а! — наконец, до меня это дошло. Как доказательство этому, я тоже в руках держала букет. — О, Господи! Бедняжка. Ладно, послушаем, как она поет на сцене, слушать ее на диске у меня не хватает ни сил, ни терпения.

Мы уселись подальше в зале, и я благополучно сразу заснула. Я проснулась на немецкой детской песенке, которая единственная имела нормальную мелодию. Проснулась в тот момент, когда у Натальи в очередной раз сорвался голос, он взвизгнул высоко, далеко от нужных нот, и в красивом вечернем платье Наталья, виновато пожимая плечами, показывала уважаемой публике на горло, — мол, простыла я, или еще что-то имела она в виду для своего оправдания.

— Зрелище жалкое, — наклонившись, усмехнулась Катя, увидев, что я проснулась.

А проснулась я от вибрировавшего в кармане моего телефона, я сползла по спинке кресла пониже.

— Алло! — вполголоса отозвалась я.

— Привет, Боряныч! Петя звонит, разговор есть.

— Привет, Петь! Чего хочешь?

— Олька, тише, все уже оборачиваются, — Катя возмущенно прошипела мне в ухо.

Я оглянулась, какие-то пожилые тетки действительно гневно смотрели на меня, я съехала еще ниже и оказалась почти на самом полу. Разговор о возможной работе, а, значит, и денежках меня интересовал больше, чем концерт.

— Что Вы делаете недельки через две? — спросил Петя и это очень обнадёживающе обозначало, что через эти две недельки нам опять «светит» неплохая работа.

— А что? — не ответила я.

— Мы хотим снять несколько сюжетов. Но снять мы их хотим здесь у себя в Питере.

— Опять для «Петра»?

— Да. Мы тут работку провели и нам утвердили двенадцать сюжетов.

«Двенадцать!?», — обрадовалась я про себя и надолго в счастливом оцепенении замолчала, я уже подсчитывала нашу возможную прибыль, я умножала «двенадцать» на все вероятные суммы, которые нам, возможно, выплатят за один сюжет, цифры такие дружественные и праздничные радостно запрыгали в моей голове, не способные внятно встать строем в одно правильное число — в мой общий гонорар за эти двенадцать сюжетов. Всю эту бухгалтерскую сумятицу прервал Петин голос:

— Алло, Алло! Не слышно тебя:

— А я ничего и не говорил. Может быть, через две недели что-то и делаем, но если будет планироваться наша поездка к вам, то, естественно, мы приедем. А то ты сам не знаешь, какой ты выгодный и хороший клиент! — польстила я Петьке.

— Хорошо. Надо обсудить по деньгам:

— Петь, я сейчас на концерте. Давай деловую часть обсудим позже. Один хрен договоримся, — прошипела я в трубку.

— На концерте? Успеваете культурно время проводить! А у нас тут дурдом!

— Я тоже в дурдоме регулярно бываю, но не сегодня. А мы, кстати, Путина сегодня снимали, — я чуть было не забыла похвастаться об этом важному клиенту, я не стала уточнять, что снимали мы Президента не одного и не его художественный портрет. Ну и что! Всё равно Путин, всё равно Президент, всё равно высокооплачиваемая съёмка.

— Вот это да! Он к вам в студию приезжал? — Петя был потрясен такой крутизной, что мне и требовалось.

— Нет, мы ездили, — сказала я уклончиво. — Все, Петь, меня сейчас выгонят из зала. Ты лучше пришли по факсу эскизы, если они уже нарисованы.

— Да, нарисованы, вышлю, — мы попрощались.

Наталья затянула другую песню: От сочетания плохо улавливаемой мелодии и ее дребезжащего голоса хотелось плакать. Все эти «веселые» песенки написал для нее, намертво прилипший к ней композитор армянского происхождения Тигран Авакян. «Наталья, один композитор не может написать тебе весь репертуар», — мягко пыталась я объяснить ей хуевое качество исполняемых ею песен. — «Должен быть поиск. Есть песни, которые споёт кто угодно, каким угодно голосом, и они все равно станут хитами. Такие песни надо искать».

— Ну, я ищу, — мямлила Наталья. — Мне удобно с Тиграном, он пишет специально для моего голоса, он меня уже хорошо знает, всегда рядом. И он берет недорого — по триста долларов за песню.

— Так пишет он говно! Никто не будет это слушать и не слушает, хоть сорок клипов ты сними. Ты хочешь сэкономить? Платишь по триста долларов за песни, которые никому на хрен не нужны, но уже купила ему квартиру в Москве. На эти деньги лучше бы купила две нормальные песни или даже три.

— Ну, да, конечно. Но мне не попадаются больше хорошие песни ни у кого, — оправдывалась она. — Я слушаю иногда песни, которые мне приносят, но ничего хорошего пока нет. Тигран пока устраивает меня.

Ей был удобен еще один слуга, который всегда ей пел хвалебные гимны. Наверное, так действительно было приятней.

Пару раз я разговаривала и с Тиграном.

— Ты думаешь, у меня нет хороших песен? — спрашивал он.

— Я ничего не думаю, — сухо отвечала я, мне он не нравился. Великолепный пианист, но хуевый композитор и обычный клоп на теле богатой тетки, сосущий из нее кровь и деньги. К тому же, к Наталье я относилась с симпатией, как к женщине, и с большим уважением за её трогательные настоящие стихи. Я смотрела на Тиграна с брезгливостью.

— У меня есть хиты, настоящие хиты. Но я не дам их испортить этой бездарности, — и он пальцем тыкал в направлении соседней комнаты, где предположительно находилась Наталья.

Этот творческий дуэт распадется только тогда, когда во время очередной пьянки Тиграна, а он был алкоголиком, из окна, купленной ему Наташей квартиры, вывалится его подружка. Этаж был какой-то очень высокий, и она разобьется насмерть. Помог ли он ей в этом, или она сама свалилась, обпившись до чертиков? История умалчивает: В милицию начнут таскать всех и Наташу Добролюбову тоже. Так и не ставший известным армянский композитор теперь навсегда останется без работы.

* * *

Я опять была на приеме у Василенко. Приехала я к ней с результатами своих гормональных анализов.

— 28,1 — у вас высокий тестотерон! Как у нормального мужчины, — с укоризной в голосе обвинила меня Любовь Михайловна.

Я виновато пожала плечами и тяжело вздохнула. И тестотерон у меня высокий, и член как член — не пизда вовсе, и характер скверный. Что тут делать? Я опять пожала плечами и даже развела руками:, но ничего не сказала.

— И эстрадиол высокий — 0,84, - она рассматривала принесенную мной бумажку из «Ниармеда», медцентра на территории института им. Гамалея. В ней было пять позиций, понимала значение я только двух, тестотерон — мужской гормон, эстродиол — женский. — Вы ничего не принимали перед сдачей крови или в последние дни?

— Нет, я специально еще до того, как впервые пришёл к вам, перестал пить таблетки. Я предполагал, что надо будет сдавать анализы. Я полтора-два месяца ничего не пил до их сдачи.

— Хорошо, — одобрительно кивнула головой Любовь Михайловна. — Когда начнете мой курс?

— Я уже начал. Я сдал анализы и на следующий день начал принимать. Почти месяц уже прошел.

— И как?

— Что как?

— Ну, как чувствуете себя? Как эрекция?

— Когда эрекция?: — я не совсем поняла вопрос, и эрекции доставляли удовольствие только в момент самой эрекции, разговоры о ней мне были неприятны. Мне был ненавистен вид своего члена в любом состоянии, но я пыталась к нему относиться не как к части себя, а как к уродливому домашнему животному, которое мешало мне жить, но его жалко уже было выбросить на улицу. Я пыталась смириться с чудовищем и относиться к нему дружественно, все-таки он доставлял мне удовольствия, помогал иметь с женщинами полноценные отношения, всегда так усердно старался: Относиться к нему по-другому было бы несправедливо.

— Ну, вообще, эрекция есть? — уточнила свой первый вопрос Василенко.

— Ну да: От приема гормонов она лучше, естественно, не становится. Разница в том: Я не знаю, как это объяснить. Не принимая гормоны, я возбуждаюсь от мыслей, я возбуждаюсь от многого: Смешно, может быть, звучит, но я возбуждаюсь тогда от хорошего ужина, мне сразу после него хочется заниматься сексом. При любом неподвижном состоянии я тогда начинаю думать о женщинах и сразу возбуждаюсь. А когда принимаю долго гормоны, то возбуждаешься больше от действий, начинаешь целоваться или еще что-нибудь: тогда возбуждаешься. То есть, мне недостаточно посмотреть на чью-нибудь попу, мне надо уже будет ее потрогать, чтобы возбудиться. Ну, или извините, конечно, за такой пример: Когда я занимаюсь мастурбацией в

период, когда не принимаю гормоны, я могу отвлечься от своих эротических фантазий, вспомнить о своей работе, или даже о деньгах, или о конфликте с женой — все равно эрекция останется, как и была, никуда не денется. Если я принимаю гормоны, и подумаю о чем-то постороннем, о той же работе, членик — «пымс», — и я показала закорючкой согнутый свой палец вниз. — Вероятность заснуть в этом случае такая же, как и получить оргазм, — закончила я, наконец, повествование о жизни прилепившегося ко мне по роковой ошибке ещё при рождении этого чуда-юда. Мне, действительно, было тяжело и неприятно говорить о своем члене, но что поделаешь, мне еще не раз придется в подробностях распинаться о его поведении.

— Странно, обычно эрекция совсем пропадает при приеме эстрогенов и тем более андрокура, — удивилась Любовь Михайловна и посмотрела на меня недоверчиво.

— Тогда бы я вряд ли стал принимать гормональные средства. Дело даже не в оргазмах, дело в жизненных мотивациях. Жить, не желая прекрасного, не желая женщины: — теряется тогда смысл многого, пожалуй, самой жизни.

— Ох, если бы все так рассуждали:.

Я опять заплатила за прием 500 рублей и убежала работать. Через час у меня была назначена встреча с клиентами, они должны были приехать к нам в студию обсуждать какую-то съёмку, а ближе к вечеру должна была подъехать Ириша, встреченная мной транссексуалка в прошлое моё посещение Василенко. Ириша позвонила мне вскоре после нашей встречи, и, как и все новые знакомящиеся со мной трансики, попросила, конечно, её снять, — принцесса, видите ли, надо запечатлеть её красоту. Тогда это была одна из первых подобных встреч, и я не отказала. Потом я запросто буду всех «отшивать», не вспоминая о чувстве солидарности и прочей ерунде.

Клиенты приехали и уехали, поторапливаемые моим неожиданным и сознательным молчанием, сменившем мою болтовню и умные рассуждения, как должна быть снята их начинающая группа со странным названием «Ман. ка». Состояла она из маленькой молоденькой девушки и двух совсем немаленьких животастых немолодых мордоворотов — сочетание странное или даже не сочетание вовсе.

Приехала Ириша. Я её хорошо помнила, но рассмотрела её внимательно ещё раз. Ирише повезло, родившись типичным азиатом, она имела когда-то мужское тело, но тело небольших размеров, с маленькими ручками, с маленькой ножкой, имела азиатское лицо, не успевшее, видимо, до гормональной терапии и операции (SRS) стать слишком мужественным, к тому же

азиатские черты не несут обычно таких явных половых различий, — растянутые к ушам глаза щелками, плоское лицо: Женщина? Мужчина? Кто их разберёт!

Ириша поднималась по лестнице и перед моими глазами переваливалась её разжиревшая в новом гормональном статусе попа, — она тоже выглядела убедительно женственно. Ириша много без умолку болтала, голос, я уже говорила об этом, она имела абсолютно женский.

— Вот знакомься. Это Катя, мы вместе работаем, — я указала рукой на Катю, растерянно стоявшей посреди студии. — А это Ириша, мы познакомились э-э-э:. - я запнулась, не зная, прилично ли говорить о нашем месте знакомства.

— Очень приятно, — первой отозвалась воспитанная Катя.

— Здравствуйте, мне тоже очень приятно. Какая у вас большая студия! Ой, вы даже Кристину Орбакайте снимали? — Ириша разглядывала висящие на стенах наши работы. На Орбакайте обращали внимание все, что меня уже давно сильно раздражало. Этот плакат с Кристиной, снятый для рекламы итальянских колготок, был далеко не лучшей фотографией среди многих других, висящих на всех имеющихся в студии стенах. Были фотографии, которые не содержали в себе известного народу лица, но при этом несли в себе настоящую красоту и силу, в них была оставлена частичка моей души, это были очень эмоциональные, зрелые и полноценные работы, за которые я по настоящему гордилась. Но лица известных популярных людей, хоть убей, всё равно привлекали внимание несравнимо больше, чем эти, сделанные со всей душой картинки.

— Снимали, снимали: Ты чай будешь или кофе? — я стояла уже с чашками в руках.

— Я чай, если можно, — сказала Ириша, Катя тоже изъявила желание выпить чаю. Мы сели за стол.

— А вы Кристину Бергер знаете? — спросила Ириша и поочередно посмотрела на нас обеих.

— Нет, — протянули мы.

— Ну, как же, она тоже транссексуалка, она выступает в клубах. Такая красотка! Настоящая Барби! — восторженно описала Ириша свою подружку.

— Барби — кукла что ли? — недоверчиво уточнила я.

— Да, она просто как куколка: и личико: и фигурка: Я раньше вместе с ней выступала.

— Выступала?

— Да, я же танцую: и сейчас танцую стриптиз в одном клубе.

— Надо же! — удивилась я.

— Ничего себе! — удивилась Катя.

— Я и в Германии выступала, ездила туда год назад, — похвасталась Ира.

— Надо было замуж там выходить, — логично посоветовала Катя.

— А я замужем, у меня муж здесь в Москве.

— А как он относится к твоей работе, я имею в виду стриптизу, — поинтересовалась я.

— Нормально. Как ему относиться? Зарабатывает он мало, вот и терпит. Он в техникуме преподаёт. Да и привык он уже к моей работе. Он намного старше меня, пусть радуется, что такая красотка ему досталась. Если бы не его квартира, я бы вообще от него давно сбежала, — о муже она рассказывала небрежно и даже поморщилась.

— Надо же!

— Ничего себе: А он знает, что ты: ну там это? — я опять не была уверена в деликатности своего вопроса.

— А он и не спрашивает. Я ему один раз сказала, он говорит, что не верит мне. Не знаю: Не верит, пусть не верит. Вообще, мне наплевать. Вот у меня сейчас на работе моей не знают об этом, вот это да! Я ужас, как боюсь, если кто-то им об этом расскажет или сами как-то это поймут. Тем более мы с хозяйкой так сдружились, она мне предлагает не танцевать уже, а быть администратором.

— А это лучше? — спросила я.

— Конечно, лучше. Мне сейчас уже тридцать. Сколько я ещё танцевать буду? Ещё чуть-чуть — и всё. Надо думать о будущем.

— Ну, да: наверное: А ты откуда сама? — вопросы, конечно, задавала я, воспитанная Катя не выясняла подробностей чужой жизни.

— Я из Казахстана, казашка я. Не видно, что ли? Родилась и выросла в селе, баба я деревенская, — она рассмеялась. — Я уже маленькая всем объявила, что хочу быть девочкой:

— Как же в деревне все это восприняли?

— Мама иногда ругала меня за это, но, в общем, нормально. Я и тогда выглядела странно, была похожа на девочку, но ко мне хорошо все относились, никто не обижал, некоторые мальчишки наоборот меня защищали, как девчонку. У меня же и голос такой всегда был, это он не после операции таким стал. Меня когда в армию призывали, так, вообще, не знали что со мной делать?

— В армию? Как же ты в армии служила? — я удивилась ещё больше, чем тот милый психиатр Крюков, который тоже был крайне удивлён подобному обстоятельству, но в моей жизни.

— Обычно служила, я сама в армию пошла. Решила — отдам долг Родине, а потом буду пол менять, — мы с Катей

переглянулись, такого патриотизма мы ещё не видывали.

— Ну и чего дальше? — не важно кто из нас это спросил.

— Меня взяли в самые элитные войска — в стройбат, — с гордостью объявила Ириша.

— А с чего это они самые элитные? — удивилась я, стройбат считался всегда самой отстойной частью наших славных войск, в стройбате в некоторых частях даже ни разу не выдавали солдатам оружие за всю их двухлетнюю службу, не доверяли.

— Самые элитные! — продолжала нас убеждать в этом Ириша. — Десантные и стройбат, они всегда считались самыми, самыми.

Я не стала спорить и обижать бывшего ветерана инженерных войск, сидевшего рядом со мной в этот момент в развратном черном платьице.

— Приехала я в часть, на меня посмотрели и сразу повели в штаб. «Кто тебя такого призвал? В каком военкомате?» — это они меня спрашивают. А я: «Хочу Родину защищать». Они, услышав мой женский голос, вообще все обалдели. Предложили мне пойти писарем в штаб. Я сказала, в штаб не хочу. Они меня уговаривали, но я сказала, что в штаб ни за что не пойду, буду служить, как все. В казарму пришла и всем сразу сказала, что я женщина:

— Как? Так и сказала? — я представила эту невероятную картину: сто пятьдесят грязных запущенных мужиков, обычный размер общевойсковой роты, выслушивают это заявление от своего сослуживца.

— Да, так и сказала. Некоторые посмеялись, но за два года меня никто ни разу не то, что не ударил, пальцем даже не тронул. Один дед* один раз замахнулся, а я стою, даже не защищаюсь и спокойно ему так: «Ну что, на девушку руку поднимешь?» Он плюнул, развернулся и ушел. А потом за мной парень начал ухаживать, фамилия Братеев у него была. Конфеты мне покупал, карамельки разные, ну, знаешь, что в армии покупают обычно. В солдатской чайной меня угощал: Хороший парень. А один раз: строили мы какой-то дом, и затаскивали мы трубы на самый верхний этаж. Я тащу трубу, сил никаких нет, дом только строится и окон ещё нет, со всех сторон дует, руки закоченели. Я дотащила до третьего этажа, встала на лестничном пролете, стою и плачу, не могу дальше идти. И снизу мой Братеев поднимается. Увидел, что я плачу, обнимает меня и целует меня в щеки, целует, целует: Я его отталкиваю: «Ты чего делаешь? Отойди от меня». «Я целую свою любимую девушку», — говорит он, представляете? — Ириша пискляво рассмеялась.

— Ну: у вас была любовь: близость? — не унималась я с

вопросами.

— Сексом я ни с кем тогда не занималась.

— Ну, ты же мужчин любишь?

— Люблю, но пока мне операцию не сделали, я ни с кем сексом не занималась. Это был бы тогда гомосексуализм, а я женщина, — непреклонным голосом заявила Ириша.

— Ну, да, конечно, — с этим я была абсолютно согласна.

— Очень романтично, — оценила эту историю Катя.

— Тоже иди в армию, за тобой тоже будут ухаживать, — посмеялась я.

— В общем, я не жалею, что пошла в армию и честно отслужила. Потом вернулась, поступила в педагогический институт там у нас в Казахстане, пока училась, бегала уже по врачам, в Москву ездила, институт закончила, отработала даже учителем несколько месяцев в нашей местной сельской школе, а потом уехала в Москву: Сделала операцию у Акопяна в центре репродукции и домой уже не вернулась. Я потом приехала домой уже как женщина, документы надо было менять, меня очень хорошо встретили и родные, и все знакомые. Мама только поплакала и всё.

— Удачно. У некоторых с родителями не выходит так. Наверное, ты с детства действительно была как девочка, и эту перемену уже все ожидали, это не стало для всех такой большой неожиданностью.

— Наверное: Кстати, помнишь Евгению? — неожиданно переменила тему Ира.

— Да, с тобой тогда она была, — этого молодого парня с длинной как у гуся шеей с застрявшим и торчащим комком посередине неё, в неизвестного происхождения женских тряпках, я, конечно, хорошо помнила.

— Представляешь, она познакомилась с парнем: — начала Ириша.

— А она сделала уже себе операцию? — перебила я её.

— Ничего не сделала. Копила деньги, проституцией начала заниматься. Отложила около тысячи долларов, то есть уже могла операцию сделать. Так она со своим парнем на эти деньги поехала в Сочи. Села в поезд:

— А она так и поехала в юбочке?

— Да, так и ехала. Я ей говорила, что она не выглядит ещё достаточно женственно, и у неё могут быть проблемы, вот эти проблемы она и получила. Её застучал проводник или кто-то из её купе нажаловался:, в общем, всё-таки, видимо, проводник заявил в милицию, что едет мужик в женском платье, и её сняли с поезда на первой же станции: милиция. Её избили, отобрали все

деньги — шестьсот долларов у неё было с собой, билеты её даже сдали и забрали за них деньги, изнасиловали, отвезли на ментовском «козле» в Москву к ней домой и забрали все деньги там, у неё ещё около четырехсот долларов оставалось. Вот так вот.

— Ужас! А она заявила в милицию? — спросила я. — У них же есть подразделение собственной безопасности или как оно называется.

— Нет, конечно. Жива осталась и то, слава Богу!

Этот рассказ произвел на меня удручающее впечатление. Мне не нравилась Евгения, я понимала, что ехать ей, выглядящей по всем признакам, как парень, в юбочках и прочих женских шмотках, было абсолютной глупостью. Я также понимала её соседей по купе, я тоже не обрадовалась бы такому уродливому соседству, вела себя Евгения, я это хорошо помнила, исключительно вульгарно, навязчиво, утомляла своей неумелой игрой в девушку, своей жестикуляцией, активной настолько, что она ненароком могла Вам выколоть своей кривляющейся рукой глаз. Я представила, как я еду в купе вместе с Лизой, и напротив сидит такая Евгения, да ещё с подло едущим за её счёт парнем, а это значит, что он конченный мудак и, конечно, к тому же «голубой» — Евгения не могла понравиться нормальной ориентации мужику, имея все признаки обыкновенного парня. Я бы тоже предприняла что-нибудь:, может быть, не стучала бы в ментовку, но сидеть сутки в такой компании я точно не стала бы. Надавала бы всем пиздюлей, и ехали бы они у меня в тамбуре: Тьфу, начинаю рассуждать, как те подмосковные менты. А ещё я понимала, что могу попасть в точно такую же историю, что, конечно, веду я себя, может быть, поприличней, ни к кому не лезу, но перспектива оказаться не понятой нашей родной милицией существовала очень реальная. Слава богу, в будущем ничего такого не произойдет, родная милиция и ещё роднее ГБДД меня будут только удивлять своим пониманием моей ситуации и крайней деликатностью по отношению ко мне. Вроде простые мужики, а вели они себя всегда исключительно по-джентельменски, как будто гимназии царские кончали: Я удивлялась, удивлялись этому и все. Катя иногда смеялась, что на мне в итоге женится мент. Ох! Родной милиции я желаю другого счастья и других женщин! Она этого всё-таки заслуживает.

Сняли мы Иришу. Она, не стесняясь нас, начала переодеваться. Из-под трусиков по животу от её гениталий тянулся большой фиолетовый шрам, я вспомнила, что делали ей влагалище из сигмовидной кишки, из разреза на животе изымали, наверное, необходимый фрагмент этого органа для последующей

пластики. Всё остальное, как обычно — баба и баба.

Отличало Иришу от других женщин только её сосредоточенность на этой теме её происхождения. За много лет прошедших после операции она не смогла войти в женскую половину мира и плотно закрыть за собой дверь, а, может быть, и не было никакой двери: Может, женщины — это женщины, это существа, родившиеся на одной планете, мужчины — это мужчины, они вылезли на свет божий совсем на другой, а транссексуалки — это транссексуалки, они появились на свет где-то между, в космических перелётах, не довезли их до нужного роддома на родную планету. Совсем существа другой породы: Или я ошибаюсь: Ни хрена не понимаю я в этом мире, а раньше всё казалось простым и понятным.

А ещё все разговоры Иришы о мужчинах, которых она вроде бы так любила, были совершенно лишены эротической окраски. Она взахлёб описывала, сколько он ей заплатил, или не заплатил наоборот:, или сводил куда:, но не про одного она не сказала — «люблю», «он мне доставил удовольствие», «мне было с ним хорошо», «в постели он классный мужик», «я соскучилась», «я хочу его видеть опять», «когда я с ним рядом, мир вокруг становится другим», «я без него не могу жить» — нет, ни одной такой фразы, от чего я пришла к выводу, что оргазмов и удовольствия от любви и секса девушка Ириша не получает. Позже я приду к более обобщающему и грустному для меня выводу, что оргазмы, вообще, среди прооперированных транссексуалок — это всё-таки большая редкость. Нет, такое бывает, если, конечно, операция происходит успешно и ещё при наличии очень многих других факторов:.

Э-э-э: Что-то хотела я ещё сказать и сбилась с мысли: Да и какая разница от чего случаются у транссексуалок пост-оп* оргазмы, а от чего они эту возможность навсегда теряют? Даже мне наплевать на это, потому что съела я в данный момент вкусную сдобную булку, уже поздно, и, видимо, сейчас я сладко засну за своим ноутбуком.

Успею написать, что Иришу я сняла хорошо. Постаралась я. Она вышла яркой, сексуальной азиатских кровей красоткой. Потом она заехала, забрала фотографии, несколько раз мы созванивались в будущем. Последний раз она звонила совсем недавно, только что высланная из Германии из-за просроченной визы. Жизнь её течёт в определённом русле, и вырваться за её берега она до сих пор не смогла, стриптиз и сопутствующие услуги — до сих пор основное занятие рядового инженерных войск и сельской учительницы из Казахстана. Искренне желаю ей лучшего.

* * *

— Сколько вам дней надо для того, чтобы снять двенадцать сюжетов? — мне опять звонил Петя.

— Мы получили вчера ваши картинки с эскизами. Если объединить сюжеты, похожие по бэкграунду, то можно будет их снимать по три в день, — рассчитала я.

— А по четыре? — сделал попытку сэкономить Петя.

— Можно и все снять в один день. Зачем валить все в одну кучу? Бюджета у вас хватает. Больше трех сюжетов — это будет уже слишком в спешке и с меньшим количеством материала на один сюжет. Кому это нужно?

— Хорошо. Вы можете приехать на пару дней пораньше, просмотреть кастинги*, они у нас на видео, и Пи-Пи-Эмчик* у нас будет с клиентом?

— Я приеду один, а Катя сможет приехать за день до съемки, она в Египет сегодня улетает на неделю. Вернется и сразу прилетит в Питер. И Аслан пусть тогда вместе с ней прилетает. Чего ему от безделья страдать два дня?

— Хорошо. И хочу еще сказать, у «Петра» сменился владелец — был Рэйнолдс, а теперь Джапан Табако, они купили их, но менеджеры некоторые прежние остались.

— Ничего себе!

— Просто мы каждый раз говорим клиенту, что находим другого фотографа. То есть они довольны, но мы им каждый раз говорим, что в этот раз нашли фотографа еще круче. Так надо. Ты имей в виду это, если тебя спросят, — предупредил меня Петя о сложной схеме работы с клиентом.

— Ок. Ладно, ближе к вылету созвонимся.

* * *

— Я люблю тебя! — прошептала я и поцеловала маленький изящный Катин пальчик, скользящий по моим губам.

Я была у Кати дома, мы сидели и ждали, когда надо ехать в аэропорт. Моя голова лежала на Катиных коленях, я смотрела на нее снизу вверх, это был не лучший вид Катиного лица, — оно наклонилось, и сила гравитации некрасиво тянула ее щеки вниз, но это только придавало фанатичные интонации моим мыслям: «Все равно ее люблю, люблю ее любую!». Ее пальцы перебирали мои волосы, а другой рукой она трогала мои губы. Меня это возбуждало, и я с ума сходила от желания:

— Я люблю тебя, — шептала я много раз и ловила губами её

нежные пальцы.

— Олечка, я тоже тебя люблю: и всегда любила. Не знаю, как бы я без тебя жила.

— Ты опять уезжаешь, я всегда по тебе так скучаю.

— Я же на недельку — туда и обратно. Ты и не заметишь.

— Неделя: — это так долго.

— Не хныкай, я тебе подарочек привезу, — она наклонилась и поцеловала меня.

— Может быть, нам не поздно ещё пожениться? Может быть, я еще не такая уж баба, как ты говоришь?

— Может быть, и не поздно, я сама в последнее время об этом постоянно думаю. Конечно, ты превратила себя непонятно в кого, но ты все равно остаешься мужиком в гораздо большей степени, чем все остальные.

— У нас, мне кажется, был бы мальчик, — неожиданно предположила я.

— Почему мальчик? — удивилась Катя.

— Я на тебя смотрю, у тебя ото всех был бы первым мальчик, не только от меня.

— Хорошо бы: Я хочу мальчика. Вообще, уже давно пора рожать, а то дождусь осложнений.

— Катюшон, ну что за глупости? За границей вообще все после тридцати рожают.

— Так до тридцати мне уже недалеко. Ты что, забыла сколько мне уже лет?

— Тук, тук, тук. Это я. Можно? — в комнату вошла Гиля. — Всё, надо выезжать.

— Гилюш, зачем так рано?

— Давайте, вставайте, — скомандовала Катина бабушка. — Посидим на дорожку, и будем выезжать. Лев Ефимович уже волнуется, что ты опоздаешь, — и она деликатно опять оставила нас вдвоем.

Гиля всегда провожала Катю во все её поездки и ехала вместе с ней в аэропорт, а встречала ее всегда капустным пирогом.

— Это не Ваш паспорт, я вас не пропущу, — злая тетка на паспортном контроле повертела в своих руках мой паспорт и швырнула его передо мной. — Девушка, отойдите от стойки.

— Я не девушка, посмотрите другие мои документы. Вот мое удостоверение с работы, — я сунула ей под нос мое удостоверение из академии.

Физиономия моя там была далеких времен, в костюме и в галстуке я строго смотрела с них на контролершу. Название организации со словами «:при Президенте РФ» произвели впечатление, тетка уже на меня не орала.

— Вы и здесь на себя не похожи, — уже вежливо, но по-прежнему не смогла меня идентифицировать женщина в форме.

— Вот мои права, — с последней надеждой я достала их из кошелька и положила их перед ней. На них я была с абсолютно черными волосами, на паспортном контроле я стояла с ярко-рыжими.

— Тьфу, не поймешь Вас. Проходите, — и она отвернулась от меня к другим стоящим в очереди пассажирам.

В Питере меня встречала сотрудница «Бизнес-линка». Молодая женщина с короткими русыми волосами и в коротеньком летнем желто-коричневом платьице стояла на прилете с табличкой «Фомин».

— Здравствуйте, это я, — подошла я к ней со своими сумками.

— Здравствуйте, меня зовут Галя Лисовская, — представилась женщина в летнем.

— Очень приятно.

Мы сели в ее машину, я успела сказать пару фраз, ответить на пару вопросов и тут же сладко уснула. Проснулась я посреди пути. Я увидела ее загорелые, чуть раздвинутые бедра, очень не скрытые ее коротеньким платьем. Кожа гладкая, ножки чуть шевелились, нажимая на педали. «Какие красивые ноги!» — подумала я и то же самое произнесла вслух. И опять заснула. Этой волшебной фразы оказалось достаточно, чтобы понравиться милой девушке Гале Лисовской. Мне она тоже понравилась. Мы заехали в офис, выгрузили аппаратуру, и меня уже просто водитель агентства отвез в гостиницу «Санкт-Петербург». Меня оформили, я поднялась к себе в номер, вхожу, не успела закрыться дверь — звонок.

— Алло!

— Здравствуйте! Элитные девушки Санкт-Петербурга предлагают Вам свои услуги: — томный девичий голос как будто с бумажки зачитывал эти фразы.

— Девушка! — я ее перебила, всю информацию она уже изложила. — Оставляйте свой телефон, если будет надо, я позвоню, — я не планировала иметь секс с проститутками, но мужские стереотипы поведения не позволили мне просто сказать: «Извините, девушка, мне ничего не надо». Нет, так говорить нам в падлу! Что я импотент какой-то?

— А мы телефон не оставляем. Если хотите, мы можем сейчас прийти, — предложил назойливый голос.

— Девушка, у вас сервис как-то не продуман. Как вы себе это представляете, я только вхожу с чемоданами в дверь и через минуту вызываю вас? Я хочу сходить поужинать, принять душ,

потом только задумываться о чем-то другом.

— Я могу через час позвонить, — не унималась навязчивая девушка.

— Не надо, по часам я сексом не занимаюсь, — и положила трубку.

Я приняла душ, переоделась. Катя прилетала завтра днем, с ней должен был прилететь и Аслан Ахмедов, — приглашенный нами на съемку визажист или стилист, что в принципе одно и то же. Делать в номере было абсолютно нечего, и я спустилась вниз в бар. Я шла по вестибюлю первого этажа, на диванчиках у входа сидело, разбитые на стайки, бесчисленное множество проституток. Я не разглядывала их нагло, как на Ленинградском шоссе из окна машины, нагло рассматривали меня они, они переговаривались, отпускали шуточки и громко смеялись. Я быстро прошла мимо них и вышла на улицу.

Столики красиво стояли почти на самом берегу Невы. Напротив, на другой стороне, революционно освещенный красным садящимся солнцем, стоял навеки пришвартованный, легендарный крейсер «Аврора». Удивительное настроение дарит старый Питер в хорошую погоду! Я села за крайний столик и заказала себе джин с тоником. Я обычно совсем не пью, но красивый вид, ощущение свободы:, короче, я заказала себе спиртное. Я наслаждалась вечером, думала о Кате, думала, что нас ждёт, понимала, что не ждёт ничего, и тут же гнала от себя эти грустные мысли, не позволяя себе огорчаться.

Из-за угла на меня выглянули сразу несколько девушек, я повернула к ним голову, и они спрятались обратно. Так они выглянули еще несколько раз: Потом исчезли на некоторое время: Смелым шагом из этой веселой засады вышла блондинка в коротенькой кожаной куртке и в еще более короткой юбочке. Она, как по подиуму, красиво двигая бедрами, шла по направлению ко мне. Я неуверенно поежилась, мне стало страшно, — зачем это она идет ко мне? Она прошла мимо моего столика, но ушла она недалеко, она остановилась в двух метрах от меня у ограждения уличной части бара. Она встала ко мне спиной, точнее попой и теперь усердно крутила ее перед моими глазами. Пока мне всё нравилось!

— Девушка! Ну, чего Вы маетесь, садитесь ко мне за столик, — пригласила я её почему-то голосом тюремного пахана.

— Можно? — она с такой радостной готовностью и так резко повернулась ко мне, что я от неожиданности вздрогнула.

— Садитесь. Меня Борис зовут. Что Вам заказать? — предложила я вертлявой короткоюбой блондинке.

— Пиво, — не задумываясь, сказала девушка и усадила свою

неспокойную попу на соседний стул. — Если можно, «Туборг», — уточнила она.

Я заказала.

— А меня Лена зовут, — представилась она и закурила «Парламент».

— Очень приятно. Как жизнь проходит в отеле?

— Нормально: Я здесь работаю: ну, понятно кем.

— Наверное, моей горничной, — усмехнулась я.

— Ну, могу и горничной, если заплатишь. А мы с девчонками поспорили — баба ты или мужик.

— Ну, и кто выиграл? — поинтересовалась я.

— А я не спорила. Но я тоже не поняла, кто ты. Меня послали это выяснить, — она махнула рукой опять высовывающимся своим подружкам. — Вот дуры, не успокоятся, пока я им не расскажу. Наплевать, пусть гадают. А что это ты, действительно, так странно выглядишь?

— Как странно?

— Ну, странно:, мужественным тебя не назовешь. Грудь у тебя э-э-э:

— Я пол меняю, — честно призналась я.

— Пол меняешь!? Вот это да! Так тебе мужики нравятся? — Лена разочарованно скривила губы.

— Мужики не нравятся, сексом пока занимаюсь с женщинами.

— А зачем тогда пол менять? — удивилась Лена.

— Трудно сказать: Сам не понимаю такую глупость. Действительно, идиотизм какой-то! — усмехнулась я искренне данному обстоятельству, я сама удивилась нелогичности своей ситуации.

— Ну, а там-то у тебя что? — она перегнулась через стол, глазами показывая ниже моего пояса.

— Какая тебе разница? — засмеялась я. — Отстань с такими вопросами.

— А что ты делаешь в Питере?

— Приехал по работе.

— Из Москвы?

— Из Москвы: Я фотограф, снимать буду здесь несколько дней.

— Фотограф? Надо же! Интересно! И что ты снимаешь?

— Ерунду всякую, в данном случае буду снимать рекламу для «Петра Первого» — это сигареты такие.

— Знаю. И много платят?

— Так: Вряд ли это можно назвать много. Извини за нескромный вопрос, тем более сразу скажу, что вряд ли

воспользуюсь твоими услугами: А сколько стоят они: — я помялась, — сколько стоят твои услуги?

— Сто долларов — час.

— И как? Все ОК с работой?

— Да. Я по несколько клиентов имею за ночь, — гордо похвасталась Лена своими стахановскими достижениями.

— Здорово, — я ей не поверила.

Гостиница была потрепанная. В хорошем месте, в центре, и «Аврора» тремя своими трубами украшала вид, но гостиничные номера очень огорчали своим состоянием, и цена 100 долларов в день за номер вряд ли соответствовала этому качеству проживания. Я каждый день платила горничной сто рублей, чтобы она не застилала ужасающего вида пыльное покрывало на мою постель. Деньги она брала, но все равно продолжала его стелить. Я не верила в большое количество платежеспособных клиентов в таком гиблом месте.

— Я сама из Питера, у нас девчонки почти все приезжие, а я местная, здесь родилась, у меня квартира здесь своя, — еще об одном предмете гордости рассказала Лена.

— А раньше, чем занималась? — продолжала выспрашивать я.

— Во-первых, занималась спортом, я мастер спорта по плаванию, я с детства плавала, на соревнованиях выступала.

— Ничего себе! — эта фраза прилепилась ко мне и к Кате от моей дочки, шестилетний ребенок удивлялся миру, хлопал длинными ресницами и каждую минуту говорил: «Ничего себе!». Нам тоже часто приходилось удивляться и каждый раз мы, как и Лизуля, хором восклицали эту приклеившуюся к нам фразу. — Ничего себе! Мастер спорта — это круто! Это надо долго и серьезно заниматься.

— Я и занималась почти всю жизнь. Потом занялась торговлей, открыла свой магазин, все деньги в него вложила: Уже всё налаживалось, место было хорошее и всё такое, и вдруг раз: и кризис. Пролетела по крупному. Мужик мой сразу меня бросил, жил за мой счет. После этого я начала заниматься проституцией, — она помолчала. — Осуждаешь?

— Не осуждаю. Хорошего в этом мало, но морали читать не собираюсь.

— Да, хорошего мало, — она вздохнула. — У меня парень есть: из Эстонии, ко мне приезжает часто. Может быть, замуж за него выйду.

— Любишь его?

— Да нет, но он один у меня такой постоянный. Он мне деньги дает, не каждый раз:, я же с ним не как проститутка

встречаюсь, но через два или три раза: то тысячу, то пятьсот долларов обязательно даст.

— Молодец твой парень. А у вас есть девочки, которые оказывают садомазохистские услуги?

— Это как это? — удивилась Лена.

— Садомазохизм — знаешь, что это такое?

— Так, в общих чертах.

— Ну, секс с насилием, когда связывают и прочее, — некоторые другие унизительные действия из садомазохистского секса мне перечислять было стыдно.

— Нет, наши девочки этим не занимаются, — опять с гордостью сказала Лена. — А зачем тебе?

— Нравится такой секс.

— Нравится?!: Ужас какой! Тебе нравится, когда ты издеваешься или, когда над тобой?

— Почему именно издеваешься? Всё очень условно и смысл не в этом. Ну, вообще, надо мной, — призналась со стыдом я. — У меня мазохистские наклонности.

— А что же в этом приятного — когда тебя унижают?

— О, Господи! Не знаю:, мне приятно и всё. Мне нравиться ощущать власть женщины надо собой, ничего плохого в этом нет.

— Власть женщины над тобой?: Интересно: Давай ты меня быстренько этому научишь, а я сделаю всё как надо. Я с тебя даже денег не возьму, — с воодушевлением предложила Лена.

— Лена, не надо, этому нельзя научиться. Я просто так спросил, для поддержания разговора.

— Не-е-ет! Тебе хочется удовольствий, я это вижу. Я тебе точно «дам» сегодня бесплатно, ты какой-то слишком особенный, у меня таких фруктов еще не попадалось. Пойдём к тебе в номер.

— Давай просто посидим, зачем сразу в номер? Что тебе еще заказать? Может быть, поешь?

— Что, девочка, испугалась? Будет тебе сейчас насилие, — опытная Лена, заматеревшая на сексуальном фронте, интуитивно почувствовала, что мне нравится, и стала разговаривать со мной уверенно, нагло и, называя меня с этого момента «девочкой».

— Лена, подожди, мне завтра вставать, у меня работа, мне спать пора, — заныла я.

— Вставай:

— Лен, не могу, ко мне моя девушка завтра приезжает, она меня убьет.

— Вставай, я тебя провожу до постельки, — она сама встала, я послушно за ней. — Пойдем, — она взяла меня за руку и, как упирающуюся с прогулки собачку, потащила меня в мои пенаты.

— Только сексом я заниматься не буду, просто поболтаем.

Хорошо?

— Хорошо, хорошо:.

Я пыталась пройти с гордо поднятой головой мимо ее многочисленных подружек, это у меня не вышло, я вся покраснела и шла уже, потупив взор куда-то в пол. Те смеялись и отпускали шуточки.

— Ленка, ты лесбой что ли стала?

— Вы за ручку в детский сад идете? — и всякую такую чушь, в общем-то, беззлобную.

— Слушай, только надо тридцать долларов дать администратору — это ее проценты. Для себя я деньги с тебя не возьму, — мы не доходя стойки администратора, остановились, я отдала названные проценты Лене, та своей паханке, имеющей образ администратора гостиницы.

Мы зашли в номер, я заказала шампанское и пиво по телефону. Лена зашла в ванную, зашумела вода.

— Я помылась, — она вышла из ванной. — Ничего, если я парик сниму, а то жарко? Я с ума сейчас сойду в нём, вся голова чешется.

— А у тебя парик? — удивилась я и тут же сама увидела, что блондинистые, искусственно блестящие волосы принадлежали, конечно, дешёвому парику.

Она сняла его, на голове ежик два сантиметра, лицо кругленькое и приятное, короткий ежик не портил его. Глаза карие, двигались они при повороте головы не синхронно, один глаз послушно за головой, другой повертится некоторое время и успокоится не сразу. Такое было у мужа моей сестры, у него это было от родовой травмы.

— Ну, как? Ужасно? — она провела рукой по своей стриженой голове. — Не ожидала, детка? — один ее глаз весело смотрел на меня, другой повращался немного и тоже мне улыбнулся.

— Нет, тебе хорошо так: без парика. Ничего больше не отстегивается? — усмехнулась я.

— Был бы у меня член искусственный, я бы его наоборот сейчас пристегнула, поставила бы тебя на четвереньки и выебала бы. Хочешь? — она рассмеялась.

— Лена, ты сказала, что садомазохистских услуг ты не оказываешь, и меня сегодня это очень устраивает. Мы же договорились просто поболтать. Не болтай глупости.

— Ладно, не бойся. Я уже помылась, иди в душ.

Я не грязнуля, я пошла в душ. Мысли у меня были при этом подлые, в кармане куртки у меня лежало 1600 долларов. Я всегда доверяла девушкам и доверяла сейчас Лене, но в голове

всплывали многочисленные истории о клофелинах и воровстве: И вопрос — можно ли доверять проститутке, очень сейчас меня волновал. Я была в ванной, а деньги где-то рядом с Леной. Будет ли она еще в моем номере, когда я выйду. Еще я волновалась, — я пила гормоны, возбуждалась я, поэтому несравнимо хуже в данный период, одно дело заниматься привычным сексом со своей девушкой, другое — с чужой и в первый раз. Юношеская боязнь секса с новой женщиной и глупые опасения — встанет, не встанет, обычно уже не посещали меня, но сознание, что я обпилась гормонами и озабоченные вопросы Любовь Михайловны — «А как ваша эрекция?», с готовностью всплывшие в моей больной голове, сделали свое подлое дело: Я посмотрела на член, он напуганный грядущим испытанием, спрятался, насколько мог, совсем сморщился и выглядел совершенно безжизненным. «Мертвым притворился, сволочь», — подумала я.

Я помылась, опять оделась и вышла. Лена в чулках и трусиках сидела на моей кровати.

— Девочка, ты из Узбекистана? Ты в постель одетая ложишься? — в одной её руке пиво, в другой сигарета, от которой она сощурилась вульгарно, глубоко затянувшись: и потом медленно выпустила облако дыма в меня.

— Нет, — ответила я.

— Раздевайся тогда.

Я разделась.

— Ох, какие на нас красивые трусики! — засюсюкала Лена.

— Лена, я сейчас оденусь:

— Всё, попалась, никуда теперь не денешься. Дай я тебя для начала рассмотрю, — мы лежали уже в постели, одеяло она скинула с кровати, и некуда мне было даже спрятаться. — Ой, какие у нас сисечки! — продолжала сюсюкать Лена. — Какие они мякенькие! Слушай, тело у тебя, действительно, женское, только пизды, слава Богу, нет. А что у нас, кстати, с пиздой, — и она начала стягивать с меня трусы.

Она рассматривала меня, я ее. Тело молодое, кожа нежная, но передо мной, Лена не обманула, действительно, был мастер спорта по плаванию — широкие плечи, большая грудная клетка и маленькая относительно их попа, талия соответственно отсутствовала. Мне нравились обратные пропорции, но не расстраиваться же из-за такой ерунды. Я погладила проститутское тело — приятно, поцеловала грудь — еще приятней, страхов уже не было, я возбудилась, мы прикасались телами, целовали друг друга, в губы я не пыталась ее целовать. Я вспомнила «Красотку»*, фильм с Джулией Робертс, и ее слова, что в губы она не целуется. Я подумала, что теперь все проститутки мира берут

пример со своего кумира и в губы не целуются даже под пистолетом. Я даже не стала пытаться этого делать. Еще я пыталась судорожно вспомнить, каким образом можно заразиться при «случайной» половой связи, презерватив был уже на мне, что полагалось сделать еще для абсолютной безопасности? Где-то в сумке у меня валялся «Мирамистин»*, я не собиралась заниматься сексом с посторонними, но зачем-то бросила его в сумку. Как хорошо, что он есть, он точно будет не лишним!

Думая об этом, я одновременно искала удачную позу для своей широкогрудой пловчихи. Я ее вертела, но талия никак не хотела обозначиться на ее крепком теле, а жопа не становилась шире. Самой удачной, в итоге, для нее оказалась поза на четвереньках, да и заниматься дальнейшими поисками мне уже не хотелось, я закрыла глаза, представила перед собой мягкую, с широкими бедрами Катю, ее всегда было проблемно поставить в такую естественную для женщины позу. «Это для меня слишком унизительно — стоять на четвереньках. Что я, жалкая „дырка“ что ли или собачка?», — возмущалась она. «Катя, все женщины встают иногда так, в этом нет ничего стыдного! Спроси у своих подружек. Вот позвони Лене Ван, спроси её:». «Нет!», — отрезала обычно она: «Давай как-нибудь по-другому». Поэтому представить ее сейчас перед собой несговорчивую и гордую, стоящую покорно на четвереньках, было особенно приятно. Она послушно стояла, постанывала, я гладила одной рукой безвольно свесившуюся ее грудь, иногда моя рука скользила ниже, трогала животик:, еще ниже:.

Я стояла в ванной. Прежде чем снять с себя презерватив, я внимательно изучала инструкцию, приклеенную на «Мирамистине». Так: Поливаю вокруг, снимаю презерватив, опять поливаю: Ну, и дальше без подробностей по инструкции.

Я вышла, залезла в постель и почувствовала, что засыпаю.

— Эй, ты спишь? — Лена толкнула меня в плечо.

— Ой, извини, но я после двенадцати недееспособна. Я сейчас засну, — я повернула к ней голову, но уже не смогла открыть глаза.

— А поболтать ты собиралась?

— Не могу. Извини, — сонно бормотала я. — Давай завтра. Ложись лучше рядышком, поспим вместе:

— Вот еще!: Я не привыкла ночью спать. Я тогда пойду.

— Возьми деньги в кармане куртки. Ты говорила — 100 долларов?

— Я тебе говорила, что денег с тебя не возьму: и не возьму.

— Возьми, пожалуйста, а то я буду чувствовать себя нехорошо. И я на тебя обижусь.

— Не обидишься.

— Возьми:, - и я заснула. Наплевать на деньги, пусть их утащат все, только бы сейчас поспать:.

Утром я открыла глаза: «Деньги!». Я вскочила с постели, взяла джинсовую свою куртку и пощупала карманы: — похожей толщины пачка нащупывалась, уже хорошо! Я достала их, пересчитала — 1500, сто долларов она забрала. Надо же — порядочная! Деньги на месте.

* * *

Я несколько часов, обалдевшая, просматривала видеозаписи кастингов, проведенных Юлией Соболевской. В Москве были десятки модельных агентств, несколько актерских, в Питере всех их заменила всего лишь одна миловидная женщина. Юлия Соболевская подбирала актеров для всех нескончаемых, снимающихся в основном в Питере, сериалов, и теперь она подбирала моделей и актеров для съемки рекламы «Петра».

Лица, лица: Мое участие в их просмотре было совершенно бессмысленным. Я знала, выберут всё равно рожи, на которые ткнёт пальцем клиент, а он сидел рядом на соседнем кресле, менеджер «Джапан Табако», самый младшенький менеджер в громоздкой пятиступенчатой системе управления такой крупной компании. Вдруг выберут лицо неудачное, его можно будет безболезненно выгнать. И скатится это решение по этим пяти ступенькам вниз, и потеряет человек высокооплачиваемую работу. И будет он рассылать свои резюме, будет рассылать их долго, может быть, даже не один год, прежде чем он найдет себе работу другую. Всё это понимал младшенький менеджер и упорно не хотел, решительно указав пальцем на удачное лицо на экране, уверено сказать: «Этот, этот и этот, запишите их фамилии, они подойдут для нашей рекламы». Нет, на это не было у него ни сил, ни решительности. Не хотел он терять работу, не хотел рассылать свои резюме, он по десятому разу смотрел одни и те же лица, и я, злясь, и, думая о прогулках по прекрасному Питеру, возможность, которых уплывала вместе со временем, тот же самый десятый раз смотрела вместе с ним одно и то же.

— Я хочу поговорить о следующих съемках для «Петра», — Петя сел на соседнее со мной кресло.

— Ну: — буркнула я ему.

— Мы пока работаем над креативной частью, нужны зимние, активные виды отдыха. Что-то предварительно уже утверждено:, вот, наконец, сюжет с соколиной охотой утвердили:

— А санки? К примеру, на санках люди катаются: Чем не зимний активный вид отдыха? К тому же, для всех привычный, — предложила я первое, что пришло в голову.

— Санки мы предлагали, у нас все агентство сидело и составляло списки всех возможных и невозможных занятий зимой. Все писали и секретарши, и менеджеры: Потом сделали общий список и предложили всё клиенту.

— А креатив-директор на что? — усмехнулась я.

— Какая разница: Мы работаем коллективно.

— А санки чего не подошли? — спросила я.

— Клиент сказал, что катание на санках будет ассоциироваться у потребителя с опасностью, а, значит, это будет напоминать ему об опасности курения, что обязательно повлияет на продажи.

— Хуйня какая! А сокол в глаз клюнет? Это не опасность? Или они его так и будут снимать в кожаном набалдашнике? И всё это слишком напыщенно и далеко от народа, если они, конечно, представляют своего клиента. Они, что думают, что их сигареты князья курят?

— Черт их знает! От нашего списка и так уже почти ничего не осталось. Пусть клюнет. Пока они на нашего сокола согласны: Ладно, мы над этим работаем. Сейчас мы сделаем перерывчик, выпьем, закусим и мы его: — Петя незаметно кивнул в сторону клиента, — увезем по заранее предусмотренному плану и быстренько выберем того, кого надо. Всё равно уже наметили кого именно. Это уже будет быстро, — Петя заговорщицким тоном пытался меня успокоить.

Быстро не вышло, менеджера увезли, но я никуда уже не успевала, надо было встречать Катю с Асланом. Мне дали водителя и я, купив огромный букет роз, поехала в аэропорт. Я встретила загоревшую и отдохнувшую мою любимую девушку, так я, окрыленная любовью, думала тогда в аэропорте. Мы поужинали, погуляли по ночному городу, вернулись в гостиницу и тут же заснули… Катина физиология была в эти дни не на этапе, возможном для секса.

Я, затаив дыхание, стояла посреди Исаакиевского собора. Я была потрясена богатством и величием этого исполинского храма. Напоминал он внутри больше католический, чем православный собор. Мы пристроились к какой-то экскурсии и, стоя за спинами приехавшей из неизвестного города группы туристов, с интересом слушали гида: — строили 40 лет: прошлый век: архитектор — француз и т. д… На самом верху было что-то типа просмотровой площадки, огибающей кругом грандиозных размеров купол собора. Огромная высота: — про нее что-то

говорил гид, но цифр в голове не осталось, но в памяти навсегда сохранилась красивая завораживающая высота над городом, над всем миром, ощущение другого времени:

— Как красиво! — восторженно вырвалось у меня.

— Олька! Красиво, но я боюсь высоты, пойдем, я боюсь, — заныла Катька.

— Не бойся, дай я тебя обниму, — одухотворенная храмом, мне хотелось счастливой близости, не секса, просто теплого объятия моей любимой.

— Ты неуклюжая, ты сейчас меня только свалишь вниз. Ай, не трогай! — моя любимая не разделяла моих восторгов и только сварливо ныла здесь в вышине прекрасного города.

— Ой, Катя:, ничего тебе неинтересно, — я грустно вздохнула.

— Мне интересно, но у меня фобия, я боюсь высоты, — плаксиво оправдывалась Катя. — Я в этом не виновата.

— Давай чуть-чуть постоим, хотя бы одну минутку. Расскажи лучше, как съездила.

— Нормально, как всегда, — подозрительно односложно и, также подозрительно потупив взгляд, ответила Катя.

— А Соррея как? — подозрения мои направились в верную сторону.

— Нормально, — Катя сказала и повернула голову в сторону.

— У тебя с ней роман? — я заглянула ей в лицо.

— Да, нет же, всё как обычно, — но говорила она не как обычно и упорно не смотрела мне в глаза.

Я взяла ее за плечи и повернула к себе.

— На меня смотри. Не отворачивайся. Ты влюбилась в Соррею?

— Не знаю, — и взгляд её опять повис куда-то вниз.

— Значит, все-таки влюбилась, — гневно, голосом Отелло я попыталась выяснить серьезность её любовной связи с арабкой.

— Не знаю: Она мне призналась в любви, — Катя убрала мои руки и опять отвернулась.

— Если бы она просто призналась в любви, ты бы сама об этом рассказала мне сразу: Ты в нее влюбилась: Ты с ней уже целовалась? — роль Отелло я к счастью позабыла и Катю по умному сценарию Шекспира душить малодушно не стала, а только разъяренно сверкала глазами и обильно брызгала слюной ей в лицо.

Катя молчала. Её гордый профиль с сжатыми губками упрямо смотрел на игрушечный город внизу.

— Ты целовалась с ней?

— Да:

— И ты ей тоже объяснялась в любви?

— Да:

— Пиздец, — подытожила я и надолго замолчала. Теперь уже я рассматривала город, окруживший невроятных размеров собор:.

Два туриста, влюбленных в Питер, стояли на самом верху Исаакиевского собора и никак не могли насытиться видами любимого города, они все стояли и стояли неподвижно: лица против ветра, волосы развеваются: Такую картину представляли мы со стороны.

— Катюшон, и что дальше? — очнулась я.

— Не знаю. Я ее люблю, я ее воспринимаю, как мужчину. Она и есть мужчина. Ты была права, она тоже собирается менять пол.

— И что, ты замуж за нее собралась?

— Не знаю.

На этом мое терпение кончилось, точнее, оно кончилось уже после первого моего вопроса или первого Катиного ответа, теперь оборвалась способность делать мало-мальски вменяемый вид, я почувствовала физически, как наполняюсь злобой и яростью.

— Ебанный в рот, пиздец какой-то! Ты свихнулась, Катя! Какой на хуй замуж? За эту жирную арабку?

— Да, — такое упрямство на Катином лице я видела в первый раз.

— И как ты деток от нее нарожаешь? — попыталась я найти очевидные аргументы.

— Пока не знаю.

Мы еще долго стояли в высоте Петербурга, я сходила с ума: в этот раз от бешенства, и это было видно для каждого посетителя. Нас все аккуратно обходили стороной, а я десятки раз повторяла одни и те же вопросы. Я не смогла успокоиться, но нашла в себе силы молча доехать до нашей гостиницы. На столе в большой вазе пятнадцать бордовых вчерашних роз. Я вытащила их из вазы и долго с исступлением и хриплыми выдохами оббивала их о Катину прикроватную тумбочку. Весь номер забрызгался кровавыми лепестками, а у тумбочки они растеклись большой запекшейся лужицей. Я обернулась, Катя безучастная стояла посреди номера. «Если бы я отрезала ей сейчас голову, то этот вонючий номер стал бы выглядеть также», — подумала я с удовольствием. Подумала и успокоилась, мне просто стало грустно, стало жалко себя и, слава Богу, захотелось спать. «Она никогда не была моей, не стала моей и в этот раз. Это не новость для меня», — попыталась я безуспешно успокоить себя. Я лежала на неудобной гостиничной подушке и потихоньку в нее плакала. Катя лежала рядом и мирно спала, она посапывала, ей снился уже, наверное, не Путин, а гарный арабский хлопец — Соррея.

Проиграл Президент на этих выборах. Спокойной ночи!

Не искренне я пожелала спокойной ночи, ночь никак не хотела благополучно закончиться и спокойно слиться с моим сном. В дверь раздался осторожный стук. Ночные звонки и стуки в дверь у меня всегда вызывают мистический страх, никогда они не предвещают ничего хорошего. Ночной звонок — и я всегда вскакиваю с постели мобилизованная на бой, как при нападении врага. Стук повторился.

— Кто это? Что надо? — я подошла к двери.

— Извините, это из охраны, Вы не могли бы открыть дверь?

— Сейчас, оденусь, — ответила я.

Я оделась, взглянула в зеркало — не очень ли заплаканные глаза: Не очень. Проснулась Катя.

— Борюшон, что случилось? Кто это стучался?

— Охранник. Узнаю сейчас.

— Мне страшно, не выходи, вдруг это бандиты, — Катя окончательно проснулась, пододвинула свою задницу к кроватной спинке и села.

— На хрен мы им нужны? Ладно, дай мне мой нож, вон, лежит рядом с тобой.

Я сунула его в карман — ножик с длинным и тонким, «стремительным», так я его обозвала, лезвием и вышла в длинный гостиничный коридор. Передо мной мужик в костюме, галстуке и бэйджем — «Служба безопасности». Действительно, охранник.

— Что надо? — на всякий случай грубо спросила я.

— Извините, меня прислала Лена:, - многозначительно и хитро, типа — я все понимаю, он почти в самое ухо вполголоса рассказал, что Лена меня ждет в баре внизу.

— Зачем ждет? — я всегда была «тормозом» и не сразу соображала.

— Ну, уж не знаю, Вам виднее, — его рожа стала еще более хитрой.

— Да, действительно:, - дошло до меня. — А чего она так поздно?

— Так два часа всего, самое время, — радостно постучал по своим часам охранник.

Тьфу ты, нигде покоя нет. Я поковырялась в карманах, денег никаких для чаевых не было.

— Сейчас, подождите, — сказала я.

— Ничего не надо, Лена со мной расплатилась.

— Хорошо. Передайте, сейчас спущусь.

Я вернулась в номер.

— Ну, что? Кто это? — испуганно спросила Катя.

— Охранник, — ответила я.

По тревожному стуку я вскочила, как по команде «подъём», оделась наспех, брюки на голое тело, мне пришлось опять раздеваться и дополнить некомплект.

— А чего он приходил?: Подожди, подожди, ты куда одеваешься? — Катя сдвинула свою задницу и скользнула ей на край кровати.

— Мне надо спуститься по делу, — деловито начала я.

— По какому такому делу среди ночи?

— Тебя не касается, — строго ответила я.

— Что? Это кого не касается? — ба-бах, и подзатыльник сразу изменил мой тон.

— Катюшон, отстань. У меня могут быть свои дела?

— Никуда не пойдешь, пока не скажешь.

— Хорошо. Я сидела вчера в баре и болтала с девчонкой из-за соседнего стола. Она попросила меня сейчас спуститься вниз…по делу.

— Она живет в гостинице? — устроила допрос мне Катя.

— Нет, — ответила я.

— А что она делает в такое время в гостинице?

-:Она: она — проститутка, — призналась я малодушно.

— Проститутка — это ты. Раздевайся и быстро в постель. Если своих мозгов нет, пользуйся моими.

— Твоё какое дело? По-моему, у тебя жених появился. Я делаю, что хочу. У меня теперь нет обязательств перед тобой. Отстань, — сделала я ещё одну попытку выглядеть независимо.

— Ишь, как запела, сучка! Марш в постель! — она схватила меня за рукав и потащила к кровати, я вырвалась, но Катя уже стояла между мной и дверью.

— Если уйдешь, в номер не пущу, будешь ночевать, где хочешь, — объявила Катя мне свой ультиматум.

— Я все равно уйду, я имею теперь на это полное право, — мой голос опять сорвался на жалобно-ноющий тон.

— У тебя нет прав, ты моя вещь, — заявила Катя.

— Забудь об этом! Всё, кончены эти игры. Я делаю, что хочу.

— Пиздец тебе! — Катя схватила несколько, бывшими еще пару часов назад роскошными розами, колючих прутиков. — Раздевайся, кому говорю. Не доводи меня!

Я успела схватить ее за руки, проскочила мимо нее к двери и выскочила в коридор.

Страсти «итальянского квартала» на этом не утихли. В дверь за мной высунулась растрепанная со сна Катина грива. Она делала страшные лица и полушепотом-полуголосом угрожала мне самыми страшными расправами. «Нет», — упрямо и смело сказала я в ответ ей и, развернувшись, пошла по коридору к

лифту. Сзади топот. Катя голая в белых маленьких трусиках на большой круглой заднице, замахиваясь пучком колючих розог, гналась за мной по коридору гостиницы. Вся её изысканная жировая прослойка красивыми волнами вздрагивала и переливалась при каждом ее шаге по всему телу. Грудь ее, прикрываемая одной рукой, расплющилась и выдавливалась поверх руки, как из тесного корсета и казалась от этого еще больше. «Вот, сучка!» — подумала я, — «Какая же она все-таки красивая!» Я убегала от нее по коридору и не могла оторвать взгляд от этой захватывающей сцены из порнофильма. Привлекательность голого Катюшона усиливалась ее обнаженностью в общественном месте и, вообще, эмоциональной напряженностью момента. Я бежала с вывернутой на 180 градусов головой, вот он совсем уже рядом спасительный лифт. Удар! Кто-то от меня отлетает, я пытаюсь устоять на ногах, но спотыкаюсь об упавшее передо мной тело. Падать красиво я не умею, я всегда падаю оземь со всего размаху, раскинув руки и ноги. Об кого я споткнулась, я сообразила быстро, администратор или дежурная по этажу, услышав шум, вышла посмотреть, в чём дело. Не повезло любопытной бабе, вышла из-за угла она как раз под бегущую на всех парах огромную лошадь. «Блядь, что делать? Живая тетка?»: Тетка была живой и справедливо злой на меня. Я быстро встала, выглянула в наш длинный коридор, — белое пятно Катиных трусиков мелькнуло и скрылось за дверьми нашего номера. Слава Богу! Если дежурная не видела, бегущую по гостинице, голую Катю, можно будет сказать, что я просто бежала по своим делам. Я помогла подняться пострадавшей от меня гостиничной тетке.

— Не трогайте меня, я буду сейчас вызывать милицию, — она уже успела подойти к столику и нервно и решительно схватила телефонную трубку. — Хулиганство! Вы мне чуть шею не сломали.

— Вызывайте. Шею я Вам не сломал, а вот Вы мне сломали палец, — я подняла верх указательный палец правой руки, а потом для сравнения поднесла к нему указательный палец левой. — Видите, как распух? — она посмотрела на пальцы, глаза побегали от одного к другому. Я потрясла правым пальцем поближе у ее лица, он, действительно, был убедительно и заметно толще своего левого брата.

— Да, действительно, распух: Неужели, сломан? — физиономия у нее стала виновато-извиняющейся. — Я только хотела посмотреть, что за шум. Извините, ради Бога. Пойдемте, я отведу Вас в медпункт, щас позвоню быстренько, узнаю, есть кто на месте:

— Не надо, в городе по пути в травмпункт заеду. Я спешу, — мне не нужен был медпункт и не нужна была медпомощь, мой указательный палец на правой руке давно еще в армии стал намного толще от постоянных его травм. Вот он, разбухший уродец, и пригодился разок.

Лена сидела в баре. Я немного с ней посидела, понаблюдала за неожиданно оживлённой жизнью ночного отеля; удивилась, что работы у местных девчонок действительно хватает: и пошла спать.

* * *

Место для съемок заранее нашло агентство, оно было сфотографировано ими со всех возможных углов и утверждено у клиента. Расположилось оно у «черта на куличках» — между Питером и Финляндией, мы долго ехали к нему на нескольких микроавтобусах с самого раннего утра. Наконец, мы подъехали к двум только что отстроенным, нарядно-свежим еще, желтой древесины, срубам. Хорошая солнечная погода, насыщенных цветов пейзажи вокруг, — всё, что надо для такой съемки. Мы разгрузились и начали:.

Четыре дня мы снимали то, как бы строящих дом, то, колющих дрова, то, как бы приехавших с рыбалки, команду питерских актеров. Актеры все были знакомы друг с другом, была хорошая дружеская атмосфера, было весело. Я посматривала на Галю Лисовскую, она иногда на меня, я думала, как хорошо было бы, если бы она пригласила меня к себе домой. Она была внимательной и милой, угощала меня вареньем, много хихикала, иногда многозначительно и томно смотрела мне в глаза, но в свою постель меня так и не позвала. Мы с ней через пару месяцев встретились в Москве, сходили на выставку Сергея Синцова, арт-директора Видео Интернэйшнл. «Бизнес Линк», где работала Галя, был из этого же холдинга, и она, поэтому тоже была знакома с автором выставки. Мы потом зашли куда-то перекусить и: разошлись. Следующий день она была в Москве и свободна, так она мне сказала с вопросом во взгляде, а я свой взгляд подло отвела в сторону и встретиться ей не предложила. У меня продолжался напряженный период в отношениях с Катей, и мне было не до свиданий. Не предложила я Гале и проводить ее — довезти до вокзала или до аэропорта. Съемки для «Петра» для нас после этого закончатся, может быть, не по причине Галиных обид. Но, встретившись с ней через пару лет на выставке «Дизайн и реклама» на Крымском валу, она с удовольствием расскажет, как она приезжала в Москву в тот период выбирать фотографа для следующих съемок для «Петра», расскажет с кем из фотографов она встречалась, и кого она пригласила снимать, имея ввиду, — всё было в моей власти, и тебя я не выбрала. Ну, и ладно, к работе я отношусь философски, ничего не бывает вечного, особенно клиентов. Не закончилась бы наша работа для них по этой причине, закончилась бы по другой. А на выставке «Дизайн и реклама» я увидела Галю очень изменившуюся — модную, самостоятельную, с хорошей, как и прежде фигуркой. За два года

она организовала свое рекламное агентство, и превратила себя в потенциальную героиню для сюжета журнала «Космополитен». Мы вместе поели, попрощались и больше никогда не встретились.

Что что-то не так, я поняла в первый же день после моего возвращения в Москву. Мой член решил меня огорчить по полной программе, мало того, что он по-прежнему портил весь мой вид, он еще решил серьезно заболеть.

Заведение, куда я обратилась сначала, находилось на улице Авиационная недалеко от метро Щукинская. Реклама: «ДИАГНОСТИКА ВЕН. ЗАБОЛЕВАНИЙ. ИЗЛЕЧЕНИЕ ЗА ОДИН ДЕНЬ» давало надежду на жизнь.

Подвальное помещение, врач в заношенном свитере с миллионом затяжек, без халата, с кудлатой бородой и бараньими глазами немного портили впечатление, но я уже сидела в его кабинете.

— У меня был секс с проституткой, секс происходил в презервативе, а через неделю у меня появились выделения, — мы уже поздоровались, я выяснила стоимость консультации — 400 рублей и стоимость экспресс-анализов — не помню сколько.

— Обильные? — спросил доктор.

— Нет, еле заметные, — ответила я.

— Ага, ага! — обрадовано задёргалась докторская борода.

— Я мог заразиться от секса, если пользовался презервативом? — спросила я.

— Сейчас все объясню. Есть такое средство «Мирамистин»:

— Было у меня такое средство: — перебила я.

— Значит, неправильно его использовали, надо было прочитать инструкцию.

— Читал. Ладно, давайте я анализы сдам.

«Сантехник» в потрепанном свитере поковырял ёршиком — очень, очень больно: в этот раз он обошелся, слава Богу, без гаечного ключа, размазал налипшую на нём дрянь по предметному стёклышку и ненадолго ушёл.

— Всё: готово, — доктор вышел из малюсенькой комнаты, служившей этому медцентру лабораторией. — У вас хламидиоз, — радостно объявил он.

— И что мне теперь делать?

— Схема лечения стоит 800 рублей: Платите, а я Вам напишу, что принимать.

— А что входит в вашем медцентре в понятие «консультация»? Она уже у меня оплачена. За анализы вы берете отдельно, я тоже их оплатил. Схема лечения, я понимаю, это наименования нескольких лекарств, типовых для данного случая и порядок их приема. Это разве не входит в консультацию

пациента? Или Вы считаете, что консультация — это Вы со мной поздоровались и записали на клочке бумаги мою фамилию? — я поняла, что пришла в неправильное место.

— Нет, за схему лечения мы берем отдельно, — по-прежнему упорствовал жадный до денег докторишка.

Я решила не терять время на лишние споры и самое главное не нервничать.

— Если, блядь, ты мне сейчас не напишешь, как мне лечиться, я тебя отпизжу в этом твоем засранном подвале, — я чуть наклонилась к его столу и произнесла это совершенно свокойным голосом.

То, что у него бараньи глаза, я заметила в этот момент, он тупо смотрел на меня, то ли забыл схему лечения, то ли просто был идиотом и устал притворяться вменяемым доктором. Я не была злой и плохой девочкой, но мне очень надоели наебательства на каждом шагу. Сама я никого не обманывала и справедливо ожидала этого от других.

— Не смотри бараном, заблеешь, — закончила я свою речь.

— Ладно. Я напишу типовую схему лечения, — быстро согласился доктор.

— Пишите, — я опять перешла на вежливое «вы».

Доктор не обиделся и пригласил приходить еще. Полученной в конфликте схеме лечения я не доверяла. На следующий день я поехала в «Ниармед» на Гамалея, где обычно сдавала свои гормональные анализы, вспомнив, что там есть соответствующей специальности врачи.

Соответствующей специальности мне достался добрый доктор Семилетов Алексей Николаевич: никакой бороды и заношенного свитера, и взгляд не бараний — всё культурно, вид только или полевого хирурга, или бойца из спецназа, — крупный, но подтянутый, почти со строевой выправкой, лицо как бы обветрено, то ли ноги гангренные ампутирует под пулями прямо в окопе, то ли врачом ходит с разведротой на зачистки чеченских селений, то ли Ирак брал на прошлой неделе вместе с Бушем, вот и подпекся в песках, в пороховых газах, да под открытым небом, а во вторую смену в «Ниармеде» разбирается теперь с больными пиписьками. Замечаю перед соседним кабинетом табличку: «врач-гинеколог Семилетова». Вряд ли однофамилица: Небось его жена! Вот она за стенкой:, и дома рядом, и на работе под боком. Вхожу в кабинет с завистью к жизненому мироустройству докторов Семилетовых. Вот бы мне так!

Сдала я еще раз анализ и на всякий случай с перепугу все возможные существующие анализы тоже. Полевой доктор подтвердил мне хламидиоз и выписал необходимые для его

лечения лекарства, предупредив, что хламидиоз лечится тяжело, и в этом он меня не обманул. Мне пришлось дважды пройти курс лечения, чтобы через три контрольных месяца все анализы дали отрицательный результат. На это ушло у меня полгода.

«Как хорошо было раньше в добрые времена», — думала я. — «Я занималась сексом со всеми без презерватива, то есть пару раз при новом знакомстве я о презервативе не забывала, но потом:, - мы же уже были близкими, хорошо знакомыми людьми. Зачем тогда презерватив?: И никогда ничем не болела. Все девушки были милы и здоровы. А тут один секс в презервативе, при этом с тщательной дегазацией, как после химического нападения, и всё равно подлая зараза проникла в организм. Что за времена настали!?» — удивлялась я. Десять лет секса с женой плюс несколько лет секса исключительно с Катей: За это время поколение здоровых девушек одного со мной молодого возраста состарилось вместе со мной, точнее не состарилось, но перешло в другую возрастную категорию, категорию большей частью замужних и большей частью растолстевших и потерявших былую привлекательность юных телочек. На смену им пришли другие молодые девушки, моложе предыдущих на 10–15 лет, привлекательные, сексуальные:, но, как оказалось, заразные. «Ну, что за времена?» — еще долго сокрушалась я. — «Если заражаешься, занимаясь сексом даже в презервативе, то, как вообще тогда заниматься сексом? В ОЗК* и в противогазе?»

Но этот урок я усвоила, проституток я перестану рассматривать даже из окна машины.

* * *

— Гуля, поверни голову: Нет, не так. Ниже теперь: У тебя взгляд сейчас очень бытовой. Ты же хочешь дать рекламу, как колдунья. Сделай взгляд поодухотворенней, позагадочней: Хорошо! Попу немножко отклячь в сторону, чтобы талия была заметней: Хорошо! — я снимала Гулю Эльперину, она была колдуньей, или магом, или типа того. Специализировалась она очень выгодно на алкоголизме и наркомании, магические ее действия и колдовство стоили, наверное, очень не дешево, ездила девушка на хорошем новом «Мерседесе», и офис для приема клиентов имела на Кутузовском проспекте. Рекламу она давала не скупыми дешевыми объявлениями в газете, она вешала рекламные щиты по Москве со своим личиком и перечислением ее услуг. Была она симпатичная, даже красивая, по национальности курдиянка, с хорошей правильной фигуркой

молодой, но взрослой женщины, только голень её имела немножко неправильную тонковатую форму, но что не мешало смело ходить Гуле в суперкоротеньких модненьких платьицах. И сейчас на ней было металлическое платье от Пако Раббан за 14 тысяч долларов, оно еле опускалось ниже ее трусиков. Хорошо и беспечно живут современные ведьмы!

— Давай теперь сестру мою снимем, — попросила Гуля. — Я ее специально привезла для этого.

— А ты для чего хочешь ее снять? — спросила я.

— Клиентов стало очень много, а мы с ней так похожи. Она будет тоже принимать клиентов, но в другом офисе. Как будто это я.

— А она тоже обладает такими же способностями?

— Ай! — Гуля махнула рукой. — Обладает, обладает, тут большого ума не надо.

— Ну, а как же там всякие снятия порчи, наговоры или заговоры? Как это там у вас называется? Приходит к тебе алкоголик или наркоман, что ты делаешь, чтобы он бросил пить или принимать наркотики?

— Во-первых, я слушаю своего пациента: — с умным видом начала объяснять Гуля.

— Прямо как в больнице, — перебила я её своим комментарием.

— А что ты думаешь, мы же тоже лечим. Во-вторых, я пытаюсь запугать его, говорю, если не бросишь колоться, у тебя умрет мать, — на слове «мать», Гуля сделала ударение и резкий выдох, как будто дочитала кульминацию детской страшилки. — Ну, а дальше я заговариваю его и так далее.

— И что, они верят в это? — приложив все усилия, чтобы не усмехнуться, спросила я.

— Кто-то верит, кто-то не верит: Не верят — хуже им. Они же тогда продолжают тратить на лечение деньги, приходят еще раз и еще раз… Ты видишь, какие мы красотки? Алкоголики, в основном, мужики, вот они к нам с удовольствием и ходят. Деньги есть, вот и идут потрепаться.

— Здорово! — «Вот это — бизнес!», — думала я. — «А тут снимаешь, снимаешь, а денег все равно нет». — А муж твой как поживает?

— Муж нормально, работает. Позавчера в историю мы с ним попали. Ехали в его машине, и вдруг нас «Ауди» подрезает: «Ауди» не новая такая. Мы чуть в аварию из-за неё не попали. Мы догоняем их на светофоре, муж поставил машину так, чтобы они не смогли уехать. Выходит, подходит к ним. А те видели, что нас подрезали, и что мы гнались за ними. За рулем «Ауди» мужчина,

а рядом женщина сидит. Мужик мужа моего увидел, перепугался, окно закрыл и двери тоже. Ну, вы видели моего мужа, напугаться, по-моему, можно? — Гуля отметила это качество мужа с особой гордостью.

— Можно, можно, — согласились мы с Катей. Гулин муж — восточный с виду мужик с очевидной бандитской харей, и невооруженным глазом сразу было видно, что он спортсмен — вызовет опасение у кого хочешь.

— Так вот, муж мой подходит и вначале вежливо того спрашивает, почему он так нагло ездит:

— Прямо так и вежливо? — не поверила я.

— Ну, я не слышала, я в машине, естественно, сидела, но видела — всё было вначале спокойно. Так этот водитель открыл немножко стекло и в щелку плюнул в моего мужа, представляете, плюнул прямо ему в лицо, и опять закрыл, спрятался. Представляете?

— Ничего себе! — мы с Катей удивились хором. — Тот в машине, что, пьяный был?

— Не пьяный! Хуже! Сейчас расскажу. Муж ногой выбил стекло в их машине, вытащил того мужика и начал его избивать, а тот даже не сопротивляется, орет только. А баба, которая рядом сидела, выскочила из машины, а в руках у нее пистолет. Я перепугалась. Но она бегает вокруг, пистолетом трясет, но стрелять, не стреляет.

— А муж твой что? Пистолета не испугался?

— А у него, когда он дерётся, планка съезжает, он уже ничего не соображает. А женщина из машины кроме пистолета, достает удостоверение, и орет: «Вы задержаны. Я следователь прокуратуры, майор такая-то». И этот мужик тоже следователем оказался. Представляете?

— Ничего себе! Ну, и задержали вас?

— Нет, муж послал их обоих, и мы уехали. Но сегодня ночью звонят нам со стоянки, где машина наша стоит, говорят, что приезжал патруль, сказали, что машина наша в розыске. На стоянке не заложили нас, не сказали ментам наш телефон и адрес, сказали, что не знают, где мы живем. А нам сказали, что, если машину мы не заберем, то с утра нас менты уже будут караулить. Муж побежал, машину переставил в гараж к знакомым. Вот так вот. Наверное, это следователи подали в розыск на нас по номеру машины.

— Кошмар! И ты не боишься?

— А чего мне бояться? Не я же ментов била. Муж сам пусть разбирается, — меня удивило подобное хладнокровие и отношение к мужу. На столе завибрировал Гулин телефон.

— Да: Да: Здравствуйте: Забрали?: Когда?: А в каком отделении?: Сейчас запишу:, - Гуля положила трубку на стол. — Забрали всё-таки его. Он из дома выходил, несколько оперативников брали его, надели наручники и прямо у подъезда избили его и увезли, — Гуля рассказывала об этом спокойным без волнения голосом, еще чуть-чуть и зевнет.

— Гуля, так надо срочно ехать, деньги вести, его же бить там будут, — забеспокоились мы за её мужа вместо неё.

— Побьют — ничего с ним не будет. Мужик — кости крепкие. Доснимусь и тогда поеду, — «Ничего себе!» — опять удивились мы. И продолжили опять снимать Гулю и ее сестру.

Снимали мы ее уже во второй раз. Я всегда стараюсь снимать хорошо, но, когда ко мне обращаются не в первый раз, я стараюсь для таких клиентов еще больше. Я снимала ее, сидящую, как на царском троне, в старинном кресле со львами на фоне мрачной кирпичной стены, потоки дыма из дымогенератора прозрачными вихрями загадочно окружали ее. Ее большие черные глаза смотрели в камеру: и в Вас, видя Вас насквозь, проникая в Вашу душу: Она, действительно, была сейчас в видоискателе похожа на колдунью из сказки, к тому же красивую колдунью — хороший кадр для ее рекламы.

На следующий день она звонила узнать, как всё вышло. Я сказала, что все ОК, сказала, что меня не будет в студии, что я на съемке в другом месте, но что она может заехать и забрать слайды у нашей Ани.

Я спросила про ее мужа. Гуля со смехом рассказала, что заплатила в «ментовке» тысячу долларов, и его отпустили прямо при избитом следователе. Тот ругался и угрожал, куда-то демонстративно многократно звонил, но тысяча долларов имела большую силу, чем полномочия следователя прокуратуры.

Через пару часов она мне перезвонила, я вся в ожидании её восторгов, мне самой слайды очень понравились.

— Я посмотрела слайды, — сказала мне по телефону Гуля.

— И что?

— Мне они не понравились, — это было очень неожиданно, трудно найти в такие моменты, что сказать.

— Ты все посмотрела? — еще с надеждой спросила я.

— Да, все. Мне ничего не понравилось, — категорично заявила Гуля. Спорить было бесполезно, что толку, что они нравятся мне.

— А что тебе конкретно не понравилось? Ты звонишь из студии? — спросила я лишь бы что-то спросить.

— Мне ничего не понравилось, — категорично оценила она мою работу. — Нет, я уже уехала, слайды я не стала забирать, мне

такие не нужны. В прошлый раз ты снимал меня просто на белом фоне, как фотомодель. Я и вышла как фотомодель, а сейчас как ведьма какая-то:.

Вот в чём дело! Я всё поняла! Любая молодая тетка хочет выглядеть, как модель с подиума. Я не стала с ней спорить и на следующий день ее пересняла. Пересняла, как она хотела, просто, как фотомодельку для портфолио, так: без души и наспех. Гуля была довольна. Но расстались мы с ней уже очень конфликтно.

А через три дня у нас сорвалась съемка. Потом еще одна и еще: Нам звонили в последний момент и говорили, что кто-то то заболел или кто-то куда-то уезжает, или не выделили деньги на съемку или другую важную оправдательную причину, и работа «пролетала», пролетала по неизвестным причинам. «Гуля, сука, сглазила», — определила причину наших неудач Катя. Я и сама начинала суеверно думать об этом.

На майские праздники мы все уехали на Катину дачу — Катя, Маша, Лиза и я. Да, да — Маша! Мы развелись и не жили уже давно вместе, но я ещё долго не научусь мириться с мыслью, что как же она останется одна, кто же её сводит в кино или в ресторан, и везде по-прежнему таскала её с собой: Она ездила:.

Дача удобно и близко располагалась в Барвихе, в семи километрах от МКАДа. Заработал ее честно, как и все остальные блага в Катиной семье, Лев Ефимович. Заработал нелегким трудом, не за один памятник, а за огромное их множество, раскиданное по всей России и в других странах. Если бы он вырубал из камня не памятники, а кирпичи, то из них можно было бы сложить, наверное, дом.

Когда-то шикарная по советским меркам дача Льва Ефимовича, — кирпичная, двухэтажная, с горячей водой и телефоном, с участком в двадцать пять соток, теперь смотрелась довольно скромно на фоне отстроенных вокруг шикарных домов. Размеры детских садиков и средних школ имела большая часть дач в престижной округе.

Соседняя слева дача принадлежала еще пару лет назад художнику Шилову. Она была типовой для данного места или данного контингента, такой же, как и у Лёвы, но только исковерканная и изуродованная «высокохудожественным» вкусом ее хозяина. Аляповатое кованое железо было везде в виде витиеватых наличников, облепивших на этом доме все окна и все детали, которые можно было окружить железными узорами. Оно было на заборе, кованные петушки паслись на крыше, нетерпеливо ожидая, видимо, клюнуть лысеющую макушку Шилова. Но петушок в сказке Пушкина был удачливее на охоту, эти ничего не дождались. Удивительно, как известный художник,

мог так безвкусно украсить свой дом.

Купила этот дом у него семья конструктора. Что он конструировал, неизвестно: Может быть, уже ничего, может быть, какой-то удачный бизнес обогатил его, а кто-то говорил, что деньги зарабатывает его жена, имея свою строительную фирму. Разными слухами и сплетнями наполнился дачный городок, кто-то называл сумму полмиллиона, заплаченные за подкованную дачу Шилова, кто-то со знающим видом уверенно называл 800 тысяч долларов: В таком месте все дачи стоили дорого. Первое, что сделал конструктор, он содрал всю кованую «лепнину» с дома, и тот сразу стал выглядеть домом художественно-вменяемого человека. Затем вырвавшийся на свободу от железных оков дом очень быстро достроился со всех сторон до размера принятых в Барвихе стандартов, все углы дома украсили теперь видеокамеры, его окружили автоматчики, и по участку забегала огромная кавказская овчарка, — автоматчики будут ночью пьяные спать, а всех грабителей съест на поздний ужин добрая лохматая, никогда не пьющая, собака-трезвенник.

Майские праздники с шашлыками, с гостями прошли, мы решили остаться еще на пару дней. «А чего ехать в Москву? Работы всё равно нет, Гуля нас точно сглазила, сучка. Лучше на даче отдохнем», — разумно рассудила Катя. Кто был против? И мы остались на недельку: потом еще на одну, потом еще: Я заезжала иногда на работу, прослушивала автоответчик, кому-то перезванивала, с работой к лету становилось все хуже и хуже. Я вспомнила средство от сглаза, рассказанное когда-то самой же Гулей. Я приехала в студию, включила на максимальную мощность плиту, поставила на нее сковородку, насыпала соли, так описывала этот ритуал Гуля: Сколько соли, она не сказала, насыпала наобум, сковородку с солью накалила, обнесла ею по кругу студию, не помню, может быть, говорила заклинания, а, может, нет, и высыпала соль в окно.

Сковородку я испортила. Надо же быть такой дурой, чтобы взять только что купленную дорогую сковородку Тефаль! Я ее перекалила, и она необратимо покоробилась, и до сих пор она качается на ставшем выпуклом днище.

Лучше жить от моего доморощенного колдовства не стало, работа не появилась, сглаз клеймом висел над нами, и мы не знали, что теперь нам делать. Вообще, я, конечно, понимала и другие причины отсутствия у нас работы в данный период, — приближалось лето, все уже готовились к отпускам, такое случалось и раньше. Бедная сковородка пострадала зря!

Катя с Лизой были на даче. Я возвращалась к ним из студии и должна была заехать за Машей. Она позвонила мне и сказала, что

загорает с друзьями на пляже в Серебряном бору, и попросила заехать за ней туда. Мы договорились, что она выйдет к ближайшей автобусной остановке, а я подъеду к ней.

Её друзьями оказались трое лиц очень кавказкой национальности, конечно же, мне хвастливо продемонстрированные. Демонстрация мне своих любовников теперь станет доброй Машиной традицией, вчера познакомилась — сегодня покажу своему бывшему мужу. Ничего не имею против любой национальности, скажу сразу. Я даже ничего не имела против именно этих харь, хуй с ними, — я не ревновала Машу, она уже не была моей женой и не была моей женщиной. С кем ей встречаться — было сугубо её личным делом, но я продолжала переживать за неё и желала ей только хорошего. Трое мрачных, угрюмых рож, стоящих рядом с моей бывшей женой, никак не тянули на возможные источники её счастья и благополучия. Я подъехала поближе к остановке. Маша с одним из них отделились от остальных, то есть — вот он, мой избранник. Избранник был не хуже и не лучше остальных своих земляков, они все были на одно лицо. Помню только, все они лускали семечки, воровато озирались: вот, в общем-то, и все их отличительные признаки. Маша помахала им ручкой и села в машину. Я поехала.

— А это что за джигиты? — спросила я её, отъехав от автобусной остановки.

— Заечкин, я же тебе говорила, я пошла лечить зубы в нашу стоматологическую поликлинику. На Свободе, знаешь?

— Знаю, — кивнула я.

— И там я познакомилась с врачом, он там работает. Зубы мне лечил.

— Скидку то сделал?

— Ну, мы же ещё тогда не были знакомы.

— Так это Анзор что ли? — Маша уже с десяток раз рассказывала Кате о своих головокружительных успехах в лечении зубов, а зубов у неё было, видимо, значительно большее количество, чем у обычного среднестатистического человека, или какие-то сложные болезни поражали их, и по этой неприятной причине количество её знакомых-стоматологов будет становиться в будущем всё больше и больше, став в итоге и вовсе неприличным. Кате она рассказывала это, конечно же, чтобы та обязательно пересказала всё мне, и Катя, естественно, мне всё пересказывала. Имя её первого лечащего врача — Анзор осталось у меня в памяти, и я, поэтому, о нем и спросила.

— Нет, это не Анзор, это друг его, я же тебе рассказывала, Усум его зовут.

Об Усуме я слышала в первый раз.

— Тоже стоматолог? — спросила я.

— А они все стоматологи, — гордо разъяснила Маша.

Можно было бы обрадоваться, да вот беда — зубы не болят. Голова от бывшей жены болит, а зубы нет. На хуй мне стоматологи!?

— Здорово! — «похвалила» я злым голосом свою бывшую жену.

— Заечкин, ты что, ревнуешь?

— Если тебе приятно так думать, думай. Я переживаю за тебя, Маша, но не ревную. Встречайся, с кем хочешь, меня это не касается. Но я за тебя очень волнуюсь. Он хотя бы не женатый?

— Женатый. У него жена очень хорошая, Барияд её зовут, и двое детей у него есть.

— А на хрен он тебе тогда нужен? И зачем ты знакомишься с женой человека, с которым встречаешься? Тебе не стыдно в глаза ей смотреть?

— Нужен он мне для здоровья, надо же с кем-то встречаться. А с Барияд так получилось, что мы с ней познакомились. Я же не знала, что буду встречаться с её мужем. Нас Анзор познакомил.

— Ох, Маша: — грустно вздохнула я. Я не понимала таких запутанных связей, и с её стороны это выглядело для меня полнейшей неожиданностью. — Ты пока еще молодая и красивая, и у тебя есть все шансы найти себе нормального мужика и жениться:

— За муж выйти, — поправила меня Маша.

— Да, замуж выйти: Но, если рядом с тобой будет кто-то, и свободное место с тобой будет занято, то этот мужчина пройдет мимо: Для него не будет места: Так зачем заполнять это место тем, кто тебе не нужен? Смотри: Я понимаю, мы сейчас развелись и тебе тяжело без мужчины, и тяжело быть одной, и свобода у тебя появилась и так далее: Ну пробегаешь ты так за непонятно кем: И всё? Что дальше? Чик-чирик-пиздык ку-ку! Сейчас тебе тридцать, а будет сорок: Шансы твои, ох, как уменьшатся:

— Ой, заечкин: Ты всегда такой зануда! Настроение только портишь, — Маша нахмурилась и занервничала, было видно, что «пиздык ку-ку» её очень напугало. — Всюду тебе надо мораль вставить.

— Когда-то я тебе вставляла не только её.

— Всё, не учи меня. Сама разберусь.

— Хорошо, не учу. Только плохое у тебя начало самостоятельной жизни. Жаль мне тебя:.

Зря я это сказала. Мы начали ругаться и обвинять друг друга, и ругались так всю дорогу до самой дачи.

Так мы и ездили туда-сюда. Я уезжала иногда в «город», так

теперь условно назывались и работа, и магазины, и всё, что находилось за пределами дачи, а потом возвращалась в уютный, с двумя своими пусть и бывшими бабами, дом: По участку колесил на велосипеде мой ребенок:, я чувствовала себя здесь хорошо и уютно. Деньги были, от отсутствия работы в депрессии я не впадала, я вообще не склонна была иметь эти состояния. Депрессии у меня были два-три раза за всю жизнь. Один раз когда-то все-таки возникла проблема с помещением в академии, в котором находилась моя студия. Прожив всю жизнь в советские времена и привыкнув, как и все, к «коммунистической» стабильности, я была не готова потерять своё место работы, а работа без большого съёмочного павильона меня никак не устраивала, если бы забрали мои помещения, мне все равно пришлось бы с работы уйти. Я приходила домой угрюмая, садилась перед телевизором и молча смотрела сквозь него в пустоту. Маша кругами ходила вокруг меня. «Ну, Заечкин! Не расстраивайся, попей чайку:», — безуспешно пыталась она успокоить меня. Я бурчала что-то в ответ и продолжала в крайней апатии к миру молча сидеть перед телевизором. А потом я вспомнила одну волшебную фразу — «Пошло всё на хуй!». На этом вся моя депрессия закончилась, еще я подумала: «Хуй ли сидеть?». И стала работать, как лошадь, берясь за любые съемки. Я нашла несколько вариантов других студий с недорогой арендой и даже одну бесплатную, которую мне давала одна префектура. Но все уладилось, раздарив академическому начальству дорогие коньяки, да даже, может быть, не поэтому, проблема улетучилась сама собой.

На даче мы весело провели время до середины или конца июня. На редкие съемки, которые все-таки неожиданно всплывали в летнее время, мы ездили с дачи: Ездили и вечером возвращались. В остальные свободные дни, а их было большинство, я ехала с утра на рынок в Одинцово, покупала шашлык, возвращалась и жарила его. Почти каждый день я пекла пироги и печенье, обычно и то, и другое, потому что я любила свое печенье, а Катя из этого же теста мои пироги с ягодами. Потом поспела вишня, и к нашему недиетическому меню прибавились вареники с вишнями. Растолстели все, я поправилась на семь килограммов и выглядела ужасно. Поправлялась я не так, как хотела бы. Я ничего не имела против толстеющих бедер и попы, но кроме этих мест жир выбирал и другие места пребывания на моем теле. Совсем некстати толстела талия, слава Богу, не обгоняя в размерах жопу и бедра, и у меня всегда быстро поправлялось лицо. Набранный этим летом вес в семьдесят пять килограммов стал рекордным, он меня настолько

убедительно испортил, что я избавлюсь от него и никогда больше к нему не вернусь. Женственной и более-менее не коровой при своём росте метр восемьдесят я смотрелась в пределах шестидесяти пяти килограммов.

Приехал из Египта Катин жених «мистер» Соррея или как её ещё все называли Саша. Я уже не ревновала Катю к ней, Катя сама без всякого на нее давления торжественно отреклась от этой своей любовной связи. Мне даже было немножко обидно за Сашу, она так старалась, приложила столько сил для покорения Катиного сердца, но впечатление хорошего парня от неё без усердных её ежедневных ухаживаний быстро развеялось в Катином сознании. Катя опять запела: «Я не лесбиянка, я к Саше никакого отношения не имею, мы просто дружим».

— Катя, — говорила я, — ты что, забыла, как в Питере, стоя на Исаакиевском соборе, ты говорила, что любишь Сашу?

— Не было такого, не ври, — бессовестно отрекалась от своей любви Катя.

— Так это было всего месяца полтора назад. Ты не можешь этого не помнить. Тебе не стыдно врать? Ты, вообще, замуж за нее собиралась. Не знаю, как, но собиралась.

— Такого не может быть, я такого не говорила, — упиралась она.

— Дословно цитирую: «Катя, ты что, замуж за нее собираешься?» «Не знаю», — говорила ты, и голову так гордо поднимала и смотрела куда-то вдаль. Тьфу! — я изобразила Катю на Исаакиевском соборе.

— Всё, заткнись, а то получишь, — отвечала она.

Разговор на этом заканчивался, но он повторялся у нас потом сотни раз в будущем, и Катя упрямо не хотела сознаваться в существовании в прошлом романа с Сашей. А почему? Чем Саша хуже других мужиков? Она ухаживала за женщинами так, окружала их таким вниманием и заботой, какую многие женщины никогда в своей жизни не увидят ни от одного мужчины. Результат — Катя будет не единственной Сашиной «жертвой», многие женщины, соскучившиеся по мужскому вниманию, будут с удовольствием получать его от арабской женщины Саши.

Я переживала, как ко мне отнесется Саша. Мне не хотелось конфликтов и глупых сцен ревности между комичными персонажами, претендующих на Катино сердце. Одна воинственно считала себя мужчиной, имея при этом полноценную жирную пизду, другая, имея член, была убеждена, что она женщина. Притом окружающее их общество было в этом с ними так же воинственно не согласно. При этом мы обе упорно считали, что можем быть полноценными мужьями прекрасной

Екатерины. Конечно, у меня было много аргументов в пользу своей персоны, — от меня могли бы быть еще дети, я могла юридически жениться, я могла полноценно заниматься традиционным сексом: напоминаю тем, кто с ним не знаком, — это когда член находится в близкой дружбе с любимой пиздой: Но тут дело вкуса, я даже не была уверенна, является ли для Кати это таким уж достоинством, или пиздолизание вполне могло его заменить. Я вздохнула, я не только не имела Катю «у себя в кармане», я до сих пор её даже хорошо не знала. «Ну, что за сучка!» — страдала я за рулем по пути в Шереметьево. Я вместе с Катей ехала встречать её мусульманскую подругу.

В проходе появился загорелый, жирный, с короткими кучерявыми волосами, запеченный под африканским солнцем, довольно симпатичный пончик. Девяносто пять килограмм при росте метр шестьдесят —:невысокий «мужчина». Саша в джинсовом комбинезоне мужской походкой, переваливаясь с ноги на ногу, шла по таможенному коридору к выходу.

— Сашенька, привет! Как долетела? — Катя с Сашей расцеловались.

— Привет! Нормально. Здравствуйте, меня Саша зовут, — не дожидаясь, когда нас представит Катя, Соррея протянула мне руку. Рука потянулась ко мне нехотя и с неприязнью. Слово «привет» Саша произнесла «бривет». Катя объяснила, что в арабском языке нет звука «п», поэтому многие арабы вместо нее произносят «б».

— Здравствуйте! Меня Борис зовут, — тоже представилась я.

— Тебя Олей называть или Борисом?

— Как хочешь, называй. Мне всё равно, — чтобы она меня называла Олей, мне не хотелось, это ставило меня на ступеньку ниже в моих отношениях с Катей, но и Саша понимала это и, конечно, стала называть меня именно так.

— Тогда Оля. Рада с тобой познакомиться, Оля, — последнюю фразу Соррея произнесла с насмешкой. Она фамильярно положила мне руку на плечо, еле дотянувшись до него. — Бойдемте, где вы машину боставили? — я поняла, что перед Катей Саша будет усердно показывать, какая она по сравнению со мной суровый мужик, и мне всю неделю придется это терпеть. Я решила быть снисходительной и терпеливой, — все-таки баба и заморский гость, переживу как-нибудь.

В первый свой приезд Соррея остановилась в гостинице, потом она всегда будет во время своих последующих посещений Москвы жить в квартире у Кати.

На следующий день мы все вместе уже с Сорреей опять возвращались на дачу. Мы уже подъезжали, и Катя рассказывала,

кто живет здесь с ней по дачному соседству.

— Вот видишь этот дом? — Катя ткнула пальцем в один из домов, проехавших мимо нас. — Это из «А-Студио» солист в нём живет. Да, у тебя в сборнике он был.

Соррея в Египте любила слушать русскую музыку, и ей всегда, зная это, наши туристы дарили диски и кассеты, как правило, всякую чушь.

— Да, знаю, знаю, узкоглазый такой, — Саша хорошо знала русский и употребляла кроме наших слов ещё и наши русские понятия.

— А этот замок видишь? Как будто средневековый, правда? Это Якубовича дом, это ведущий такой, передачу «Поле чудес» ведёт, у вас показывают по спутниковому этот канал. Только он никак его не может достроить, денег, наверное, не хватает, — Катя показала на почти достроенный, не хватало только окон и крыши, замок. То, что он Якубовича, может быть, это было и не так. Сплетни, болезнь всех дачных городков, называли и других хозяев, но имя Якубовича чаще всего произносилось в связи с этим недостроенным домом. — А вот здесь Макаревич, здесь Ярмольник:, - перечисляла Катя своих соседей.

— А здесь живут обыкновенные русские извращенцы, — я перебила Катины бесконечные рассказы о знаменитых дачниках.

— А почему извращенцы, — все удивились и высунулись в окно рассмотреть повнимательней, названный обителью греха, дом.

— Вы посмотрите, какой забор — метров пять минимум! Чего за ним прятаться нормальным людям? — глухой забор, действительно, высотой не меньше пяти метров, даже для этих мест смотрелся странно. Все посмеялись, и каждый предложил свой вариант, чем можно заниматься за таким тюремным забором.

Мы подъехали к добротным воротам Катиного участка, красно-бордовая черепичная крыша уютно и гостеприимно выглядывала из-за них. По поводу Сашиного приезда мы пригласили гостей, накрыли праздничный стол, опять шашлыки:, мать их, я не могла уже на них смотреть. Приехал Рома Гармошин, «голубой» очень одаренный мальчик, мальчик не по возрасту, а по своему мироощущению. Невысокий, худенький, черноволосый, евреистый:, но на самом деле наполовину грузин:, с большой натяжкой его пока еще можно было назвать мальчиком. Работал он в Большом театре конструктором одежды. Приехал он со своей подружкой Аделаидой, он много о ней рассказывал, мы в первый раз увидели её. У Аделаиды мальчишеское лицо, некрасивые тонкие губы, большая грудь, из-

под коротких шорт бледные полноватые бедра переходили в слишком тонкую голень, поведение нагловато-уверенное, типичного торгового работника. Работала она не в магазине, была она менеджером в компании.

Приехал Дима Киян, главный редактор журнала «Фото и видео», со своей молодой женой. Их пришлось вести на дачу на своей машине, им, вообще, требовалась всегда нянька — десять раз подумаешь прежде, чем пригласить. Неплохой парень из Харькова имел жену-американку с именем Кимберли, он, видимо, так хотел сбежать из своего города, сбежать далеко и обязательно заграницу: добрался он пока только до Москвы, но усердно окружал себя атрибутами своей мечты-заграницы. Кимберли была одним из таких атрибутов. Я звонила Кияну. — всегда старательно по-английски отвечал Дима, подходя к телефону. «Киян, ты не в Чикаго. Будь проще», — смеялась я над ним. «Мы англоязычные люди:», — еще всегда говорил он о себе, предваряя некоторые фразы. Мы с Катей посмеялись некоторое время над ним, а потом решили, что многие имеют более опасные странности. Тут украинский парень просто упорно хотел быть американцем, или, может быть, англичанином — это безобидно. У меня было более неисполнимое и глупое желание… Во всём остальном Киян был хорошим нормальным парнем.

Приехали ещё Гена с Леной и их подружка Наташа Сидорова. Они приехали позже. Не знаю, что случилось с ними в тот раз, но они сразу начали всех учить, как надо жить, отдыхать и, особенно, как надо готовить. Гена раскапризничался, — подавай ему покупные угли в пакетах. Шикарные березовые поленья, сложенные в симпатичный натюрморт у мангала, его никак не устраивали. Мы спорили, что лучше, и Гена стукнулся головой о низкий косяк подсобного помещения, где стоял дачный отопительный газовый котел, поэтому это помещение было названо навсегда «газовой комнатой». Стукнулся: и на целый день на меня обиделся.

Соррея оказалась компанейским веселым своим в доску «парнем». Почти все за столом сидели «овощами на грядке», — пошутишь, они улыбнуться, вот и всё их участие в застольно-дачном веселье. А Саша постоянно говорила, что-то рассказывала, весело смеялась и вообще была интересной. Начали играть в волейбол, Саша сама, как большой мячик, ловко прыгала, брала любые мячи, она специально часто подавала мне, я пропускала, я плохо играла в волейбол, а Саша, оказывается, не только занималась им, она когда-то была членом Египетской женской сборной по волейболу. Она всеми способами показывала Кате свои преимущества и силу, а той было уже наплевать и на нее:, и

на меня. Сыграли мы с Сашей и в футбол, она поставила меня в ворота и «расстреливала» меня, я успевала только отбегать. Ради Бога, футболистка, забейте мне гол и гордитесь.

Гена, обиженный на шишку на голове и березовые поленья, лежал на качалке со старым прошлогодним журналом. Все девушки в сплетнических позах сидели на деревянной лавочке напротив и, ожидая скорый шашлык, обсуждали, какой же Гена симпатичный парень и горячо спорили, похож он на Фредди Меркьюри или нет. Я не участвовала в споре, но была убеждена, что Генка, конечно, на него похож.

Шашлык делала я. Рядом со мной у мангала от нечего делать крутился вечно улыбающийся Рома Гармошин, заслоняя своей придурковатой улыбкой прекрасный окружающий мир. Рома очень гордился, как и многие «голубые», что у него есть подруга. «У меня же есть девушка, захочу, женюсь», — говорил он.

— И что дальше? — зло спрашивала я его.

— Как что, семья у нас будет. Аделаида квартиру трехкомнатную купила, где жить, есть, — Аделаида очень хорошо зарабатывала в своей компании, это, наверное, тоже интересовало Рому. Ничего не имеющая девушка его вряд ли заинтересовала бы.

— Тебя квартира интересует или она? — продолжала я задавать злые вопросы.

— Что я не могу с девушкой жить? — обижался он.

Я уверена была, что Рома не мог, девушки не только не нравились ему, они вызывали у него острейшее чувство неприязни.

— И как часто ты собираешься заниматься со своей любимой девушкой сексом? — усмехнулась я.

Рома помялся, брезгливо поморщился.

— А ребеночка сделать, можно же и из пробирки? Подрочу на парня, а в пизду ей пусть потом врач всё вливает. Пизда — фу, гадость! Как будто вместо хуя внутренности какие-то вываливаются: всё мокрое: и воняет, — Рому всего передернуло от ужаса.

Я мрачно посмотрела на лысеющего пидерастика. За такое оскорбление пизды надо было бы его негостеприимно ёбнуть промеж глаз: но это было бы, действительно, негостеприимно. И я просто раздраженно вздохнула.

— Ладно, Ром, заткнись лучше, любишь мужиков — живи с ними. Зачем себя обманывать и других тоже?

— Да! Надо найти себе богатенького, — Рома мечтательно закатил глаза, эта тема была для него интересней, — а то попадаются какие-то все, как и я без денег. Ой, что сейчас

расскажу, вчера иду с остановки, за мной парень, я оборачиваюсь, он идет, симпатичный такой. Подумал сначала, ему просто по пути. Дохожу до подъезда и он за мной. Подходит ко мне, спрашивает: «Вы здесь живете?» «Да», — говорю я и сразу: «В гости зайдешь?» Мы проебались у меня всю ночь и завтра договорились опять встретиться.

— Рома! Как так можно? В первый же день! Какой в первый, просто с незнакомым человеком лечь вот так вот в постель! Вы же не собачки какие-то!? — морщилась брезгливо я.

Рома, довольный воспоминаниями, весь сиял. Я смотрела на него и никак не могла понять, — в его лице что-то изменилось, оно мне казалось немножко дебильным. Он часто улыбался глупо, как малахольный, сейчас он превзошел все свои идиотские улыбки.

— Рома, а что с твоим лицом? — спросила я его.

— А что заметно? Это моё ноу-хау. Я брови выщипал наоборот. Видишь, они у меня снаружи широкие, а к носу сужаются. Красиво? — и он приблизил своё лицо к моему для лучшего обозрения его дебильности.

— Ноу-хау — как выглядеть идиотом? — усмехнулась я.

— Что плохо?

— У тебя стало дебильное выражение лица, — и я с безжалостной прямотой злорадно описала, как он стал выглядеть с выщипанными наоборот бровями.

— Правда? Надо быстрее отращивать мои брови обратно, — он начал разлохмачивать края бровей у носа. — А еще вчера днем я познакомился с одним мужиком уже взрослым, — продолжал рассказывать Рома о своих любовных приключениях.

— Откуда ты их берешь? — удивилась я. — Неужели так много геев?

Легкость, с которой знакомился Рома, меня всегда удивляла, крайняя его бесшабашная неразборчивость тоже.

— До фига! Половина всех мужиков! Просто большая часть шифруется.

Как и всем «голубым», оказаться в узкой прослойке четырех процентов ему не хотелось. В представлении «голубых», весь мир был «голубым», или смириться они могли лишь с существованием небольшой части нормальных людей. — А с Голубковым, это фамилия у этого мужика такая, — продолжил Рома, — я познакомился в кофейне. Он подсел ко мне, хотя другие столики были свободны. Он смотрел, смотрел на меня, а потом не выдержал и подошел. Поболтали мы: Завтра должны встретиться.

— Так ты сказал, что с парнем завтра встречаешься: ну, тот, который из подъезда.

— С тем вечером, он ко мне с ночевкой приедет. А этот же не молодой, с ним надо поприличней вести себя. А то сбежит, испугается. Знаешь, кем он работает?

— Не знаю. Кем?

— Патологоанатомом, представляешь?

— Ужас, какой! От него же, наверное, формалином воняет, — брезгливо сморщилась я.

В моем воображении восстал мерзкий дядька в кожаном фартуке мясника, в бурых наслоившихся друг на друга кровавых подтёках, с бородой с застрявшими крошками от бутербродов, съеденных прямо над разделанными трупами — хороший образ для Роминого любовника.

— Не воняет. Мне даже нравиться, что он такой мрачный из морга. Вообще-то, он очень страшненький: — признался Рома. — Не знаю, буду ли я с ним встречаться. И он женатый: Он клянется, что ее не любит, что по молодости женился, раньше по другому было нельзя: Не знаю: Как ты думаешь, можно доверять женатому мужчине?

— В каком смысле? — удивилась я.

— Вдруг ему нравятся женщины?

— И что? Это преступление? Блядь, Ром отстань, я вашу психологию всё равно не пойму. Абсурд, блядь! Сумасшедший дом!

Рома обиделся и замолчал:, но не надолго.

— У него жена француженка, у нее фирма в Москве своя, она купила две квартиры на Кутузовском в одном доме, Мишель ее зовут. Он говорит, что в одной из квартир мы можем встречаться.

— Бедная его жена! Мудак твой потрошитель из морга, — оценила я его нового знакомого.

— Кстати, у его жены: ну, у Мишель, папа был директором крупной французской автомобильной фирмы, — и Рома назвал эту фирму. Действительно, крупная! Тысячи автомобилей с этим названием носятся по улицам Москвы. — Представляешь, какая она богатая!

— А тебе-то что с этого?

— Ну, просто так говорю, — но Ромино лицо уже изображало явные виды на материальное благополучие жены его возможного любовника.

— А он сколько получает? — спросила я.

— Не знаю. Наверное, мало. Он в кардиоцентре работает. Он кардиолог, но работает в морге с трупами.

— Валидол им раздает?: Если мало получает, значит, живет за счёт жены. Бедняжка! — пожалела я неизвестную французскую женщину, сделавшую такую страшную ошибку в выборе мужа.

С этого момента несчастная французская Мишель будет обеспечивать не только работника морга, к ней на плечи ловко запрыгнет русский пидор Рома и надолго поселится во второй её квартире. Он будет ездить вместе со своим Сашей Голубковым отдыхать во Францию, у того общий счет с женой, деньги даже просить не надо, бессовестно трать их с кредитной карточки и всё. Я пожала плечами, мне было искренне жаль эту женщину, она обеспечивает мужа, ребёночка ему родила, а он с мальчиками ебётся. Тьфу, блядь, какое поразительное многообразие несчастливых сюжетов в этой поганой жизни!

— Моралистка! Тебе ничего сказать нельзя, — обиделся Рома.

— Ромик, отъебись, не вертись под ногами, — мне опять захотелось его ударить: Не больно, может быть:, но так чтоб на целый день заткнулся. Или пнуть его ногой и прогнать от себя, как шелудивую собаку.

— Оль! — позвала меня Катя. — Ты взяла книжку? Саше показать?

Мы, наконец, остались одни, гости разъехались. Катя просила меня захватить на дачу книжку Адамяна показать Саше результаты операций обратного от моего направления, показать, как выглядят «неофаллосы». «Шикарное» предложение армянского хирурга транссексуалам FTM было еще более скупо и выглядело еще более непривлекательно и страшно. Сохранить возможность иметь оргазмы уже никто не обещал, эта возможность навсегда терялась с предлагаемой операцией. Член имел больше бутафорские функции. Еще он мог писать: и то, с этим по описанию были какие-то сложности.

Я открыла книгу. Как и в прошлый раз, но уже более уверенно она сразу открылась на пёздах, на этой странице ее открывали чаще всего.

— Это после операции?! — удивилась Саша. — Нормальные влагалища! Олька, тебе надо такую. У тебя есть шансы стать моей невестой. Хочешь ходить у меня в парандже?

— Отстань, Саша, — я полистала книгу и злорадно нашла образцы другой продукции. — Вот, смотри, — и отдала книжку ей в руки.

— Это!?: — Саша надолго замолчала.

Свою голову через Сашино плечо просунула Катя.

— Кошмар! Одни швы! Вообще, не похоже!:.

На картинках, еще не пришитый на нужном месте, лежал туго набитый, цилиндрической формы, все что угодно, но только не член.

— Франкенштейн какой-то! Похоже на кошелечек. Ужас! — не унималась Катя. — Неужели ты хочешь такой же?: Саша,

неужели ты хочешь делать такую операцию?

— Да, — сказала Саша спокойным и грустным голосом.

Мы с Катей были уверены, что эти фотки отрезвят нашу подругу, даже напугают, что это будет хорошей психотерапией для неё. Но Саша увидела в них только реальную возможность сменить свои гениталии. «Вот она, наверное, — ядерная форма транссексуализма», — подумала я.

— Саша, а ты знаешь, что матку при этом удаляют, и детей ты уже не сможешь иметь? Молочные железы удаляют тоже. Что оргазмов никогда не будет? Не проще просто найти себе девушку, сменить документы и жить с ней, как есть?

— Нет, я хочу сделать операцию, — упрямо не согласилась с нами Саша. Она полистала книгу, отложила ее, вздохнула. — Я хочу заработать тысяч двести, пока у меня дела идут хорошо, сменить документы, сделать операцию, и уехать из Шарма:, может быть, и из Египта. Открою свое дело на новое имя. Может быть, в Москву тогда перееду для этого.

Я могла понять себя, могла понять других трансиков MTF:, по крайней мере, они получали или рассчитывали получить влагалище, похожее на настоящее, и к тому же, возможно, дающее оргазмы. Сашу я не понимала. Отказаться на всю жизнь от удовольствий, ломать свою жизнь и устраивать её заново в суровом мусульманском мире: Как на это может хватить сил? И как на это может хватить решимости?

Саша была неженственной, ей можно было и не меняться, ее внешних данных уже хватало, чтобы выглядеть жирненьким молодым турком, выглядела она уже давно именно так: А увижу я потом и других красивых, стройненьких, женственных девушек, которые злой судьбой были наделены этим безумным для женщины желанием — стать мужчиной и желанием избавиться от своих прекрасных женских признаков. Их я не только не понимала, мне их было безумно жаль. Я смотрела на их пока еще смазливые мордашки, представляла на них, отросшую в будущем от гормональной терапии андрогенами щетину, покрывающиеся волосами их нежные и, как правило, широкие бедрышки: Безумие! Мир терял свою красоту!

— А у вас в Египте существует такая процедура? менять пол? Может быть, у вас такого закона даже нет? — поинтересовалась Катя.

— Не знаю, я еще не узнавала. Есть: нет: Не знаю, — Саша опять вздохнула. — Деньги надо зарабатывать. Если заработаю, поменяю пол, открою свою туристическую фирму.

— А ты не хочешь сначала ребеночка родить? — спросила я. — Будет тогда свой.

— Нет, я для этого не приспособлена. Лучше потом усыновлю.

— Ты же была замужем, Саша. Вроде бы вы прожили три года. Вы же сексом занимались? Один раз для того, чтобы забеременеть, разве трудно еще разок переспать с кем-нибудь?

— Переспать нетрудно: Противно, — Саша брезгливо поморщилась. — Рожать не хочу. Я не чувствую себя женщиной.

— Понятно, — было ничего не понятно.

Я на прием к Василенко привезла Соррею. Саша, наслушавшись рассказов о моих походах по врачам, решила тоже сходить на консультацию пока ещё находилась в Москве. Катя за компанию приехала тоже. Я пошла к Василенко первой, я принесла ей свои гормональные анализы, которые сдала по истечении трех месяцев гормональной терапии по её схеме. «Тестотерон — 0,45! Очень хорошо! Вот видите, тестотерона в крови вообще не осталось. Будете так принимать, будут происходить изменения, которых Вы хотите». Я не хотела долго распинаться о своей жизни, за дверью ждала своей очереди Саша, и нас обеих Катя. Я заплатила традиционные пятьсот рублей, и за мной в кабинет вошла Саша: Ждали мы ее два часа!

— Ну, и как? Что она сказала? — набросились мы на нее с вопросами, когда она вышла.

— Хорошая женщина, — Саша, довольная Василенко, качала головой. — Я ее пригласила в Египет. Не бесплатно, конечно, но с большими скидками, а там я ей сделаю всё на халяву.

— Это всё, о чем вы договорились? — рассмеялись мы.

— Нет, но она такая бриятная женщина, бусть бриедет, отдохнет, — у Сорреи в голове уже явно маячил секс с доктором Василенко, буквы «б» тут же вылезли ещё более явно, а глаза заблестели. Я представила раскоряченную Любовь Михайловну под жирной Сорреей и мне стало смешно.

— Тьфу, ты. А сказала она что? Поможет она тебе чем-нибудь?

— Мы поболтали. Я рассказала о своей жизни. Она пыталась меня отговорить, но потом всё-таки написала мне, что принимать, если я не раздумаю. И сказала, где лучше сделать такую операцию. Хорошая женщина! — опять распустила слюни Соррея.

— Ты пятьсот рублей заплатила? — спросила я.

— Тысячу.

— Я же тебе сказала пятьсот, у них триста рублей прием стоит.

— Она хорошо ко мне отнеслась, я тысячу заплатила.

— Соррея — настоящий восточный мужчина, — вставила свой комплимент Катя. — Не то, что ты, жалкая баба.

— Я бы с ней ещё где-нибудь в Москве встретилась, — призналась Саша всё ещё под впечатлением от русского доктора.

— Так она же уже немолодая! Девчонок тебе мало что ли на курорте? — удивилась Катя.

— В том то и дело, она взрослая, умная, не то что малолетки: Если приедет, то хорошо у меня отдохнет, я это ей устрою, — последняя фраза прозвучала немного угрожающе, я представила будущий фотоальбом Любовь Михайловны, посвященный этой её возможной поездке: Василенко с повязанной арафаткой на голове верхом на верблюде, лицо красное, обгоревшее, видимо, второй или третий день в Египте; Василенко на четырехколесном мотоцикле, мчится по пустыне, длинный пыльный шлейф тянется за ней; вот она выплясывает: нет не гапака, танец живота танцует она в паре с арабской танцовщицей; а это она в аквалангe ещё не утонула, пытается красиво встать и усердно втягивает живот, но бесплатный и потому обильный завтрак тянет немолодой живот вниз; несколько десятков фотографий с разных ресторанов, туда обязательно сводит её щедрый араб Соррея. Альбом пухлый — отдых насыщенный, Саша не ударит в грязь лицом, пустит пыль в глаза, за секс с интеллектуальной с виду Любовь Михайловной потратит все деньги:, а та всё равно ей не «даст». Это то, что я себе представила.

Любовь Михайловна тщательно записала Сашины координаты в Египте, но так и не собралась отдохнуть там, не приехала.

Мы спустились от Василенко вниз и на выходе встретили трансика, его первая заметила Катя:

— О, смотри! Тоже, наверное, идет пол менять. Пиздец! — Катя всегда безошибочно вычисляла трансексуалов. На праздниках в толпе она вытягивала свой палец, — «Трансик!» — говорила она, мы рассматривали его уже вместе и соглашались в этом. Как она не пропускала мимо них своего взгляда, загадка.

От входа к другой лестнице справа направлялся: пока еще парень. Надел он на себя женские брюки, на голове жидкий хвостик, денег на женскую обувь не хватило, и на ногах огромные стоптанные мужские ботинки:, белая рубашка в надежде, что она станет похожей на женскую блузку, застегнута на все пуговицы до горла. Будущая женщина смотрелась пидеристичным придурковатым парнем. Навстречу вышел, видимо, его лечащий врач. Наблюдаемый нами трансик, как напуганная забитая дворняжка подобострастно закрутил перед ним хвостом, он стоял перед врачом, колени у него сжались, улыбка на его лице выражала страх: Этот страх я понимала, от этого врача зависел его дальнейший жизненный путь:, может быть, не самый лучший,

может быть, даже худший, чем в этой его половой роли, может быть, и скорее всего это был путь, ведущий в тупик, путь, не дающий счастья, путь, убивающий одиночеством и разочарованием:, но так исступленно желаемый и кажущийся единственным:.

Тьфу, блядь! За чужим унижением наблюдать было неприятно.

* * *

С полными продуктами сумками я шла по трамвайным путям с Коптевского рынка к бывшему ещё совсем недавно своему дому на 3-ей Михалковской улице. Катя с «мистером» Сорреей и Лизой поехали смотреть Москву, а я Машу привезла по её просьбе в нашу бывшую съемную квартиру забрать оставшиеся её цветы в горшках и ещё какие-то вещи. Сама пошла за продуктами на рынок.

— Девушка, вы не подскажете, где здесь хозяйственный? — я повернула голову, рядом со мной шел молодой короткостриженный, хорошо одетый парень.

— Вон он, — я указала на магазин пальцем.

— А я езжу кругами, не могу найти его. Поставил машину у рынка, хожу пешком, ищу, — с единственной целью сообщить, что он счастливый обладатель авто, мой попутчик рассказал о своем трудном поиске магазина. — Там, говорят, кухни продаются. Да?

— Вроде продаются, — я пыталась говорить меньше, чтобы не разочаровывать парня своим мужским голосом и своей соответствующей половой принадлежностью.

— Девушка, давайте помогу, сумки донесу Вам. Все равно пока по пути, — парень шёл рядом и улыбался мне.

— Не надо, — буркнула я испуганно.

— Давайте, — он отнял у меня все четыре пакета — по два из каждой руки. — Как же Вы несли такую тяжесть? Захочешь, не убежишь от Вас с ними. Вот, женщины пошли! Сильные, как лошади! — он опасливо покосился на меня, не обиделась ли я на такое сравнение. И продолжил. — Я имею ввиду, такие тяжести женщинам таскать нельзя. А Вас как зовут?

— Какая разница? — что мне надо было сказать ему — Оля, присев в реверансе? Или Борис? Мне было опять стыдно, неловко, и мне не хотелось ставить моего носильщика в дурацкое положение, помогающего не женщине, а непонятно кому.

Впереди метров за сто от нас, на трамвайной остановке у моего дома и напротив его хозяйственного магазина я увидела,

видимо, только что начавшуюся семейную разборку. Мужчина тащил девочку в белом платьице за руку, девочка упиралась, другую руку девочки не отпускала женщина и тянула её в другую сторону. «Бедный ребенок!» — подумала я.

— Я Вам сумки несу, а Вы не хотите со мной познакомиться: даже имя сказать:

— Я замужем, — нагло заявила я.

Сама я наблюдала за развитием семейной сцены. Женщина пыталась вырвать ребенка у мужа, тот не выпускал. Она ударила его, он свободной правой рукой ударил ее тоже, она упала. Я имела опыт вмешательства в семейные конфликты на улице. Муж бьет жену, подходишь, даешь ему по роже, и избитая только что мужем жена, бросается на тебя с криками и кулаками. Я давно зареклась вмешиваться в подобные семейные ситуации.

— Замужем — это хорошо, — разговаривал идущий рядом со мной кавалер. — А что, у замужних женщин нет имени?

— Нет, — ответила я уже машинально.

Мы подходили ближе к остановке. Ребенка опять разрывали в две стороны. Я ускорила шаг.

— Не хотите женщине с ребенком помочь? — спросила я парня, помогающего нести мне мои сумки.

— Сами разберутся. Здесь милиция рядом, пусть менты за порядком следят.

— Дяденька отпустите, пожалуйста, отпустите, — мы были уже недалеко, и я услышала жалобный голос девочки. «Значит не папа: и это не семейная сцена», — стало понятно мне.

Я бросила свои сумки на произвол судьбы и уже бежала к трамвайной остановке. Возможная причина, почему пристал к маме с дочкой чужой мужик, стала сразу понятной, когда девочка ко мне повернулась лицом, — она была чернокожей, то есть негритянкой. Мужик типичный работяга-люмпен был, видимо, возмущен сожительством мамы, русской бабы, с негром. Что он хотел от маленькой девочки и куда он ее тянул — не знаю. И девочка, и мама плакали и кричали.

— Это Ваш муж? — на всякий случай всё-таки спросила я.

— Нет, не муж. Помогите нам, — женщина вся в слезах смотрела на меня без особой надежды.

Драться не хотелось, мужик был крупный, выше меня. Этого особенного состояния для боя почему-то не возникало, я всегда в таких ситуациях ощущала его в себе физически, как наполняюсь адреналином или не знаю чем. А сейчас я стояла рядом с ними злая не на мужика, а на себя и думала: «На хуй я к ним подошла? Что я обязана им что ли?» Мне вообще уже становилось страшно. «Наверное, это от андрокура. Тестотерона в крови нет, вот и

боюсь этого мудака».

Но деваться было уже некуда, я уже влезла в эту чужую историю. «Мужику лет сорок, может быть, больше. Здоровый, но не спортсмен, весь его спорт — водка», — мысли быстро мелькали в голове и оценивали противника. — «Он будет долго наотмашь замахиваться — реакции немолодого пьющего работяги: Справлюсь», — самонадеянно оценила себя я. — «Слава Богу, я в кроссовках».

— Эй, урод, съебал отсюда. Отпусти ребенка, — отвесила я первое своё вежливое требование.

Ребенка он не выпустил, но замер. Я неуверенно и не сильно, с надеждой, что до драки не дойдет, пнула его ногой в живот. Мужик не упал, его даже не качнуло, живот только дрябло дернулся, и на его белой, с двумя горизонтальными голубыми полосками, трикотажной рубашке остался след моей ноги.

— Мудень ебанный, блядь! Пиздец тебе! — я пнула его в живот сильней. Он отпустил девочку. — Женщина, забирайте ребенка и идите отсюда. — Я знала, что она обязательно останется посмотреть на зрелище, а я не была уверена, чем оно закончится. Стукнет меня мужик, упаду я наземь, а он опять полезет к ней. Чего этого дожидаться? — Женщина уходите, — еще раз сказала я ей.

Мужик с вытянутыми руками, как будто хотел меня задушить или схватить «за грудки'», шел на меня: и рожу при этом сделал совершенно зверскую. Я пятилась, но уже не боялась его. Я сделала резкий выпад и между его вытянутыми руками заехала ему по роже и отскочила назад: Он продолжал, как танк упорно и тупо идти на меня. Я, опять сделав быстро шаг вперед, заехала ему на этот раз в нос. Нос не сплющился раздробленный, я была не Майком Тайсоном, но тоненькая струйка крови все-таки вытекла к его вонючему рту. Мужик действовал молча, он и девочку вырывал из рук её матери также молча, не объясняя причин своего нехорошего поведения. Я же ударив, сразу начинала ругаться матом, я всегда была не очень культурной, а иногда даже страшной матершиницей. Мужик вспомнил, что меня можно не только схватить, но можно и нужно ударить. Он по-деревенски наотмашь, рука далеко назад и в сторону, как я и предполагала, замахивался:, я сразу отскакивала на шаг, и он тогда или уже не пытался ударить: или, если все-таки бил, то кулак пролетал далеко от моей физиономии, тело его по инерции тянулось за кулаком, в этот хороший момент я его опять била: и опять: Потом я перестала отскакивать, я стояла и била его как боксерскую «грушу», он уже не замахивался и только пытался прикрыть свое лицо руками. Он потихоньку сгибался и, наконец,

согнулся с закрытыми руками лицом пополам. «В печень, в печень: пока открыт», — обрадовалась я удобному его положению в пространстве. Я ногой ударила его в область печени: Плохо, попала я выше, в ребра: Я, как на пенальти со всего размаху еще раз ударила туда же. «Ой, блядь!» — издал свой первый звук работяга-расист и грохнулся на трамвайный путь на живот. Я била его ногами еще несколько минут. Он вначале корчился, поджимал под себя ноги, закрывался руками, а потом замер. «Достаточно», — решила я. Мир, суженный до поля боя, опять вернулся ко мне и стал большим.

— Спасибо Вам большое, молодой человек! — мама с ребенком подошли благодарить меня. — У дочки муж негр, внучка, видите, тоже чернокожая, — мама, оказалась молодой бабушкой. Девочка возраста Лизы своими большими карими глазами благодарно смотрела на меня, она уже не плакала. — Люди у нас — звери! Какая разница, какой ребенок!? Это уже не в первый раз такое происходит.

— Вы в следующий раз сразу уходите, не дожидайтесь конца драки. Понятно?

— Да, да, да. Понятно: Спасибо Вам огромное! Никто бы больше не помог:

— Идите лучше, очнется этот идиот: Не стойте, идите, — уже почти прикрикнула я на бабушку.

— Молодец какой! Правильно! Надо его еще палкой по голове, чтобы уже не поднялся, — группа кровожадных старушек, ожидающих трамвая, смотрели на меня, как на героя.

— Уберите мужчину с путей, — поглазеть на зрелище остановился на соседнем пути трамвай, из окна высунулась женщина-водитель, из других окон смотрели на меня любопытные пассажиры. — Надо милицию вызвать и скорую:

— Держи сумки: Ну, ты даёшь!: — вот он и мой помощник. Не сбежал с моими сумками. Не раздумал он еще со мной познакомиться?

— Тяжести любишь таскать? Убери с рельс этого деятеля.

— Хорошо: Ты меня удивил: или удивила, — он растерянно качал головой и улыбался. Он взял лежащего на земле мужика за руку и оттащил в сторону.

«Вот жизнь! Разве тут станешь женщиной!» — жалобно подумала я: и потащила свои тяжеленные сумки дальше.

* * *

Машину остановили на КПП на въезде в Балтийск. К моему

окошку подошла женщина-пограничник, проверила мои документы, не посмотрев на меня. «Слава Богу!» — с облегчением вздохнула я. Проверила документы у водителя моего такси, он начал возмущаться: «Что, не видишь калининградские номера?» И мы въехали в любимый мой город.

— С калининградскими номерами обычно не проверяют. А эта сдурела:, - злился водитель.

— Раньше для въезда надо было приглашение получать от проживающего в Балтийске и оформлять три месяца пропуск, как заграницу: — попыталась я оправдать пограничницу.

— Да: Раньше были времена, — вздохнул краснолицый, сразу видно, пьющий калининградец, везший меня из аэропорта в мой любимый после Москвы город.

Я не была в Балтийске больше пятнадцать лет. Каким он стал? Мы проезжали Мечниково, проезжали Матросский сад: — сюда мы с Джоном лазили воровать яблоки, увидели, идущего по саду мичмана, упали в траву, и меня за руку укусила оса. Мне было тогда лет шесть. Ничего не изменилось, те же деревья аккуратными военными шеренгами стояли на нескольких гектарах земли.

Первые дома. Вот универмаг, здесь я в восемь лет купила себе в первый раз чулки. «Рижская сетка» называла их мама, она покупала такие же. Я жутко стеснялась подойти с ними к кассе. Я долго ходила по магазину и с десятой попытки: «Чулки „Рижская сетка“ за рубль сорок. Размер девятнадцатый:» Я взяла самый маленький размер, я не знала тогда, что это размер ступни, для моих детских худеньких ножек они всё равно были чрезмерно велики. Но я все равно, оставшись одна, одевала их, пытаясь найти женские черты в своем теле:.

Еще один магазин, на втором этаже булочная. Здесь, именно в этом магазине бывали в продаже кукурузные палочки, тогда это было дефицитом. Сейчас они продаются в любом месте и в любом виде, даже почему-то разноцветные в огромных мешках. Неужели их кто-то ест в таких количествах? Я съедала всю большую картонную пачку за раз, могла и вторую. Но экономно оставляла её на другой день.

Несколько убогих серых панельных домишек нашего времени и площадь с магазином перед ними. «Площадь дураков» стала она называться в последние годы. Раньше то ли дураков было меньше, то ли они скромнее были и не называли в честь себя площади.

Балтийск был городом — разойтись негде, если увидишь человека, то потом обязательно встретишь его еще раз в этот же день. Я внимательно смотрела в окно, я была уверена, что увижу Машу с Лизой. Они приехали сюда к тете Нонне, моей тете, уже

две недели назад, я прилетела к ним на неделю. Я не предупредила их о своем приезде, я разговаривала с Машей вчера по телефону и не сказала, что у меня на руках билет на самолет. Мы ехали по проспекту Ленина — это основная улица в этом городе, раньше она называлась Гвардейским проспектом. Я внимательно смотрела в открытое окошко автомобиля, перебирая глазами людей, неспешно двигающихся по обочинам дороги, в полнейшей уверенности, что обязательно увижу среди них Машу с Лизой. В своих ожиданиях я не ошиблась, вот она моя Лизочка в желтеньком платье и соломенной шляпке бежит по мощенному камнем тротуару. «Остановитесь здесь», — попросила я водителя. Я выскочила из машины и догнала Лизу.

— Девочка, пройдемте в милицию. Без мамы нельзя гулять одной по улице, — Лиза вздрогнула и повернулась.

— Ну, папа! Ты меня напугал, — и бросилась целоваться. — Привет! Ты откуда? Ты же в Москве был.

— В голубом вертолете прилетел и бесплатно покажу кино: Тра-ля-ля:, - попыталась я пропеть песенку крокодила Гены. — А мама где?

— А мы шли тебе звонить. Ма-ма-а: — Лиза слезла с рук и побежала за Машей.

— Заечкин, откуда ты? — мы поцеловались, как будто и не разводились. — А мы идем на почту тебе звонить.

— А я так и думал, что вас увижу. Еду, смотрю в окошко:, и Лизочка бежит в своем желтеньком платье с подсолнухами. Залезайте в машину, доедем до дома.

Мы вместе сели в машину.

— Лиза, смотри, видишь этот магазин? — я пальцем ткнула в окно автомобиля.

— Вижу.

— Тринадцатый называется. А рядом, видишь, слива растет?

— Вижу.

— Я в твоем возрасте лазил на нее с другими мальчишками, сливы собирал.

— Правда, что ли!? А мы с мамой ходим в этот магазин за молоком.

— Здесь направо, вот к этому дому, — сказала я водителю. — А вот горка рядом с аптекой, — показала я на небольшой холмик на противоположной стороне дороги. — Мне было пять лет: Я забрался наверх, и у меня между ногами змея проползла, уже в свои пять лет я обратил внимание, что у нее не было оранжевых пятен, значит, гадюка была. Я испугался, прибежал домой, рассказал маме, и никто мне не поверил.

— Почему? — обиделась за меня Лиза.

— Не знаю, — я уже не помнила, почему мне никто тогда не поверил. Наверное, болтают все дети без умолку, вот и не слушают их. — А вот этот забор, он еще с войны стоит, вот эта решетка упала на меня, чуть не убила, меня достали, я весь в крови был:, - решетка эта, как и всё остальное живущее в этом городе с довоенных лет, абсолютно новёхонькая окружала наш розовый с черепичной крышей дом. — Всё приехали.

— Тетя Нонна! Ку-ку, — за пятнадцать лет, а, может, и за десятки, место, где лежит ключ, ничуть не изменилось. Я уверенно потянулась и взяла его тут же с дверного косяка и вошла в тетину Ноннину квартиру. — Ку-ку!

— Борька! Ты откуда. Во, дает! Даже не позвонил, — тетя Нонна, совсем не изменившаяся за эти годы, стояла у плиты и что-то готовила. — Здравствуй, Борюля! — она подошла, поцеловала меня, Борюлей называла меня только она.

— Здрасьте, теть Нон! А я подумал, чего в Москве сидеть? Работы мало: Еду мимо аэропорта, подумал, если есть билеты назавтра в Калининград, то полечу. Заехал, билеты были.

— Ты в своем репертуаре, — продолжала обниматься тётя Нонна.

— А как у вас тут? Как дядя Коля?

— Вчера трех судаков поймал на заливе, готовлю сейчас. Ты вовремя, обед сейчас будет готов, — и она заглянула в духовку.

Я захотела помыть руки с дороги и подошла к раковине на кухне. Знакомая до боли густая паутина трещинок выглянула на меня с ее дна, как родное знакомое лицо. Пятнадцать лет я ничего этого не видела, и всё хорошо сохранившимися фотографическими картинками с готовностью и с благодарностью всплыло в моей памяти:, всплыло с точностью до каждой трещинки в этой довоенной немецкой мойке. Так бережно храня прошлое, сейчас моя память тщательно фильтровала настоящее, она выкидывала всё лишнее, все ненужные и иногда нужные лица: Я записывала чей-нибудь телефон, через пару дней я смотрела в книжку, и записанная фамилия мне ничего уже не говорила. «Борис, привет!» — мне протягивал руку человек, я ему с недоумением протягивала тоже. — «Мы же три дня назад приезжали снимать рекламу для:», — и он называл для кого мы снимали рекламу с их участием или присутствием, я восклицала для приличия — «А-а-а!», смотрела на него и ничего не помнила. Моё прошлое было определенно лучше моего настоящего, может быть, поэтому память так бережно хранила и трещинки в старой раковине, и горку у аптеки, и огромные тополя и каштаны: Балтийск так и остался родным и знакомым до каждого кирпичика городом.

— Теть Нон, судак шикарный. Буду каждый день рыбу есть, — мы сидели на кухне за обеденным столом и ели, запеченную в духовке рыбу в фольге. — А как Джон поживает?

— Вовка? Хорошо. В море на корабле старпомом сейчас ходит. В рейс через пару дней идёт.

— Ничего себе! А Штепа Андрей?

— Работает, не на корабле только: Не помню где.

— А садик ваш вишневый плодоносит? — продолжала спрашивать я.

— Какой год выпадет: Деревья старые, они же с войны, вырубать их надо.

— Жалко. А ты, Лизка, познакомилась с кем-нибудь? — обратилась я к своей дочке.

— Я с девочкой с первого этажа познакомилась, мы дружим.

— Молодец: А как Марья Степановна? Она же тоже с первого этажа, по-моему? — опять спросила я тетю Нонну.

— Умерла уже давно: так и умерла старой девой. Она же уксусной эссенцией травилась, откачали еле-еле… Пожила после этого немного: так и умерла одна, ни детей, ни родных.

— Жалко:, - задумчиво протянула я и поежилась от неприятного холодка, пробежавшего по моей спине. Такое страшное окончание человеческого существования, отравленное уксусной эссенцией и одиночеством пугало меня в этой жизни больше всего. Окруженная детьми и внуками хотела умереть я. Видеть перед смертью их счастливые лица и знать, что всё у них хорошо. Успеть улыбнуться любимой женщине в последний раз и с этой улыбкой застыть навеки.

Я доела рыбу, встала на коленки на стул и выглянула в окно. Напротив такой же розовый дом — два этажа и третий мансардой под кирпичного цвета черепичной крышей. Под окном тетин Ноннин вишневый садик, правее разросшаяся огромная алыча и уютная скамейка в её тени. Еще правее, высоты кремлевской стены, аллея огромных, исполинских тополей. Почему деревья вырастают здесь такого размера?: За дворовым столиком под окном сидели три женщины.

— А тетя Тамара жива еще что ли? Это она сидит? — спросила я тётю Нонну.

— Неужели ты её помнишь? — удивилась она и подошла к окну.

— Как не помнить, меня её собака покусала, когда мне было года четыре, — я вспомнила, как будто это произошло вчера, оскалившуюся морду разжиревшей Тяпы, так звали её старую больную собаку, похожую на таксу. Собака давно умерла, а хозяйка её по-прежнему сидела во дворе и живо обсуждала,

видимо, окружающую жизнь. Тетя Нонна выглянула в окно.

— Тигра? Что с ней станется? Всех ещё переживет, — произнесла это тётя Нонна совсем не зло.

Соседский конфликт тридцатилетней давности поблек и истрепался, но всё же по-прежнему сохранил за тётей Тамарой прозвище — Тигра. Никто уже не помнил истоков этой «добрососедской» истории.

Мы шли через парк на пляж. Отломанные куски немецких надгробий, еле заметные, стертые временем холмики, серые с выщерблинами с толстенными бетонными стенами дзоты:

— Папа, а что это за серые домики? Мама говорит, в них немцы прятались, — любознательный ребёнок задавал мне тысячу вопросов в день.

— Эти домики называются дзоты, — поучительным тоном взрослого и умного папы ответила я.

— А что такое — дзоты?

— Долговременная зенитно-огневая точка.

— Почему точка? Они же большие, — не согласилась Лиза.

— Просто так называются:, - на это я не знала, что ответить. — Видишь окошки? как жирная перевернутая «Т»? В них стояли пушки, и немцы стреляли из них в наших русских солдат. Видишь, эти дзоты, как настоящие крепости, стены толстенные, а наши русские солдаты всё равно немцев победили. Ну, это всё во время войны было, давно уже. А когда я был маленький, я один раз забрался на этот дзот наверх: вот именно на этот. А там были другие мальчишки постарше. Мальчик мне кидает палку: «Держи!» Мне перед старшими мальчишками хотелось показаться ловким, я поймал палку. Они рассмеялись:, ничего не сказав, спрыгнули с дзота и ушли. Думаю, чего они мне палку кинули!? Вдруг чувствую запах, смотрю на руки, а они все в какашках. Это они так пошутили надо мной.

— Фу! Папа! — Лиза вся сморщилась. — Плохие мальчишки:

— Это на тебя похоже. Пока сообразишь, что к чему, вся в говне: — злорадно усмехнулась Маша.

Мы вышли на заасфальтированную аллею. Белый фонтан:, посередине остов неизвестной фигуры:, можно только рассмотреть чудом сохранившиеся башмаки. Кто украшал собой красивый когда-то фонтанчик?: Тир: — его я еще застала в своем детстве и стреляла, когда приезжала в Балтийск каждое лето. Сейчас только стены: Справа и чуть дальше заросшие бурьяном проржавевшие аттракционы: — карусели, качели-лодки, обычный их набор для маленького городка. Всегда здесь было людно, особенно вечером. Здесь же были танцы. Помню, как Вика, моя сестра, вернулась с этих танцев домой, прислонилась спиной к

стене, глупое голубое платье с «фонариками» на плечах, голову обессилено запрокинула: Все её озабоченно обступили: «Вика, что случилось?». Блаженная улыбка блуждала на ее лице. «Меня поцеловал парень:» «Тьфу, дура!» — сказала тогда я и побежала к ребятам во двор.

Мы вышли из парка… Опять заброшенные бетонные дзоты, видимо, военных времен береговая линия немецкой огневой защиты. Мы разулись, дальше был песок. Мы шли к морю: везде заросли облепихи, очень много облепихи: под ногами редкими кустами верблюжья колючка, мы шли уже по дюнам, от них шел, как из открытой дверцы огромной печи жар, ногам было горячо, и я взяла Лизу на руки:.

Мы, наконец, вышли к морю и удобно разлеглись: Два огромных полотенца-подстилки, естественно, по-русски еда: Когда я была маленькой, то видела, как на пляж некоторые приходили с кастрюлей борща. Обычно это оказывались отдыхающие, приехавшие из Москвы. Борща у нас не было, и кастрюль с борщом я больше никогда не увижу на пляже. А борщ нам заменил в этот день холодный запеченный судак, картошка в мундире, огурцы-помидоры, отварные яйца, два литра сока, термос с чаем и куча конфет, в том далеком году они мне очень нравились. На пляже никого, две девушки легли вскоре неподалеку, вот и всё загорающее население пляжа. Песок белоснежный, в него было небрезгливо лечь без всяких покрывал, зарыться в него, потом отряхнуться, и Вы останетесь чистыми. Спокойное в этот день море — оно только плескалось нешумно у самого берега, дальше только рябь. Дамба далеко слева сунула свой длинный нос в море, маяк на ней — настоящий морской город со всеми причитающимися ему атрибутами: только самый лучший в мире.

Мы осторожно вошли в воду. Конечно, с непривычки холодная. Лиза стояла у кромки воды и никак не могла решиться войти в нее. Я не удержалась и ударила по воде ладонью, брызги разлетелись:

— Папа! Я обижусь, — запищал мой ребенок.

— Давай я тебя возьму на руки, и мы войдем в море вместе: потихонечку, потихонечку, — предложила я.

— Я боюсь. Ты не будешь меня кидать в воду?

— Не буду. Честное слово! — пообещала я.

Я ее внесла в воду, и всё, её невозможно было оттуда вытащить. Всю дрожащую, с синими, как когда-то и у меня в детстве, губами, её все-таки удалось выгнать из воды, и она сразу закопалась в горячий песок.

Я загорала в плавках, точнее, это была нижняя часть

купальника, меня тошнило от мужской одежды, и я давно не одевала ее.

— Снимай лифчик, вон, видишь, баба с голой грудью загорает, — услышала я. Одна девушка показывала на меня и убеждала свою подругу тоже загорать с обнаженной грудью.

— Заечкин, тебе надо в купальнике загорать, так будет приличнее, — подняла голову Маша.

— Маш, отстань:.

Зазвонил мой мобильный, было необычно видеть, что он работает здесь на забытом далеком пляже.

— Алло! Да:

— Борис, здравствуй! Это Елена Александровна звонит.

— Здравствуйте, Елена Александровна, — «Звонит она мне», — подумала я, — «Наверное, по работе». Была она помощницей Корниенко, моего начальника. Вот не везет, везде и всегда не вовремя меня найдут, надо отключить мобильный.

— Борь, завтра в академию Волошин приезжает, это руководитель администрации Президента:

— Да. Знаю.

— Надо бы снять эту встречу ректора с ним: Это ректор вспомнил, что в академии фотограф есть.

Ну, что на это ответить? «Вылетаю самолетом:» Или еще позагорать? Надо же, как не ко времени обо мне вспомнил… и в такую хорошую погоду к тому же. И как он смог вспомнить, видел то меня пару раз. Делать ему что ли нечего, как только сниматься на память? «Увольняться надо: и срочно», — в который раз решила я.

— Елена Александровна, я сейчас не в Москве, мне срочно надо было прилететь в Калининградскую область по семейным делам:

— Что-то случилось? — спросила Елена Александровна.

Мне очень хотелось придумать, что что-то у меня случилось, что-то экстренное и неотложное, важнее Волошиных и всех ректоров:, но в голову под пекущим мозги солнцем ничего не шло. Вместо этого важнейшего и неотложного «что-то» я длинно и невнятно промычала в трубку:

— Ну, ладно, не в последний раз он приезжает, потом как-нибудь снимешь. Отдыхай. Погода хорошая? — спросила меня она, видимо, прекрасно понимая, что уехала я отдыхать и никого, конечно, не предупредила.

— Нормальная, сегодня солнце, — ответила я. — Вообще, здесь погода быстро меняется, но в дюнах можно каждый день загорать.

Мы попрощались.

— С академии? — спросила Маша.

— С академии, с академии: О-о-ох! — длинно вздохнула я. — Увольняться надо, надо выделить неделю и посвятить её этому. Приеду и займусь. Хватит тянуть. Стыдоба. Ведь предлагала им зарплату мне не платить: Так нет, всё равно платят. И премию эту: Тьфу! Как назло, ежемесячно.

— Жалко. Помнишь, как мы познакомились в ней?

— Помню, — ответила я и замолчала. Это были бессмысленные разговоры, начинающиеся с воспоминаний о нашем знакомстве и заканчивающиеся обязательно воспоминаниями о разводе и кто в этом виноват. Я не виновата — знала я. Я во всём виноват — знала Маша. Лиза, слава Богу, не винила нас, а просто любила обоих. Спорить на эту тему мне не хотелось, и я перевела тему.

— Лиза! — крикнула я своему ребёнку.

— Что? — откликнулась она.

— А ты знаешь, что твой папа утонул в детстве?

— Как утонул? Ты же живой, — Лиза сделала смешное удивленное лицо. Я схватила её за ногу, притянула к себе, обняла и поцеловала.

— Что ты такие мордашки делаешь, Лизуля? Я тебя сейчас зацелую.

— Папа, отпусти, — она обычно всегда начинала вырываться, если я или Маша начинали её целовать. — Почему ты живой, если ты утонул? Ты, как всегда, меня обманываешь.

— Я тебя никогда не обманываю. Сейчас расскажу. Я зашел в воду:, мама была на берегу, Вика тоже, еще какие-то наши знакомые были: На пляж все всегда компанией собирались, и народу на пляже всегда было много. Я не понимаю, почему сейчас никто не ходит загорать и пляж пустой. Я захожу в воду: Слышь, Маш?

— Да, — откликнулась она.

— Захожу в воду, — продолжила я, — а море спокойное-преспокойное. Я захожу по грудку, а раньше в детстве круто считалось зайти по грудку или по шейку:

— А я уже большая, я по шейку запросто захожу. Смотри, — Лиза вскочила и хотела уже бежать к воде.

— Куда!? Ты только вылезла, губы синие. Пока не согреешься, в воду не пойдешь. Подожди, послушай, я дорасскажу. Захожу я по грудку, кричу: «Мама! Я по грудку вошел». Мама: «Молодец!» Я дальше иду. Захожу по шейку, прямо под подбородок, а море спокойное, но все равно поднимается и опускается, оно меня поднимает, относит чуть-чуть дальше, и опускает, а я уже цыпочками скребусь, а идти не получается к берегу.

— А твоя мама? — Лиза состроила уже другую мордашку, такую же милую и смешную, эта мордашка волновалась за своего маленького папу, сострадала ему и очень хотела помочь.

— Моя мама, это твоя бабушка. Знаешь?

— Да, знаю. Папа, рассказывай давай, — торопила продолжение дочка.

— Ну, вот: Мама, Вика и все остальные сидят и болтают:

— А чего ты, позвать её не мог? — спросила Маша.

— Стыдно было, думал: «Что я маленький что ли?» И еще стыдно, что только что хвастался: «Смотрите, я по грудку:», а теперь кричу: «Помогите!».

— Вот тупица! — Маша с равнодушием к моей судьбе доедала рыбу.

— Я только Лизе буду рассказывать, — и отвернулась от Маши. — Меня относит и относит: Я уже понял, что не выберусь на берег сам и что утону. Я смотрю на маму, мне было так обидно, что она не смотрит в мою сторону. «Мамочка, я же сейчас захлебнусь, и ты никогда меня не увидишь, посмотри сюда:» А она сидит в полосатом черно-белом купальнике, кто-то что-то рассказывает, все смеются, а я плачу. Голову я уже подняла ртом вверх. И уже, когда волна находит на меня, глотаю соленую воду и: Потом ничего не помню.

— Папа! А почему ты сейчас живой? Ты же утонул, — Лиза нетерпеливо дёргала меня за руку.

— Я-я-я пришё-ё-л с другого света, — загробным голосом, как в церковным хоре, я страшно протянула эти слова.

— Ай! Боюсь! Мама, спаси меня, — Лиза вскочила и спряталась за Машу.

— В общем, когда увидели, что меня нет, поискали по пляжу, слава Богу, долго не увлекались этими поисками. Дальше, наверное, обычная бабская истерика. И как в кино, недалеко загорал тренер по плаванию, он меня и вытащил. Вообще, весь пляж нырял, искал меня, но вытащил именно он. Вытащили, откачали, я этого уже не помню. Помню только, мама показывает на чужого дядю и говорит: «Вон, видишь того дядю? Пойди, скажи ему спасибо, он тебя спас». Я подошла, промямлила: «Спасибо». Вот и всё.

— А если бы ты утонул, меня бы сейчас не было, — неожиданно философски изрекла моя маленькая Лиза.

Мы все дни проводили на пляже, возились с ребенком в песке, строили песочные замки, гуляли вечером по городу и парку, ездили иногда в Калининград, — делать в нем было совершенно нечего. Разрушенный во время войны, бестолково застроенный некрасивыми серыми панельными строениями, его

как будто специально обезличили, стерли следы старой жизни, превратили в один из многих сотен безликих российских городов. Сделали это скорее всего без злого умысла, злой умысел — это тоже работа, а работать у нас кто любит? Просто застроили бездарно, ни о чем не думая или думая о человеко-единицах на метр квадратный. Редкими местами выглядывали чудом сохранившиеся форты, или немецкие розовые домишки: Для всех строений советского времени был выбран веселый и, «радующий глаз», серый цвет — удачная архитектурная находка… Проститутки вечером и светлым днем стояли в разных многочисленных местах Калининграда:, еще страшнее, чем на Ленинградском шоссе в Москве. Кроме страшных, но все-таки кому-то нужных мордашек, эти девочки имели самый высокий процент ВИЧ-инфицированных по России, но это не останавливало их клиентов пользоваться их услугами, удивительный героизм проявляли они, испытывая судьбу.

Еще одно чудо нашего административного порядка — и в Калининграде, и в Балтийске частным лицам запрещалось продавать рыбу. Почему? Почему в приморских городах, где испокон веков для некоторых это являлось небольшой статьей приработка, где любой человек, пришедший на базар, ожидает увидеть ряды со свежей рыбкой, нельзя её продавать? В Балтийске не было никаких производств и промышленных предприятий, соответственно и рабочих мест достаточных для всех. Если человек не военный или не ходит в море на корабле, то шансы устроиться на работу были почти нулевыми. Молодые парни почти все занимались извозом на старых начала восьмидесятых «мерседесах», привезенных за копейки на местных кораблях. Занятие извозом было непростым бизнесом в городе Балтийске — городе, в котором везде можно дойти пешком. А рыба была источником дохода как раз пожилых людей, выходящих в залив на стареньких катерах. Но кого у нас интересуют пенсионеры? Зачем им вообще деньги? Наловили рыбу, ешьте сами. Я уже не помню официальную причину этого запрета, но при любой он выглядел идиотизмом и вызывал возмущение.

Рыба, конечно, была. Наш замечательный русский человек, в данном случае, традиционно забитый и послушный наш пенсионер и в этот раз справедливо «положил» на умные власти. Ведро с рыбой стояло под каждым базарным прилавком, но теперь надо было спрашивать: «Судачек свежий есть?» «Есть». «А угорь копченный?» «Есть». Все было, но, как и при советской власти «из-под полы». Жизнь регламентировала не отъевшаяся, уворовавшая у бедного старика власть:, а море, дающее щедро рыбу: и спрос на нее.

— Джон, привет! — вообще его звали Вовка, но прилепившаяся в детстве кличка так и осталась с ним до вот уже почти сорокалетнего возраста. Он был старше меня.

— Борис, ты что ли? — Джон испуганно посмотрел на меня, смутился и даже покраснел. — Тетя Нонна если бы не сказала, что ты приехал, то я бы тебя и не узнал.

— А ты совсем не изменился, — ответила я.

Это было неправдой, Джон неожиданно для меня выглядел совсем взрослым и уже немолодым мужиком, с зубами у него была какая-то проблема, части их не было, другая — пожелтевшая, покоричневевшая выглядывала из его смущенной улыбки пугающей иллюстрацией из учебника по стоматологии: Но даже с такой гнилой улыбкой из триллера Джон сохранил свое особенное обаяние и выглядел симпатичным мужчиной, я удивилась, что он до сих пор не женат и так ни разу и не был.

Вечером они с Андреем Штепой повели нас в местный бар, потом мы перебрались в другой, потом еще: Они не давали мне расплатиться, я совала им деньги. «Нет, ты наш гость», — говорили они. Денег я получала гораздо больше, чем они вместе взятые. Мне было неловко, я понимала, что для них это серьезные затраты. Потом я увидела, как Джон подошел к своему знакомому за соседним столиком и взял у того деньги взаймы, — деньги у них закончились, а они все равно не хотели их брать у меня. «Вот, настоящие русские мужики!» — подумала я. Я тут же завершила наши походы по злачным достопримечательностям Балтийска, сунула Джону деньги в карман, и мы с Машей пошли домой спать.

* * *

Шесть часов утра: Звонок: Инстинкты и интуиция, как у животного, боюсь самого страшного, рука берет трубку и дрожит.

— Заечкин! — Маша плачет в трубку: Еще на что-то надеюсь. — Мама твоя умерла.

Растерянность и страх парализует меня. «Не может быть: не может быть: не может быть:».

— Заечкин, алло! Ты слышишь? Чего ты молчишь? Инна Ивановна сейчас позвонила: Алло!

— Не может этого быть: — вырывается вслух: «не может быть: не может быть:», — в парализованном сознании одна фраза.

— Езжай срочно. А то сейчас приедут, заберут её.

Ехать? Я очнулась. Да, надо ехать. Может быть, она просто без сознания? Инна Ивановна почти слепая, разве можно ей

доверять. Надо срочно ехать и вызвать скорую. Скорую!: Я вскочила с кровати.

— Скорую вызвали? Надо скорую срочно вызвать.

— Заечкин, приезжала скорая. Умерла она. Это врачи со скорой сказали об этом. Констатировали смерть:.

Ноги подкосились, я упала на диван. «Не может этого быть: Мамочка, прости: прости меня: Как же так? Еще совсем не старая: я к тебе так долго не приезжала: пыталась этим добиться, чтобы ты легла в больницу: ты умерла одна: никого не было рядом: Нет!!!»

— Нет!!! — кричала я. — Нет!!! — я кричала и плакала. К потере бабушки все были готовы. Эта потеря: «Нет!!! Не может быть:» Я опять села. Я кусала губы и часто мелко дышала: «Нет!!!»

— Заечкин, надо ехать.

— Да, да, да: — было тяжело дышать, во рту сухо. — Как это произошло?

— Она почувствовала себя плохо, позвонила Инне Ивановне. Пока та одевалась спуститься к ней, мама твоя еще раз позвонила ей и сказала, что умирает.

Боль: боль: боль: какая боль: Я плакала, я ничего уже не могла сделать. Почему такое произошло? За что?

— Инна Ивановна спустилась, а мама лежала уже мертвая. Она вызвала скорую, они приехали, сказали то же самое:, - Маша продолжала рассказывать, подробности не оставляли никакой надежды. Слезы высохли, внутри пустело — защитная реакция сознания на большое горе.

— Я выезжаю, позвоню.

— С тобой поехать?

— Оставайся с Лизой.

Я встала, оделась, села в машину. «Почему? — думала я. — Может быть, это сон? Реальный, как обычно это у меня бывает, но сон?» — я на всякий случай ущипнула себя за руку и опять расплакалась. Все происходило на самом деле. Я ехала и вспоминала свою последнюю встречу с мамой:.

Неожиданно позвонил Тугов.

— Алло! Здравствуйте! Это Тугов, я участковый врач Вашей мамы.

— Да, здравствуйте! Что-то случилось? — на душе заскребли кошки.

— Пока нет. Мне телефон дала Ваша мама, я её об этом попросил. Ей надо срочно ложиться в больницу, а она не хочет. Я не могу её убедить, поэтому и звоню Вам. Вы должны на неё как-то повлиять:

— О-о-й! Я каждый день ей об этом говорю. Я не знаю, что с

ней делать. А что с ней? Какой диагноз? Что-то с онкологией?

— Я не могу сказать сейчас точно, ей надо обследоваться. Но у неё очень нехорошие симптомы, очень нехорошие. Печень увеличена, живот вздут, температура повышена. У нее, вероятно, асцит. Видимо, что-то еще. Не знаю.

— А прогнозы?

— Если она не ляжет в больницу, то, смотря на сегодняшнюю картину, я думаю, Ваша мама может умереть.

— Всё настолько серьёзно? — испугалась я.

— Да, ей надо срочно ложиться в больницу, постарайтесь убедить её в этом.

— Хорошо, спасибо Вам огромное. Я еду к ней сейчас. Спасибо Вам, что позвонили, спасибо.

Меня удивила такая забота Тугова, я была ему искренне благодарна. Моя бабушка почему-то не вызвала у него желания ей помочь даже в пределах его небольших врачебно-участковых обязанностей.

Я развернулась и направилась в Тушино: Что делать с мамой? Она упорно не хотела ложиться в больницу. Насколько оправданы и серьёзны опасения Тугова? Своими прогнозами он меня напугал, но уговорить маму лечь в больницу пытались почти год все её близкие:.

Слева и чуть впереди от меня, резко затормозив, взвизгнул автобус, в этот момент, не успев остановиться, ему в «задницу» въехала старая белая «тойота». Тормозил автобус перед красным светофором, все другие машины остановились тоже, «тойота», видимо, была увлечена не дорогой и, сильно разбитая, стояла теперь воткнутая передней своей частью под высокий корпус автобуса. Я тоже остановилась перед вставшим передо мной маршрутным такси. Пострадавший автобус был не простым, автобус был «ПАЗом», оказывающим услуги похоронных перевозок. Женщины в черных платках смотрели в окна, лица заплаканные, за ними, видимо, гроб — его не видно. Кто в нем? Чей-то сын, отец или мать:? На боку автобуса реклама похоронного агентства и телефон: «791 13:». «Надо же! Ехать хоронить и попасть в аварию! Вот не повезло! Полдня, наверное, просидят в автобусе с гробом, дожидаясь ГИБДД», — подумала я тогда. А ещё холодом меня обдала мысль: «Это мне знак? В момент аварии я думала о маме и о том, что сказал мне Тугов: Знак это или нет? Если знак, то очень нехороший:», — я перекрестилась и поехала на зеленый свет подальше от этого переполненного чужим горем автобуса.

Наша квартира, мама сидит на синем кресле, ноги под себя, в руке дымящаяся сигарета, на такого же цвета диване умерла моя

бабушка, диван и это кресло принадлежали одному гарнитуру:, на месте бабушки лежит теперь кошка. На половине квадратного журнального столика сковородка с жареной картошкой, сбоку от нее с трудом уместился большой зажаренный кусок мяса, еще на столе полная тарелка селедки, — всё, чтобы помочь желудочным кровотечениям, которые неожиданно случались у мамы уже не раз. На второй половине стола — разложенные карты, я пришла, мама кому-то гадала по телефону. Гадала она всем и всю свою жизнь, то ли правду говорила, то ли она такая черненькая была, как цыганка, и вызывала этим доверие. Была она в своего отца, моего деда, он, говорят, был чернющий и смуглый, как настоящий араб. Всё свое детство помню: «Изольда, погадай! Что будет:?», дальше следовал интересующий вопрос. Никто не мог уйти без этой просьбы.

— Мама! Ты опять! Сколько курить можно? В больницу надо ложиться, а ты выкуриваешь по две пачки:, - высказала я с порога привычное своё возмущение её курением.

— Отстань, тебе не понять этого. Лучше помру с удовольствиями, чем мучаясь.

— Да: Мне действительно этого не понять:, идиотизм я никогда не понимаю. Тебе говорит врач, надо бросать курить, сидеть на диете, ты куришь еще больше и ешь жареное, острое и жирное. Зачем ты картошку поджарила? Сварила бы кашу на ночь:

— Я не ем кашу.

— Ты как маленький ребенок, только я заставить тебя не могу.

— Отстань.

— Только что звонил Тугов, сказал, что тебе надо срочно ложиться в больницу.

— Все-таки позвонил: Не хотела давать ему твой телефон:

— Тугов оказался нормальным мужиком, не хочет еще одной смерти. Он мог бы мне не звонить, это не входит в его обязанности.

— Ай! — мама махнула рукой.

— Я поражаюсь твоей глупости. Он сказал, если ты не ляжешь в больницу, то ты умрешь. Тебе понятно? — в глазах мамы мелькнул страх. И я продолжила её запугивать. — Мама, ты хочешь слечь, как бабушка? Ей девяносто два года было или девяносто три. А тебе сколько? До чего ты доводишь свой организм? Тугов сказал, надо срочно обследоваться, что дела плохи.

— Ладно, праздники пройдут, тогда лягу.

— А праздники тут причем? Ты на демонстрацию собралась?

Он сказал, ложиться надо срочно, что состояние твоё очень серьёзное.

— До праздников не лягу. Лучше скажи, как Маша и как Лиза? — мама перевела наш разговор на другую тему.

— Нормально. Только ты зря уходишь от разговора о больнице, я от тебя не отстану. Если врач звонит уже родственникам, то это, значит, всё очень серьёзно.

— Маша работает? — невозмутимо спросила мама, не замечая моих слов.

— Я её приглашаю, как стилиста на съёмки. Она деньги за это получает.

— А что она делает?

— Ну, как парикмахера и визажиста её приглашаю — прически она делает и красит: мэйк-ап: ну, лицо то есть: Тебе же уже рассказывали об этом.

— Изменилась она, — сказала мама задумчиво. — Была такой девочкой доброй: Почему она обозлилась на весь мир? Я с ней разговаривала по телефону, она про тебя гадости говорила: Мне не нравится это.

— Ладно, мам. Мы развелись, она злится. Не обращай внимания.

— Ох! — мама вздохнула. — Переживаю я за тебя.

— Не переживай.

— А с Катей у тебя как?

— Скорей всего никак. Иногда вроде ничего:, но мы не поженимся, если ты это имеешь в виду. Уже пережили свои страсти.

— Но она тебе нравится?

— Как женщина, она мне нравится больше: э-э-э:, - я закатила глаза к потолку, не зная с чем адекватно сравнить мой интерес и мою симпатию к Кате, в сознании нагло вылезли, растолкав другие словосочетания, напыщенные фразы — «больше жизни», «больше всего на свете»: Не то: глупость какая-то! Нужную я не нашла. — Короче, нравится: Нравится, но этого мало для совместной жизни.

— Жалко, что у вас ничего не вышло, — мама глубоко затянулась и загрустила.

— Жалко: Или не жалко. Не знаю. Бог даст — будет ещё любовь, морковь и всё остальное.

— Лучше уж тогда любовь: Может быть, поешь картошечки с селедочкой?

— Не-е! Я поел. Тугов позвонил, и я сразу заехал к тебе.

— Ай!: Его слушать: — мама опять с раздражением махнула рукой.

— Мама, ты уже два раза чуть не умерла, скорая вовремя приезжала. Такие кровотечения неожиданные у тебя! Ложись, обследуешься, подлечишься:

— Не хочу сейчас, — мама потушила выкуренную сигарету, бросила в пепельницу и сразу вытащила из пачки другую. Я с ненавистью посмотрела на витиеватые золотые три буквы в центре сигаретной пачки — «ЯВА». Эти сигареты вот уже двадцать лет усердно помогали испортить мамино здоровье, портило её здоровье и многое другое, но на своем участке фронта «Ява» знала своё грязное дело, после всех флюорографий маму обязательно вызывали делать её ещё раз, а потом посылали в тубдиспансер, где после обследований оказывалось, что она имеет просто затемнения в лёгких от чрезмерного курения.

— Ну, что за упрямство, мама? А когда захочешь? Я тебя в больницу отвезу на машине, навещать буду.

— Ладно, всё. Не лягу я сейчас. Я Светлане Михайловне обещала позвонить, догадать ей, а то поздно будет.

— Я не знаю, что с тобой делать: Ладно, звони мне, если что. Я заеду после выходных, — я её поцеловала и уехала.